

СУДЬБА АРХИВА ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Статья С. В. Житомирской

I

Известные слова о книгах, «имеющих свою судьбу», с еще большим правом можно отнести к архивам — к документам, рукописям, письмам, возникающим в жизни человека и остающимся после него, запечатлевая упешную жизнь в слове. Судьба архива почти всегда — следствие жизненной и творческой судьбы его создателя. В истории русской литературы и общественной мысли немного примеров, столь наглядно подтверждающих эту мысль, как история архива Герцена — сложная и исключительная подобно самой его жизни.

Жизнь, расколотая на несоединимые части тюрьмой и двумя ссылками в России, потом, до конца, эмиграцией. Небывалое для русского писателя и публициста общественное поприще на Западе в эпоху сменявших друг друга исторических потрясений: «Жизнь... жизни, народы, революции, любимейшие головы возникали, менялись и исчезали между Воробьевыми горами и Примроз-Гилем; след их уже почти заметен беспощадным вихрем событий» (VIII, 12). Трагический конец семейной жизни; потом затяжная безвыходная драма нового брака, распад семьи, нестабильность всего существования. Подвиг Вольной русской печати — и диктуемая им неизбежная конспирация. Дети, выросшие на чужбине и утратившие связь с родиной (а потом внуки — французы, итальянцы, американцы, не знающие уже и русского языка). И, наконец, долгие десятилетия запрета его творчества в России — его трудов, обращенных к ней и созданных ради нее. Легко ли в такой жизни, в «беспощадном вихре событий» уцелеть бумагам?

Об их печальных судьбах немало свидетельств самого Герцена. О переписке с невестой: «Ни одного письма из писанных ею в тюрьму не могло у меня уцелеть. Я их должен был тотчас уничтожать» (VIII, 389). О рукописи первой своей автобиографии: «Два отрывка, искаженные цензурой, были напечатаны. Остальное погубило; я сам долею сжег рукопись перед второй ссылкой, боясь, что она попадет в руки полиции и компрометирует моих друзей» (VIII, 398). О «мемуаре», написанном для публикации Э. Гаутом после его объяснения с Гервегом по поручению Натальи Александровны Герцен: «И я еще раз благословил судьбу, что не только взял у него его тетрадь, но, уезжая в Англию, ее сжег» (X, 310).

Великий мемуарист, Герцен не просто знал цену документам — он дорожил ими более, быть может, чем большинство его современников. Это он сказал о письмах слова, поистине афористические: «Письма больше, чем воспоминания; это само прошедшее, задержанное и негленное» (VIII, 290). Но самому ему часто не удавалось сберечь это прошедшее. «Жаль, что не много писем уцелело у меня, — писал он, публикуя в V книге «Полярной звезды» «Старые письма». — Моя жизнь прибывала меня к разным берегам, к разным слоям, я со многими входил в сношения, но три полицейские нашествия: одно в Москве и два в Париже¹, отучили меня от хранения всякого рода писем. Уезжая в 1852 г. из Италии и думая пробраться через *смирительную* империю, я сжег много дорогого мне» (XI, 515). Еще одно свидетельство Герцена иными обстоятельствами объясняет столь же печальную судьбу многих его бумаг: «Вы не представляете себе нашего бродячего существования, — писал он Мишле 13 октября 1853 г. — Мы кочуем из страны в страну, оставляя всюду половину книг, вещей и т. д.» (XXV, 122). Понятно, что в таких условиях уничтожалось все, что не казалось крайне необходимым в будущем. Сохранилось свидетельство об этом сына Герцена. Посылая П. Б. Струве в сентябре 1902 г. некоторые материалы из архива отца для использования в журнале «Современность», в том числе автограф статьи «Пророк-издатель», А. А. Герцен прибавлял в конце письма: «... посылаю вам подлинник статьи моего отца для „Колокола“, вещь весьма редкую, ибо он всегда уничтожал свои рукописи после напечатания»². Как мы теперь знаем, из подобной практики было все же немало исключений, но в большинстве случаев так оно, вероятно, и было. Еще последовательнее проводил эту практику Герцен, по понятным соображениям, по отношению к рукописям и письмам, присылавшимся ему из России. Он писал об этом 28/16 декабря 1859 г. одному из своих русских корреспондентов:

пондентов, Г. Я. Будновскому: «Предпринятое мною дело — дать голос русским страданиям — есть для меня священнодействие. Я знаю мою обязанность относительно тех, кто посылает мне что бы то ни было, а потому ни одна строка, ни разу, никогда не выходила из-под ключа, а чтоб не было много рукописей, я их жгу» (XXVI, 319).

Но, разумеется, Герцен далеко не всегда считал нужным хранить и письма, не имевшие такого конспиративного значения, и далеко не каждое из них вообще ценил. Одни просто уничтожались, другие он мог подарить. Так, А. Б. Гольденвейзер со слов Л. Н. Толстого рассказал в своих воспоминаниях, как Герцен в присутствии Толстого в 1861 г. получил записку от Маццини, и Толстой тут же выпросил ее на память³. В 1857 г. Герцен дал некоему юноше, ехавшему в Женеву, рекомендательное письмо к Карлу Фогту. Потом планы юноши изменились, и он запросил Герцена, как поступить с письмом. «Продать в Россию как рукопись великого человека, адресованную еще более великому». — Таков был мой скромный ответ, — шутивно сообщал об этом Герцен Фогту (XXVI, 143). Но пошучивая над возможностью собирания своих автографов, Герцен сам завел вскоре альбом, куда вклеивал автографы своих выдающихся современников, — и жаль, что далеко не все.

Шли годы, но образ жизни Герцена по-прежнему не создавал условий для сохранения рукописей и писем. Близкий к нему в последние годы его жизни Г. Н. Вырубов вспоминал: «Он переезжал на житье из города в город, перевозя все свои пожитки в небольшом кожаном чемодане; иногда, кроме чемодана, был еще ящик с книгами. Книг у него было довольно мало; уезжая, он большею частью оставлял их на месте с намерением потом перевезти, и покупал, когда было нужно, ту же книгу несколько раз»⁴. С бумагами было уже сложнее, их часто приходилось оставлять на хранение у более оседлых друзей.

В тот самый день 1849 г., когда во Франции полиция обыскивала квартиру Л. И. Гага, Герцен, уже из Женевы, писал жене: «Не забудьте взять мои рукописи у Георга, будем отсюда их печатать» (XXIII, 148), а еще через две недели напоминал ей: «Собери мои рукописи, у Гервега два свертка» (XXIII, 161). Отправляясь после смерти жены из Ниццы в Лондон, Герцен многое сжег, а оставшиеся бумаги вместе с вещами несколькими частями отдал на хранение друзьям — М. К. Рейхель, Энгельсонам, К. Фогту, отвезшему их в дом своих родителей в Берн. В феврале 1853 г. Герцен просил Марию Каспаровну: «Теперь мне надобно достать мои рукописи; доля их у Энгельс(она), можете попросить, взять и, прибавивши, если у вас что есть, приготовьте на случай случая сюда прислать» (XXV, 24). О том же он напоминал ей через месяц, 18 марта: «... предписывается вам сообщить мне, какие из моих рукописей русских есть у вас; да я вас просил взять у Энгельс(она); приготовьте все это мне отправить при первой okazji» (XXV, 30). У нее были оставлены и книги: в июле 1853 г. Герцен писал: «Да мне очень нужно мои старые писания: «Об изучении природы» и «О дилетантизме» (XXV, 78).

Подобные просьбы содержатся и в письмах к К. Фогту. 24 марта 1853 г. он просит Луизу Фогт найти надежный способ переслать ему в Лондон ящик с картинами и папку с «довольно важными бумагами»⁵. Предложение Фогта вверить все это почте вызывает у Герцена сомнение: «Относительно папки не знаю, что сказать; лучше ее не отправлять. У меня есть уже пример пропажи бумаг, а там русские письма, имеющие для меня огромную ценность» (XXV, 41). В конце концов бумаги в августе того же года привез в Лондон знакомый Фогта Г. А. Редигер (XXV, 90)⁶. Но и тогда часть рукописей осталась в Берне. В октябре 1853 г. Фогт сообщил Герцену, что взял у родителей «сверток, в котором находятся ваши письма о буржуазии»⁷. «Письма» эти, по предположению составителя «Летописи жизни и творчества А. И. Герцена» — ранняя редакция «Письма первого»⁸, еще долго находились у Фогта. Он напоминал Герцену в декабре 1856 г.: «Я вспомнил, что у меня хранятся ваши письма о буржуазии». Возможно, что Герцен так и не забрал их, — во всяком случае, они принадлежат к числу его рукописей, судьба которых неизвестна. Были случаи, когда через Фогта передавались бумаги, хранившиеся в других местах. Так, в апреле 1857 г. Герцен просил его переслать в Лондон (с ехавшим туда баденским демократом-эмигрантом Гёггом или «столь же надежным другим лицом») пакет с бумагами, хранившийся у некоей г-жи Танчони близ Женевы (XXVI, 87).

Уже в первые годы жизни в Лондоне Герцен тревожно задумывался о судьбе своих рукописей и бумаг. В конце 1854 г., на случай своей смерти, он письменно просил В. Энгельсона вместе с М. Мейзенбугом взять на себя «труд по приведению в порядок (. . .) бумаг, документов, рукописей и т. д.» (XXV, 260, 262). Позднее, в мае 1855 г., в следующем распоряжении он отказался от помощи Энгельсона, заменив его своим сыном Александром (XXV, 259—260). Герцену предстояла еще долгая жизнь, еще не раз круто менялись его отношения с семьей и близкими, но

функция будущего распорядителя документальным наследством навсегда осталась за его сыном.

Длительная и относительно стабильная жизнь Герцена в Лондоне способствовала не только сохранению большего, чем до этого, количества рукописей и писем, но и некоторому пополнению накопившегося в эмиграции архива бумагами, ранее оставленными в России. С оказиями (П. Л. Пикунин в 1855 г., Огаревы в 1856-м, Н. Н. Булич в 1858-м, племянник М. Ф. Корш Куманин в 1862 г. и др.) получена была часть писем времени вятской ссылки, письма 1830—1840-х годов от Белинского, Грановского, Полевого, некоторые документы из архива отца, портреты.

О приезде Булича и привезенных им бумагах Герцен в эти дни написал нескольким своим корреспондентам — П. В. Анненкову: «Булич привез мне кипу старых бумаг из 1840—46 года, в том числе с десяток писем Белинского» (XXVI, 198); М. Ф. Корш, с указанием других хронологических рамок полученных бумаг: «Между прочим он привез мне не только письма, бывшие у Ел(изаветы) Б(огдановны), но и кипу наших бумаг и писем от 38 до 46 года» (XXVI, 193).

В письме к М. К. Рейхель еще другие даты: «Булич привез мне пук разных писем старых врем(ен) 1842—46» (XXVI, 195). Очевидно, как относительна точность данных, которые нам приходится извлекать из подобных беглых упоминаний в письмах⁹.

Уезжая в 1847 г. из России, Герцен, конечно, вовсе не был уверен, что уезжает навсегда, и поэтому не имел необходимости увозить с собой весь сложившийся к этому времени архив. Было бы естественно просто оставить его дома. Но Герцен обладал уже достаточным опытом жизни в николаевской России. Все, что он считал необходимым сохранить и уберечь от жандармского внимания, было оставлено частью у Грановских, а частью — целый ящик — у Коршей (впоследствии, если верить указанию Лемке, М. Ф. Корш передала этот ящик Т. А. Астраковой — Л VII, 160). Понятно, что сейчас невозможно определить ни содержимое ящика, ни все ли, в нем находившееся, оказалось потом за границей. В письмах Герцена речь идет то о «бумагах и письмах» — значит, не только о письмах (письмо к М. К. Рейхель от 15 ноября 1852 г. — XXIV, 360), то о «ящике с письмами» и портретах (к ней же 27 декабря 1853 г. — XXV, 143). Но, видимо, большая и самая дорогая для Герцена часть этих бумаг была доставлена к нему в Лондон.

В 1854 г., в книге «Тюрьма и ссылка», составившей потом II часть «Былого и дум», Герцен так писал о своей переписке с невестой: «Эти письма все сохранились. Я их оставил в Москве. Ужасно хотелось бы перечитать их, а страшно коснуться...» (VIII, 290). Через несколько лет, во 2-м томе лондонского издания 1861 г., он рассказывал: «Когда я писал эту часть «Былого и дум», у меня не было нашей прежней переписки. Я ее получил в 1856 году (...). В бумагах Natalie я нашел свои записки, писанные долею до тюрьмы, долею из Крутиц. Некоторые из них я прилагаю к этой части» (VIII, 389). Среди привезенных из России бумаг были также письма вятских знакомых А. и П. Скворцовых¹⁰ и подруги юности Натальи Александровны Саши Вырлиной (VIII, 326—327). Но, конечно, что-то осталось в московском доме — и из этого до нас дошло весьма небольшое, случайно сохранившееся и еще более случайно обнаруженное потом первыми публикаторами наследия Герцена в России — Т. П. Пассек и Е. С. Некрасовой. Отчасти поэтому неизвестны рукописи большинства произведений Герцена доэмиграционного периода.

Рассматривая в данной работе судьбу архива Герцена, мы ограничиваем свои задачи именно архивом, не ставя перед собою цель проследить судьбу всего его эпистолярного наследия — ибо написанные им письма, с его письменного стола отправившись к адресатам, и не входили никогда в его архив. Нам придется касаться их кое-где, поскольку их разыскивали и собирали несколько поколений ученых и издателей. Но говоря о том, что должно было оказаться и сохраниться в России после отъезда Герцена в эмиграцию, нельзя не вспомнить о его письмах к друзьям, горевших в московских каминах — тех, что сожгла, например, «сама не зная зачем», Т. П. Пассек¹¹, и многих других. Так, в дневнике Е. С. Некрасовой, где передана ее беседа с дочерью Герцена Натальей Александровной в Лозанне в 1893 г., записано: «А Вы знаете, — спросила у нее Некрасова, — куда девались письма Ваших родителей, адресованные М. Ф. Корш? — Нет. — Она отослала их Кетчеру, а тот бросил в камин»¹². Происходили подобные ауто-да-фе и позже — та же Некрасова записала: «В 80-х гг., будучи в Петербурге, Е(катерина) А(лександровна), узнав о начавшихся обысках и арестах, сожгла все письма Герценов и их портреты (слышано все от Линниченко)»¹³.

Последнее десятилетие жизни Герцена было еще менее благоприятно для сохранения его архива, чем предыдущие. Неоднократные и долгие разлуки и со второй женой, и с детьми одним

из следствий имели обильную и необыкновенно ценную для будущих историков переписку с ними и с Огаревым. Но сложные и тяжкие семейные взаимоотношения сказались на далеко не полной ее сохранности.

«Писем моих не присылай,— писала Герцену в Борнемут 6 октября 1860 г. Н. А. Тучкова-Огарева,— сожги их, когда переедешь в Лондон»¹⁴. И через много лет в ее письмах звучит тот же мотив: «Жги мои письма, зачем нам их, ведь над нами нет суда»¹⁵. Отвечая вскоре на его возражения, она повторяла: «А насчет писем я остаюсь своего мнения и прошу тебя их уничтожить — нам они, кроме горечи, ничего не могут напомнить, а Лизе они будут вредны < . . . >, по крайней мере, держи их в пакете с надписью: сжечь после смерти»¹⁶. Просьба эта не была выполнена, и многие письма сохранились — несомненно, однако, не все: «Летопись жизни А. И. Герцена» насчитывает 89 неизвестных писем Герцена к Наталье Алексеевне и 37 писем ее к нему.

С такими же просьбами Н. А. Тучкова-Огарева обращалась позднее к Огареву. 12 апреля 1875 г. она писала ему: «Я бы желала, чтоб ты сжег мои письма, старые особенно; к чему после нашей смерти посторонним копать в нашей душе»¹⁷. Желание это, высказанное в момент, когда отношения были уже окончательно порваны, вызвало сопротивление и возмущение Огарева, писавшего Н. А. Герцен: «Хотя она < . . . > и требует, чтоб я истребил ее письма ко мне, чтобы никого не мешать в наши дразги, но я этого не сделаю, чтобы иметь на всякий случай показать, кто прав, кто виноват, кто добр, кто зол»¹⁸. Письма, о которых шла речь, сохранились: после смерти Огарева они достались детям Герцена и дошли до нашего времени.

Все сказанное до сих пор, отнюдь не претендуя на историю формирования архива Герцена и утрат из него при его жизни, имело более скромную цель; показать, насколько отрывочны наши сведения об этом и как трудна задача реконструкции состава тех бумаг, которые были налицо, когда в январе 1870 г. в своей парижской квартире неожиданно скончался их владелец.

Современные знания и об архиве Герцена и вообще о его рукописном наследии, далеко выходящем за рамки архива в точном смысле слова, — плод более чем столетних интенсивных исследований. Огромный объем сведений накоплен в литературе, и особенно в таких специальных изданиях, как «Русские Прописи», «Архив Н. А. и Н. П. Огаревых», «Звенья», посвященные Герцену и Огареву «Бюллетени Государственного литературного музея», шесть герцено-огаревских томов «Литературного наследия», печатные описания материалов Герцена и Огарева, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, ЦГАЛИ СССР и Пушкинском доме, научные переиздания «Колокола», «Полярной звезды», «Исторических сборников», «Голосов из России». Бесценный вклад в эти знания внесли оба фундаментальных издания собраний сочинений Герцена — под редакцией М. К. Лемке и академическое издание 1954—1965 гг. и, наконец, «Летопись жизни и творчества А. И. Герцена», не только обобщившая в своей специфической форме все, к настоящему времени известное, но и внесшая много нового, в частности — указания на неизвестные рукописи и письма, присланные Герцену, т. е. неизвестную часть его архива. Но при всем этом сложившиеся представления о том, из чего в конце жизни Герцена состоял его архив и чего наука в нем недосчитывается, недостаточно точны и противоречивы. Причин этого несколько.

Дело в том, прежде всего, что сведения, рассыпанные в обширной литературе и комментаторском аппарате, связанные там, как правило, с каким-то конкретным документом или произведением, никогда еще не были обобщены и проанализированы под указанным углом зрения. Даже в собраниях сочинений в задачу комментаторов и составителей входило лишь указание на местонахождение подлинника или его неизвестность. Судьба архива, которая объяснила бы и то и другое обстоятельство (а, значит, и указала бы возможное направление поисков утраченного), здесь исследоваться не могла и не должна была. Возникновению более точных представлений препятствовало и отсутствие сводного описания рукописей Герцена (и тем менее — Огарева) в советских хранилищах, подобного осуществленным в последние десятилетия описаниям наследия Достоевского и Блока¹⁹.

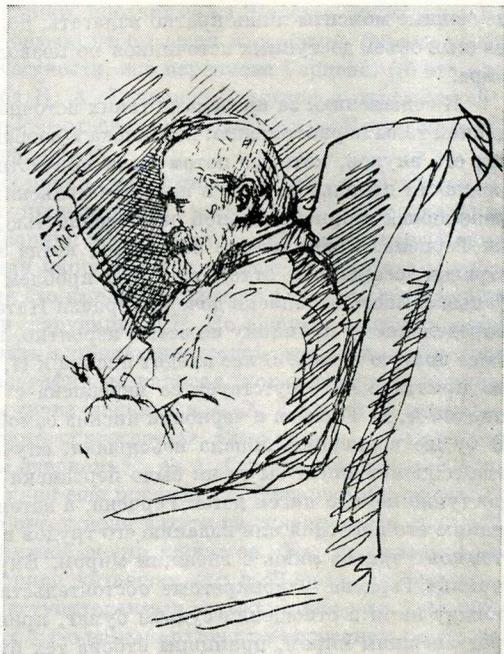
Понятно, что еще менее точны данные о части наследия, оказавшейся в зарубежных хранилищах. Настойчивые разыскания в этом направлении уже много лет ведет «Литературное наследство». Плодом их явился не только особый том «Герцен в заграничных коллекциях», но и значительное пополнение документальной базы тридцатитомного собрания сочинений. И все же, как выяснилось потом, результаты были не исчерпывающими — не были выявлены не только материалы, тогда еще хранившиеся в частных собраниях потомков Герцена, но и часть тех, что к тому времени давно уже хранились в европейских библиотеках и архивах. Нельзя не отметить здесь, что решающую роль в незавершенности поисков в те годы сыграло то обстоятельство,

что им не предшествовало подробное исследование судьбы архива Герцена. Более того — в нем не возникала потребность. К тому времени казалось, что история архива — история его постепенного расчленения между наследниками Герцена, а от них — между лицами и учреждениями в России и за границей — вполне выяснена. Основные ее этапы, освещенные в нескольких работах — Н. М. Мендельсона, С. А. Макашина и Б. П. Козьмина²⁰, далее повторялись без существенных изменений²¹. Но когда позднее в одно из зарубежных хранилищ поступил новый крупный комплекс материалов из архива Герцена, а главное, в давно сформировавшихся за рубежом собраниях обнаружили некоторые рукописи и письма из него, считавшиеся утраченными со времен Лемке, стало очевидным, что некоторые существенные стороны истории архива ускользнули от исследователей и нуждаются в уточнении. Достаточно указать, что при подготовке к печати «Былого и дум» в тридцатитомном собрании сочинений Герцена не удалось разыскать автограф той части, которая в этом издании была названа «Рассказ о семейной драме», хотя Лемке напечатал ее по копии с этого автографа, находившегося тогда у Н. А. Герцен (напомним, что, не найдя автографа, публикаторы вынуждены были положить в основу текста одну из копий, оказавшихся в составе Пражской коллекции). А тщетно разыскиваемая рукопись с 1938 г. хранилась в Международном институте социальной истории в Амстердаме, откуда в те же годы было получено немало фотокопий герценовских материалов. И если бы розыски велись на базе уже предпринятого исследования судьбы архива, на базе доступных и тогда источников, то выяснить это было бы нетрудно: рукопись эта, в ряду других материалов, упоминалась, как мы увидим далее, в переписке ее владельца Владимира Александровича Герцена с Литературным музеем. Аналогичная ситуация сложилась и с упоминавшимся уже альбомом писем «известных современников» Герцена, о котором писали, что он «неведомо куда девался»²².

Между тем, чем дальше идет время, тем сложнее становятся поиски еще не найденного и, может быть, до сих пор находящегося у многочисленных потомков Герцена или в непредсказуемых частных собраниях в Европе и Америке. Поэтому исходная для этих поисков реконструкция первоначального состава документов становится особенно необходимой. Очевидно, что первым шагом к ней должно быть более подробное и точное исследование посмертной судьбы архива — с 1870 г. до наших дней. Попыткой ее проследить, зафиксировав в исторической последовательности не только все доступные нам подробности членения архива и передачи из рук в руки составивших его материалов, но и постепенное накопление сведений о нем у исследователей и публикаторов наследия Герцена, и является настоящей работа. Понятно, что автору придется не раз коснуться в ней истории издания этого наследия, тесно переплетающейся с судьбой архива.

Но прежде чем начать свой рассказ, мы должны обратить внимание еще на некоторые его особенности.

Существующая литература вопроса крайне неравномерно освещает различные моменты исследуемой здесь истории. Наряду с указанными уже общими работами, некоторые статьи и обзоры посвящены судьбе какой-то одной части архива²³, другие — тому или иному этапу изучения или издания Герцена²⁴. Складывающаяся в результате картина очень пестра: одни сюжеты исследованы самым детальным, почти микроскопическим образом, другие намечены самыми крупными и нечеткими штрихами, а ничем не заполненные пустоты между ними лишают возможности осмыслить процесс в целом. Стараясь равномернее его осветить, мы должны были подробнее останавливаться на менее известном, хотя, быть может, и не более важном, а хорошо

ГЕРЦЕН

Рисунок Н. А. Герцен (перо). 1860-е гг.
Национальная библиотека, Париж

изученные моменты лишь кратко излагать, дополняя и уточняя нужное. С другой стороны, различный объем доступных источников не позволял достичь желательной равномерности в полной мере.

К сожалению, за пределами таких источников остается документация, значение которой для данной темы первостепенно: переписка и вообще личные архивы всех трех детей Герцена, а также тех его внуков, которые потом были причастны к распоряжению его наследием. Вопрос о возможности использовать ее в исследовательских целях, достаточно деликатный сам по себе и осложняемый территориальной разобщенностью, не поднимался в то время, когда живы были внуки Герцена. Еще сложнее он теперь, когда многочисленные его потомки, живущие в разных странах, все дальше отходят от этих проблем²⁵. В составе Пражской коллекции находится небольшая часть переписки дочери Герцена Натальи Александровны²⁶, несомненно отобранная по определенному принципу из всего, вероятно, немалого архива, который должен был накопиться за ее долгую жизнь. В нее входят письма к Н. А. Герцен от исследователей и издателей Герцена, но практически отсутствует ее переписка с братом, сестрой, племянниками (есть одно лишь письмо А. А. Герцена и черновик письма самой Натальи Александровны к племяннице Ж. Рист). В ту же коллекцию попала небольшая, случайная по составу группа бумаг А. А. Герцена²⁷, где тоже нет какой бы то ни было переписки с сестрами или взрослыми детьми. Исследователю доступно немало писем детей Герцена, а затем и его внуков в архивах лиц, причастных к собиранию его наследия или изданию его трудов в России. Но они позволяют наблюдать общение потомков Герцена лишь с внешним миром. Внутренняя же, семейная линия посмертной истории архива Герцена — конкретные обстоятельства его деления между наследниками, разногласия между ними в отношении судьбы бумаг, принятие тех решений, с которыми они выступали перед внешним миром, принципы отбора тех бумаг, которые постепенно передавались ими в русские и зарубежные хранилища, — все это остается за пределами доступных нам источников и восстанавливается по разрозненным, случайным и часто противоречивым свидетельствам. Многочисленному, поэтому, суждено пока остаться не ясным или не вполне доказанным.

И, наконец, о проблеме архива Огарева, имя которого стоит рядом с именем Герцена не только в жизни, но и в предмете данной работы. Как известно, отчасти еще при жизни Герцена, а главным образом после его смерти, в архив, оставшийся у детей Герцена, вошла значительная масса бумаг Огарева — как возникших в эмиграции, так и привезенных с собой из России. Последующая судьба объединившегося документального наследия Герцена и Огарева была единой, — так, вместе, она только и может изучаться. Но рукописное наследие Огарева, состав и история его документов, рукописей, писем, а еще более — писем, обращенных к нему, исследованы в несравненно меньшей степени, чем Герцена: ведь нет не только собрания его сочинений, но и полного издания его писем. Очевидно, что восстановить судьбу бумаг Огарева с той же подробностью, что и бумаг Герцена, пока вряд ли возможно. Поэтому она освещается здесь лишь в той степени, в какой это неизбежно (и удастся сделать) при исследовании судьбы наследия Герцена.

Все сказанное заставляет видеть в предлагаемой работе только первый и неизбежно неполный опыт свода доступных документальных данных о посмертной судьбе архива Герцена и Огарева.

II

После кончины Герцена его семья оставалась в Париже недолго. В первых числах февраля 1870 г. Н. А. Герцен в сопровождении С. Тхоржевского уехала в Женеву для свидания с Огаревым. Результат этой поездки был неожиданным: под влиянием Огарева и Нечаева она решила переехать совсем в Женеву и принять участие в их пропагандистской деятельности. Вернувшись вскоре в Париж, Наталья Александровна проявила не свойственную ей вообще настойчивость и добилась согласия брата и Н. А. Тучковой-Огаревой на переезд последней вместе с нею и Лизой в Женеву²⁸. 22 февраля парижская квартира была ликвидирована. А. А. Герцену и Тхоржевскому, еще 18-го отправившимся для захоронения праха Герцена в Ниццу, телеграфировали, чтоб они не возвращались в Париж, и А. А. Герцен оттуда уехал домой во Флоренцию²⁹.

Использование рукописей Герцена и пересылка их начались в эти же первые недели. Еще в Париже, по-видимому, было принято решение об издании «Сборника посмертных статей», а в Женеве Н. А. Тучкова-Огарева приступила практически к его подготовке. В связи с этим она должна была оставить у себя предназначенные для сборника рукописи. Основная же масса материалов вместе с вещами была отправлена во Флоренцию. «Вот приносит предупреждение, —

сообщал А. А. Герцен Наталье Алексеевне, — что ящики, посланные из Женевы, приехали и находятся на таможне. Я спешу их оттуда достать: боюсь, чтобы вещи и особенно бумаги не испортились в сыром месте»³⁰. Отправлена была, в частности, вся переписка Герцена. Об этом говорит обращенная к А. А. Герцену вскоре просьба Н. А. Тучковой-Огаревой о присылке ей в Женеву каких-то писем. «Какие письма ты хочешь? — отвечал он ей 12 марта, — Неужели твои? Да как же я их пошлю? Ну, а как пропадут?»³¹

Сохранившийся проект титульного листа «Сборника посмертных статей» и составленный Н. А. Тучковой-Огаревой перечень намеченных произведений раскрывают первоначальный план издания. Заглавие формулировалось так: «Сборник посмертных статей Александра Ивановича Герцена, не вошедших в «Былое и думы» или написанных в последние годы его жизни». Текстам должно было предшествовать предисловие его сына и биография Герцена, «написанная Николаем Платоновичем Огаревым, другом его и сотрудником»³². Но Огарев, весной и летом 1870 г. полностью отдавшийся совместной с Нечаевым пропагандистской деятельности и изданию возобновленного «Колокола», задуманной биографии не написал, хотя, очевидно, начинал работать над ней. Он дважды упоминал об этом в своих письмах к А. А. Герцену: в письме от 7 марта — «Биографии я ближе шести месяцев не могу приготовить», 12-го июня — «Я не статью о нем писать хотел, а работаю над биографическим очерком»³³. А. А. Герцен, в отличие от него, предисловие для сборника написал. В марте 1870 г. он еще писал Н. А. Тучковой-Огаревой: «О предисловии дай мне подумать — я чувствую, что оно у меня как-то не складывается ловко»³⁴, но потом все же кончил его и послал в Женеву. 28 июня он спрашивал ее: «Как вы находите мое предисловие?»³⁵ Оно, по-видимому, не удовлетворило читавших его в Женеве, и сборник, в конце концов, был предварен лишь несколькими вступительными строками Огарева. Рукопись предисловия А. А. Герцена, возможно, сохранилась в семейном архиве: в полученном редакцией «Литературного наследства» в 1965 г. из Международного института социальной истории перечень хранящихся там материалов из архива Герцена значится «рукопись статьи о Герцене его сына».

По вопросу о том, что включать в сборник, сразу же возникли разногласия. 7 марта 1870 г. Огарев писал А. А. Герцену: «Останови Натали печатать письма Герцена, особенно впереди всего — это бросить камень в его память и возбудить вражду с двух сторон — со стороны реакции и прогресса, и присвоить его к буржуазии. Может вам этого хочется — я не знаю, но я решительно *требую*, чтобы их печатали в гораздо позднейшем выпуске»³⁶ (речь шла о письмах «К старому товарищу»). 10 марта А. А. Герцен ответил ему, что если он «этого особенно желает, то мы можем *начать* издание другими вещами, и эти письма напечатать попозже»³⁷. Так, по всей вероятности, и произошло бы, если бы не нетерпеливое, грубое вмешательство Нечаева. Еще прежде чем этот ответ А. А. Герцена дошел до Огарева, Нечаев отправил Н. А. Тучковой-Огаревой письмо от имени «Народной расправы» с требованием отказаться от печатания писем и с угрозами³⁸. Последняя вспоминала потом об этом: «Посмертное издание сочинений А. И. Герцена печаталось в Женеве под моим наблюдением; Н. П. Огарев просматривал корректуру, Александр же Александрович продолжал жить во Флоренции, поэтому письмо с угрозами было прислано мне»³⁹. После этого выбора уже не оставалось: нельзя было подчиниться наглому диктату, и вопрос о печатании писем решился сам собой.

Слегка поколебавшись, не разделить ли издание на два или даже на три выпуска, и, решив, «чтобы бедного Огар(ева) не слишком огорчать», поместить «несчастные письма» в конце⁴⁰, А. А. Герцен 12 марта написал Огареву письмо: «Я поступаю по совести; мой долг перед *ним*, перед Россией, напечатать *все* его статьи»⁴¹. Автор угрожающего письма был узнан А. А. Герценом без труда — недаром он писал Наталье Алексеевне: «Я не знаю, почему ты не хочешь с ним (Огаревым) и Татой об этом говорить. Ведь они наверно знают»⁴². Он, однако, ошибался: Огарев не только не подозревал о действиях Нечаева, но и гораздо позже, в июне 1870 г., накануне разрыва с ним, не считал его на них способным. Он писал А. А. Герцену: «Подметным письмам «Расправы» — я не верю: это какая-нибудь здешняя сплетня — из других рук»⁴³. А. А. Герцен, со своей стороны, настолько опасался дальнейших акций Нечаева, что просил Н. А. Тучкову-Огареву спрятать подлинные рукописи отца у А. Фогта с тем, чтобы не выдавать их «даже Тате», а снятые уже к этому времени копии отправить ему⁴⁴.

В ходе подготовки к печати «Сборника посмертных статей» перед семьей Герцена впервые встал вопрос о судьбе той части «Былого и дум», где рассказана история семейной драмы. По первоначальному замыслу центром сборника должны были стать все без исключения не опубликованные при жизни Герцена главы «Былого и дум». Уступая желаниям Огарева, А. А. Гер-

цен, как мы видели, готов даже был ограничиться ими на первых порах. Отдаленным отзвуком этой идеи явились слова Огарева в его кратком вступлении к сборнику: «Его дети решились печатать все, после него оставшееся, и начали с выпуска „Былое и думы“». Но уже 1 марта Н. А. Герцен сообщила М. К. Рейхель, что «все, относящееся к истории с Гервегом, не будет печататься»⁴⁵. Дерзкая выходка Нечаева, только усилившая решимость семьи напечатать все неизданное, внесла новые колебания и в этот вопрос. Н. А. Герцен сообщила по этому поводу М. К. Рейхель: «Хотели мы одно время печатать V-ый том папашиних записок («Былое и думы»), в котором он говорит о Ницце и об истории с Герв(егом), но оказывается, что все еще рано. Мы через знакомых узнали, что жена его больше, чем когда-либо, его обожает и что если бы она узнала, что что бы то ни было печатается или напечатано, то она бы сделала скандал. Рано или поздно надобно будет напечатать, так как папаша это желал, но пока мы отложили еще на некоторое время»⁴⁶. Сборник, вышедший в октябре 1870 г.⁴⁷, этой части «Былого и дум» не содержал. В принятом решении, диктовавшемся тогда опасениями, имевшими под собой реальную почву, впервые проявилась, помимо этого, внутренняя борьба, сопутствовавшая потом всей жизни детей Герцена: между стремлением опубликовать и популяризировать наследие отца, с одной стороны, и потребностью максимально ограждать от гласности все лично-биографическое и вообще то, что им казалось бросающим тень на память ушедших близких людей. И хотя, с течением времени, личное, отступая в прошлое, становилось историческим, а ограждение это становилось все менее оправданным, наследники Герцена продолжали оставаться в плену раз сложившихся понятий и ими руководствоваться в своих действиях. Сознывая, как трудно было с годами следовать принятой позиции, в особенности — при неразрывном сплетении жизни и творчества Герцена, как противоречила она его собственному пониманию своей биографии как общественного явления, да и ясно выраженным его намерениям⁴⁸, они, тем не менее, поразительно долго не могли психологически перестроиться, — и без учета этих мотивов многие решения, определявшие судьбу наследия Герцена и Огарева и его издания, нельзя было бы понять.

Сведения о том, где находились материалы из архива Герцена в первой половине 1870-х годов, до отъезда Н. А. Тучковой-Огаревой в 1876 г. в Россию, довольно отрывочны. Можно все же полагать, что после издания «Сборника посмертных статей» рукописи Герцена, находившиеся в Женеве, были полностью возвращены его сыну: автографы напечатанных там глав «Былого и дум» от него поступили впоследствии в московский Румянцевский музей⁴⁹, а рукописи других вошедших в сборник произведений им же были переданы М. П. Драгоманову и обнаружены потом в Пражской коллекции⁵⁰.

С архивом, по-видимому, велась некоторая работа, направленная главным образом к собиранию писем Герцена. Свой задачи, однако, А. А. Герцен понимал не совсем обычным образом. В письме к Н. А. Тучковой-Огаревой от 26 августа 1873 г. он формулировал их так: «Что же вы Тургенева видели или нет? И спрашивали ли его о письмах? Было бы очень желательно, чтобы люди, бывшие в переписке с Папашей, или присылали бы мне его письма, или брали бы к себе свои; разрозненная переписка не имеет никакого интереса»⁵¹. Поэтому архив не только пополнялся, но из него иной раз уходили прямо принадлежавшие к нему документы — так, дочери Прудона Катрин Эннеги была возвращена часть писем ее отца к Герцену.

На проблеме возвращения писем к Герцену наследникам их авторов надо остановиться несколько подробнее. На подобные факты (возвращение писем Прудона, Луи Блана, Саффи) не раз указывалось в литературе⁵². Но эти повторяющиеся указания нуждаются в существенных уточнениях. Не вызывает сомнений только передача наследникам преобладающей части писем Саффи, местонахождение которых в настоящее время неизвестно («Летопись жизни и творчества А. И. Герцена» учитывает 9 неизвестных писем Саффи за 1853—1856 гг., но, судя по числу сохранившихся писем Герцена к Саффи — а они сохранились не полностью, — их должно было быть гораздо больше). Но и в этом случае три письма Саффи (4 ноября 1853 г., 21 октября и 12 ноября 1855 г.) остались у Герценов, тексты их были предоставлены сперва Герцензону для его работы «Герцен и Запад»⁵³, потом использованы в издании Лемке (Л VIII, 240—243, XIV, 6—7), а автографы теперь хранятся в Международном институте социальной истории (Амстердам)⁵⁴. Из шести известных писем Луи Блана («Летопись» учитывает только одно неизвестное его письмо, на которое Герцен отвечал 13/1 марта 1862 г.) к моменту издания Лемке в семье Герценов хранились четыре (Л VIII, 506—507; IX, 221; XIV, 546; «Былое», 1907, № 4), теперь находящиеся в том же зарубежном собрании⁵⁵. Остальные два письма — от 6 июня 1858 г. и 27 февраля 1858 г., оторвавшись от прочих, оказались в небольшой коллекции писем к Герцену его французских корреспондентов в составе обширного собрания рукописей и автографов, при-

надлежавшего кн. А. И. Барятинскому⁵⁶. Опубликовавшая их в свое время Н. Д. Эфрос⁵⁷, указав, что «никаких сведений о личных связях Герцена с фельдмаршалом кн. А. И. Барятинским не сохранилось», резонно предположила, что письма были просто приобретены им у кого-то, как и другие материалы его коллекции. Очевидно, однако, что находящийся в собрании Барятинского целый комплекс писем к Герцену французских знаменитостей (2 письма Прудона, 2 письма Луи Блана, по одному письму Гюго и Мишле) не мог составиться из писем каждого из них, приобретавшихся поодиночке у разных наследников. Ясно, что весь он при неизвестных нам обстоятельствах был извлечен когда-то из архива Герцена, хранившегося у его детей, и потом куплен Барятинским. Это тем более вероятно, что последний жил в 1870-х годах сперва в Италии, затем в Швейцарии и умер в Женеве в 1879 г. Все приведенные данные о письмах Луи Блана к Герцену, как мы видим, противоречат утверждению, будто они были возвращены его наследникам.

Сложнее, чем могло показаться по упоминаниям в литературе, обстоит дело и с письмами Прудона к Герцену. Р. Лабри напечатал семь из них и упомянул еще об одном письме (от июля 1852 г.), хранившемся у дочери Прудона, но не предоставленном ему для публикации⁵⁸. Лабри использовал для своего издания пять писем, ранее вошедших во французское издание переписки Прудона⁵⁹, куда были предоставлены его дочерью еще одно хранившееся у нее же письмо (от 23 августа 1849 г.) и письмо от 27 ноября 1851 г., которое позволила ему скопировать Н. А. Герцен. Лабри надеялся найти у нее подлинник еще одного письма Прудона — его приписку к письму Ш. Э. Хоецкого от начала августа 1849 г., в русском переводе напечатанную Лемке (Л V, 293), а до этого приведенную Гершензоном в статье «Западные друзья Герцена»⁶⁰. Хотя он ссылался на указание Лемке «подлинник в семье Герцена»⁶¹, Н. А. Герцен не удалось ее разыскать. Данные Лабри потом уточнил М. Мерво, поместивший в указанной выше публикации помимо изданных Лабри еще пять писем: два из собрания Барятинского, ранее опубликованные в «Литературном наследстве»⁶², одно, от 11 апреля 1861 г., по фотокопии, полученной им у внука Герцена Ж. Анфу⁶³, еще одно, оказавшееся в Пражской коллекции⁶⁴, и, наконец, не найденную ранее приписку к письму Хоецкого, обнаружившуюся в Международном институте социальной истории⁶⁵. Если прибавить к ним то неизвестное до сих пор письмо Прудона, которое его дочь не сочла возможным дать Лабри, то выясняется, что из сохранившихся 13 писем Прудона к Герцену А. А. Герцен возвратил его дочери только 7.

Наряду с возвращением наследникам некоторых, немногих писем к Герцену к архиву присоединялись письма его самого, полученные от ряда его корреспондентов — Т. А. Астраковой, М. К. Рейхель, С. Тхоржевского, Луизы Фогт, Мишле. С некоторых писем Герцена, подлинники которых не удавалось получить, для архива снимались копии.

Т. А. Астракова прислала Н. А. Герцен из России письма ее матери, содержавшие многочисленные приписки Герцена. Сообщая Н. А. Тучковой-Огаревой в январе 1885 г. о случившемся в ее доме пожаре, где, как ей сперва показалось, погибла преобладающая часть ее бумаг, она писала: «Сгорели все дорогие письма: Сатина, Герцена, Огарева и увы! Натальи Александровны матери. Остальные письма, которых было очень много, я еще отдала Мещерскому в 70-х годах для передачи Тате, за которые она тогда же благодарила»⁶⁶.

Обстоятельства возвращения детям Герцена его писем к М. К. Рейхель были уже изложены Н. П. Анциферовым на основании свидетельств самой Марии Каспаровны⁶⁷. Появившаяся теперь в нашем распоряжении переписка ее с Н. А. Герцен позволяет несколько их уточнить. Сперва Н. А. Герцен попросила Марию Каспаровну переписать для нее только те письма отца, которые относились к семейной драме (в письме от 1 марта 1870 г.: «Насчет писем повторяю мою просьбу: пожалуйста, переписывай *все*, что я прошу, лично для себя, потому что все, относящееся до истории Герв(ега), не будет печататься, а мы, дети, должны же все знать, он этого желал»⁶⁸). Но Рейхель не успевала это сделать, и в августе 1870 г., посетив Берн, Н. А. Герцен взяла у нее письма («Уговорила я Машу дать мне папашины письма на некоторое время, я их в Женеве перепису сама, а то, право, у Маши слишком много дела»⁶⁹). 2 октября 1870 г. она писала Рейхель: «Папашины письма я привела в порядок, но еще не переписала. Я была бы тебе очень благодарна, если б ты их оставила еще некоторое время у меня. Огарев просил меня привести в порядок и его коллекцию писем папы — ему это *нужно*, и поскорее, поэтому хотелось бы для него докончить, а потом уж докончить *твои*. Позволяешь?» В следующем письме она заверяла: «Папашины письма у меня под ключом»⁷⁰. Через несколько месяцев Н. А. Герцен сообщала: «Опять принялась за переписывание папашиних писем к тебе»⁷¹. Потом такие известия исчезают, копирование прекращается — а письма так и остаются у Н. А. Герцен. Через много лет,

в 1903 г., откликаясь на просьбы Е. С. Некрасовой, М. К. Рейхель пожелала получить их назад, чтобы передать в Румянцевский музей, но Н. А. Герцен уклонилась от этого. «Письма папашины к тебе должны быть здесь, — отвечала она Марии Касларовне 2 ноября 1903 г., — посмотрю завтра и скажу тебе; до сих пор не искала их, потому что простужена, а шкапы и ящики с бумагами у меня наверху в неотапливаемой комнате. Если эти письма здесь, я, конечно, тебе их pošлю — с просьбой отдать мне все, а не посылать в Россию. Со временем они тоже пойдут в «комнату людей 40-х годов», но пока мы живы, оставь их, пожалуйста, у нас»⁷². Настойчивость эта была не случайна. Еще впервые прочтя письма отца к М. К. Рейхель, Наталья Александровна полностью оценила их значение для истории его личной жизни. «Эти письма — клад, — писала она ей, — потому что вряд ли он кому бы то ни было писал в таком количестве и так откровенно, особенно в самые тяжелые минуты своей жизни»⁷³. Особенно ее волновали письма 1850—1852 гг., впоследствии справедливо оцененные историком как «ценное дополнение к части пятой «Былого и дум», «непосредственное отражение дум и переживаний Герцена в пору труднейших личных испытаний»⁷⁴. Именно поэтому Н. А. Герцен предпочитала еще надолго ограничить доступ к ним, оставив их у себя. Понятно, что М. К. Рейхель не стала настаивать, и письма остались у детей Герцена навсегда. В своих мемуарах М. К. Рейхель осветила это так: «...его письма (<...>) я после его кончины передала его старшей дочери, чтоб они не затерялись после моей смерти»⁷⁵. В дальнейшем, обнаруживая в своих бумагах еще некоторые письма Герцена, она отсылала их Н. А. Герцен. Так, в 1906 г., найдя у себя письмо Герцена от 25 декабря 1850 г., она писала Н. А. Герцен: «Вот тебе, карейшая Тата, драгоценный листочек, оставь его теперь у себя и береги»⁷⁶.

Письма самой М. К. Рейхель к Герцену, естественная часть его архива, необъяснимым образом до нас не дошли. Только по «Летописи жизни и творчества А. И. Герцена» можно насчитать около полутора ста ее писем, могло их быть и больше. Известны, однако, всего четыре письма 1851 г., обнаруженные в Пражской коллекции и, значит, находившиеся в семейном архиве Герценов⁷⁷. Исчезновение остальных трудно понять. Предположение, что Герцен уничтожил их как конспиративные, по-видимому, неосновательно: ведь во многих ее письмах подобных мотивов, вероятно, не было. Вряд ли могло быть, чтобы дети Герцена вернули их Марии Каспаровне — в сохранившихся письмах Н. А. Герцен нет следов ничего подобного; кроме того, после смерти М. К. Рейхель в 1916 г. часть ее бумаг (можно сказать, вся ее русская и относящаяся к Герцену переписка) была передана ее детьми той же Н. А. Герцен и вместе с бумагами последней попала в Пражскую коллекцию⁷⁸ (письма ее к А. А. Герцену — в Международном институте социальной истории⁷⁹). Очевидно, что там же должны были оказаться и интересующие нас письма к Герцену. Остается надеяться, что особо отложенные по каким-то причинам эти письма будут еще обнаружены в семейных бумагах потомков Герценов или Рейхель.

Об обстоятельствах получения детьми Герцена писем его к Тхоржевскому и Л. Фогт свидетелем в письмах нет. Письма Герцена к Мишле были возвращены А. А. Герцену самим историком вместе с присланными ему когда-то самим Герценом рукописями — статьей Герцена о Бакунине и статьей Энгельсона о Петрашевском⁸⁰. Мишле писал ему 4 марта 1872 г.: «Дорогой друг! Если бы меня не лихорадило, я лично отнес бы вам эти важные рукописи. Дайте расписку подателю сего для того, чтобы я имел уверенность в его аккуратности. В сущности, они представляют одно целое, особенно годы 1851—1852, их не следует разделять» (Л I XXI, 563).

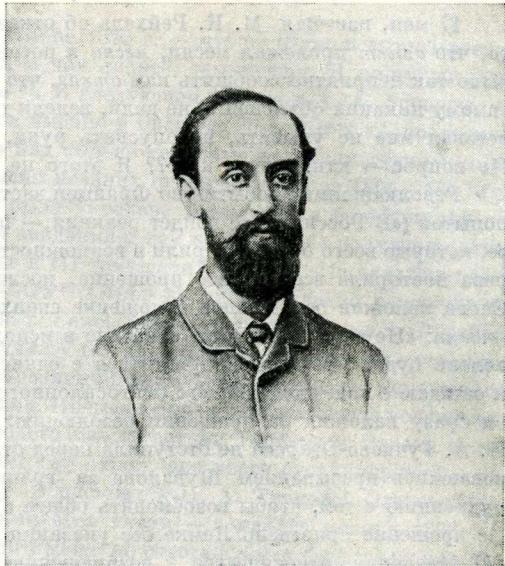
Но вернемся к 1870 г. Конец его и особенно начало 1871 г. проходят в семье Герцена под знаком планов возвращения в Россию — сперва только Н. А. Герцен и Н. А. Тучковой-Огаревой с Лизой, а затем, возможно, и А. А. Герцена с семьей. Планы эти начинали принимать реальные черты. 24 января 1871 г. Н. А. Герцен писала М. К. Рейхель: «Мы все больше и больше думаем о России — и если ничего неожиданного не случится, то я надеюсь быть во Флоренции в конце апреля, а в мае или июне на дороге в Петербург с Natalie и Лизой», добавляя в конце: «Может быть, и мне придется посидеть в крепости, но понадемся на русский *авось*»⁸¹. 15/27 февраля 1871 г. русский посланник в Швейцарии Н. К. Гирс в своем донесении товарищу министра иностранных дел В. И. Вестману сообщал о полученном им от Н. А. Огаревой и Н. А. Герцен прошении разрешить им въезд в Россию. Донесение Гирса, несмотря на его формально-официальный тон, не оставляет сомнений в благосклонном отношении самого посланника к этим просьбам. Надеясь, по-видимому на положительное решение вопроса и в Петербурге, он просит указаний, каким паспортом снабдить Огареву и «показать ли ее в оном российскую подданною»⁸². Не ограничиваясь этим, он добавляет в конце: «Изыявив мне искреннее желание посетить Россию для свидания с родственниками, девица Герцен, равным образом как и г-жа Огарева, дали

мне уверение, что не употребят во зло разрешение, о котором ныне ходатайствуют». Н. А. Тучкова-Огарева обосновывала свою просьбу стремлением повидаться с престарелыми родителями и тяжело больной сестрой, Н. А. Герцен — желанием увидеть старика-дядю Е. И. Герцена, возможно, ссылаясь на полученное ранее его приглашение⁸³. Гирс, со своей стороны, считал удовлетворение их прошения настолько желательным, что наряду с официальным путем обратился с частным письмом к своему доброму знакомому, влиятельному чиновнику III отделения А. Ф. Шульцу, чтобы заручиться его поддержкой. Письмо это содержит весьма важные детали беседы, состоявшейся в Бернской миссии: «Я воспользовался, конечно, этим случаем, — пишет Гирс, — чтобы переговорить обстоятельно с этими дамами об их положении, и, сколько я могу судить из того, что они мне говорили, мне кажется, что козни и происки эмигрантов им порядочно опротивели. Обе просили меня держать пока в тайне их *démarche auprès de moi* *. Не знаю, до какой степени можно на них положиться, но, по моему крайнему разумению, было бы не дурно и даже политично показаться в настоящем случае

великодушным относительно этих дам. В девице Герцен нашел я положительно благородные чувства и привязанность к России, хотя она ее оставила в детстве»⁸⁴. Ясно, что в позиции, занятой Гирсом, помимо общих политических и дипломатических соображений, решающую роль сыграла именно эта беседа, а отнюдь не само прошение Н. А. Огаревой, французский текст которого крайне сух и лишен каких-либо полагавшихся в таких случаях изъяснений раскаяния и верноподданных чувств⁸⁵. Необходимо напомнить, что все это происходило в момент, когда в России полным ходом шла подготовка к процессу участников нечаевской организации, а в Европе — охота за самим Нечаевым. И, главное, в то время, когда только что завершился потрясший Н. А. Герцен эпизод ее теснейших отношений с Нечаевым, потом его разоблачение и острые, горькие ее разочарования в связи с этим (подробнее см. выше в наст. томе). Даже при несомненно минимальной ее откровенности на этот счет с Гирсом, можно представить себе, что именно в ее словах произвело на него столь сильное впечатление.

Одновременно в III отделение поступило прошение А. А. Тучкова от 22 марта 1871 г. о возвращении в Россию дочери и внучки Лизы⁸⁶. Уповая на успех предпринятых мер, Гирс, видимо, настолько обнадежил своих собеседниц, что они начали готовиться к отъезду, не ожидая окончательного ответа из Петербурга. 17 апреля Н. А. Герцен сообщала М. К. Рейхель: «Начинаем укладывать — фу, какая скучная работа. Из посольства все еще нет ответа (<...> Мы, верно, еще увидим друг друга до нашего путешествия в Россию»⁸⁷.

Но власти в России посмотрели на полученное прошение иначе. Доложив о нем царю, шеф жандармов П. А. Шувалов написал на прошении Тучкова: «Уведомить просителя, что ходатайство не может быть удовлетворено, так как Огарев, по собственной воле оставивший отечество и сделавшийся его врагом, тем самым отрезал от родины и все свое семейство». Редакция ответа, отправленного Тучкову 31 марта, была еще выразительнее: «...муж г-жи Огаревой, по собственной воле оставив отечество и сделавшись главою русских эмигрантов, агитируя вместе с врагами России против существующего в ней порядка, тем самым отрезал от родины и все свое семейство»⁸⁸. Министерство иностранных дел еще раньше, 17 марта, было информировано об отклонении присланного из Швейцарии ходатайства⁸⁹.

А. А. ГЕРЦЕН

По завещанию Герцена был распорядителем его архива

Фотография, 1870-е гг.

Музей Герцена, Москва

* обращение ко мне (*франц.*).

17 мая, извещая М. К. Рейхель об отказе, Н. А. Герцен писала: «Что всего досаднее, это то, что *ответ* пролежал месяц, *месяц* в посольстве. Посланник, извиняясь, объяснил, что ему было так неприятно сообщить нам *отказ*, что он все откладывал и не решался писать нам. Ему самому никаких объяснений не дали, велели только ответить в настоящую минуту. Сам он посоветовал мне не унывать, не опускать руки, хлопотать и продолжать действовать в России. Но вопрос — как? Через кого?? Я этого не ожидала. Ужасно досадно»⁹⁰.

Революционные события во Франции заставили Н. А. Герцен отказаться на время от новых попыток («В России тоже пойдет реакция, — писала она 9/21 июля, — все нам это говорят, даже те, которые всего больше верили в возможность нашего возвращения»⁹¹). Но Н. А. Тучкова-Огарева повторила все же свое прошение, послав его прямо на имя Шувалова в августе 1871 г. Снова изложив бедственное положение своих родителей и сестры, нуждающихся в уходе, она писала: «Неужели мне будет отказано в исполнении столь священного долга? Неужели не дозволено будет умирающей проститься с единственной сестрой? Нет, я не могу этому поверить и ожидаю с надеждою Вашего благосклонного решения». Шувалов не стал докладывать царю — он сразу наложил на прошение резолюцию: «Его величество в этом уже отказал»⁹². И снова Н. А. Тучкова-Огарева не отступила перед отказом. Еще через год, в сентябре 1872 г., воспользовавшись пребыванием Шувалова за границей в свите императора, она испросила у него аудиенцию с тем, чтобы возобновить общее с Н. А. Герцен ходатайство о возвращении в Россию. Ее прошение приведено Лемке без указания его местонахождения (Л I XXI, 580—581); в делах III отделения, относящихся к возвращению ее на родину, обнаружить его не удалось. Судя по воспроизведенным Лемке резолюциям на нем (рукою Шувалова: «Это будет во всяком случае отложено, однако по возвращении в СПб прошу мне доложить», рукою чиновника III отделения: «Его сиятельство отказал ей в Париже»), аудиенция состоялась, но успеха не принесла. Дело было кончено — во всяком случае, для детей Герцена. Если до получения второго отказа, в сентябре 1871 г., Н. А. Герцен писала Рейхель: «Мы намерены расстаться со Швейцарией. Дело в том, что мы все-таки надеемся, что со временем нам позволят вернуться в Россию — и для этого гораздо лучше, чтоб мы пожили в другом месте, потому что Швейцария, и Женева в особенности, известное гнездо конспираторов»⁹³, то после 1872 г. она к этому вопросу более не возвращается.

В неудаче попыток семьи Герцена вернуться вскоре после его смерти на родину, как в зародыше, заключена была вся последующая трудная и сложная судьба его архива. Окажись русское правительство столь «политичным», как желал этого посланник в Берне — и всей истории, которой посвящена настоящая работа, просто не было бы.

В первой половине 1870-х годов, оставаясь в семье, которая, между тем, вскоре окончательно распалась на части (А. А. Герцен жил с семьей во Флоренции, Н. А. Герцен оставалась сперва у брата, а затем переехала к младшей сестре во Францию, Н. А. Тучкова-Огарева несколько раз переезжала в эти годы с места на место, а после гибели дочери, летом 1876 г., уехала в Россию), материалы из архива Герцена не раз передавались членами семьи друг другу. Повидимому ни тогда, ни позднее не был составлен полный их перечень, не было у членов семьи и точных представлений о их составе. Это и понятно: в отношении к ним, наряду с уважением к наследию отца и семейным реликвиям, с формирующимся историческим взглядом на них, жила еще та свобода, с какой люди обычно обращаются с собственными, рожденными живой жизнью бумагами.

У детей Герцена, а отчасти у Н. А. Тучковой-Огаревой и тогда уже находилась часть бумаг Огарева — например, ранние письма Герцена к нему (Наталья Алексеевна писала о них Н. А. Герцен 7 февраля 1875 г.: «Они никогда не были у Огарева — Герц(ев) любил их перечитывать; в них немного, — как и в «Дневнике», — напыщенный слог»⁹⁴). Возможно, впрочем, что часть своих бумаг Огарев отдал Н. А. Герцен при ее отъезде из Женевы в 1871 г. — и решение это было принято после тех значительных хищений документов у него, которые произвел весной и летом 1870 г. Нечаев (после ареста Нечаева в 1872 г. его бумаги попали в руки М. П. Сажина, обнаружившего в их числе документы, украденные у Огарева, и, в частности, «многочисленные письма Герцена»; все это было Сажиным сожжено — см. об этом наст. том, с. 417). В 1873 г., приступая, по настоянию Т. П. Пассек, к писанию мемуаров и не найдя у себя ни своих «стихотворных записок», ни писем Герцена, Огарев объяснял ей в письме: «Они все хранятся у детей и Натали»⁹⁵. Вскоре он просил А. А. Герцену: «Нет ли у тебя какой нашей переписки Герцена со мной? Отвечай и пришли немедленно. У меня идет серьезная работа, и я без старых переписок обойтись не могу. За целостность отвечаю»⁹⁶. Письма нужны были Огареву не только для начатой работы над «Записками русского помещика»: потом он собирался отослать их Пассек. «А вот

этим ты истинно удружишь,— писала она ему 1 октября 1873 г.,— что от Шупки выписываешь разные переписки 30-х годов — это-то и отлично, и чем скорее, тем лучше. Я пишу об этом времени. Поторопи Шупку и перешли скорее мне»⁹⁷. В следующем письме к А. А. Герцену, от 10 октября 1873 г., Огарев уточнял, что нуждается именно в письмах 30-х годов: «А последние года, которые у меня, решительно не подходят, в них только семейные неудовольствия и эмигрантские»⁹⁸. Но в действительности к этому времени поздних писем Герцена за 1864—1870 гг. у Огарева уже не было: часть, как уже сказано, была украдена Нечаевым, а большинство он отдал Т. П. Пассек в июле этого же года во время свидания с ней в Женеве. О получении этих писем она рассказывала несколько раз (в том числе в III томе своих записок «Из дальних лет») и везде называла количество полученных писем — 75⁹⁹. Иное их число указано в переписке Пассек с М. И. Семевским: в письме от 19 мая 1886 г. Семевский, печатавший тогда в «Русской старине» III том ее записок, подтверждал, что получил у нее для сверки «шестьдесят восемь писем подлинных А. И. Герцена»¹⁰⁰. В данном случае разницу цифр можно объяснить: Семевскому могли быть посланы не все имевшиеся у Пассек письма. Но дальнейшая переписка еще усложняет подсчеты. Впоследствии, после конфликта, возникшего между детьми Герцена и Пассек из-за печатания этих писем в составе ее записок (об этом см. ниже), она через отправлявшегося за границу Семевского вернула письма А. А. Герцену. В письмах к Н. А. Тучковой-Огаревой по этому поводу она дважды упоминала о возвращении всех писем — в начале января 1888 г.: «Саше Герцену отослала все письма его отца, что были у меня; но ответа и писем Огарева на промен еще не получала»¹⁰¹; 17 января 1888 г.: «По моему разрешению Сем(евский) все оригиналы передал Саше и писал мне из Швейц(арии), что Саша взамен их дает ответы на них Огарева, а дал Семевскому письма Огарева к его жене Марии»¹⁰². Но в расписке, полученной у А. А. Герцена Семевским 13 ноября 1887 г., число писем совсем другое — 56¹⁰³. Остается неясным, следует ли приписать столь значительное расхождение в цифрах забывчивости Пассек или тому, что возвращено было все-таки не все. В последнем случае местонахождение 19 писем Герцена остается неизвестным. Чтобы исчерпать вопрос об этой группе его писем, скажем сразу, что доступ к преобладающей их части был решительно ограничен детьми Герцена на очень длительный срок. Даже Лемке не смог получить для своего издания 50 писем из их числа, которые Н. А. Герцен и после смерти Тучковой-Огаревой продолжала считать запретными для гласности. Впервые они увидели свет в 1953 г.¹⁰⁴

18 октября 1873 г. А. А. Герцен прислал Огареву письма¹⁰⁵ — но не те, что он просил: «Это мои старые письма к нему, а не его ко мне», — в тот же день писал Огарев Пассек¹⁰⁶. Эти письма остались у Огарева и снова попали к детям Герцена только после его смерти. Они долго оставались у привезшей их из Англии Н. А. Герцен (случая еще несколько лет А. А. Герцен писал Н. Н. Сатиной: «...бумаги Огарева были у моей сестры Наташи, в то время как бумаги нашего отца были у меня; теперь Наташа привезла их сюда, и мы вместе все еще раз просмотрели»¹⁰⁷).

Но все перечисленные случаи движения бумаг были редкими и частными. Первый после «Сборника посмертных статей» случай более крупного использования архива был вызван подготовкой к печати собрания сочинений Герцена, изданного в Женеве в 1875—1879-гг. Хотя издание было предпринято по общему семейному согласию, но фактическое участие в нем из всей семьи принимала (до своего отъезда в Россию) одна Н. А. Тучкова-Огарева.

История этого издания недостаточно и не во всем точно освещена в литературе¹⁰⁸. Нужно, поэтому, еще раз восстановить факты, опираясь на все доступные свидетельства. Инициативу издания Н. А. Тучкова-Огарева всегда приписывала себе. Она писала в «Воспоминаниях»: «Перепечатание всех сочинений Герцена началось по моей инициативе», точно определяя затем, что именно было ею сделано: она «собрала все, что Герцен когда-либо писал в России и за границей, сделала список всех его сочинений в хронологическом порядке и передала весь этот материал г-ну В(ырубову), который брался за это дело охотно»¹⁰⁹. Почти тогда же она так рассказывала об этом в письме к Е. С. Некрасовой: «Когда такой страшный удар сразил нас всех в 70 году, я стала собирать все его сочинения для нового издания (. . .). Тогда мы решили, что все дети дадут на это издание по 1000 франков. Кроме того, мне прислали из Харькова в Цюрих билет внутр(еннего) займа от женщин — незнакомый мне передал. Я передала этот билет и свой экземпляр всех его сочинений Г. Н. Вырубову»¹¹⁰. Основываясь на воспоминаниях Н. А. Тучковой-Огаревой, письменных и устных, М. О. Гершензон написал в посвященном ей некрологе: «Женевское издание было осуществлено главным образом ее усилиями и ее личным трудом (много помог ей в этом деле умерший тоже недавно Г. Н. Вырубов)»¹¹¹. Эти слова в некрологе вызвали возражения Н. А. Герцен, 17 мая 1914 г. писавшей Гершензону: «Ваше указание, что

женевское издание было осуществлено главным образом ее усилиями и личным трудом и что ей помог в этом деле г. Вырубов, я считаю ошибочным. Возможно, что она кое-что сделала для этого издания — но во всяком случае не Вырубов ей помогал, а она — Вырубову»¹¹². Полностью подожившись на это утверждение Н. А. Герцен, по его мнению, «находившейся в курсе издательских дел», М. К. Перкаль решительно отвел все заявления Тучковой-Огаревой. Но источники показывают, что возражения Н. А. Герцен были не вполне справедливы. Из переписки детей Герцена с Тучковой-Огаревой за 1872—1876 гг.¹¹³ ясно прежде всего, что Н. А. Герцен не только не была тогда «в курсе издательских дел», но ни в какой степени не была причастна к этому изданию и, так же как ее брат, не считала его своим. А. А. Герцен впоследствии на прямо поставленный Е. С. Некрасовой вопрос об издании им за границей наследия отца отвечал безоговорочно: «Кроме посмертных сочинений отца, я никогда не издавал ничего»¹¹⁴. Более того: на связанные с изданием просьбы Н. А. Тучковой-Огаревой они откликались только после неоднократных напоминаний. Переписка эта подтверждает и инициативу ее в этом издании, и весьма активную ее роль в собирании произведений Герцена для него, а отчасти и в подготовке текстов. 15 октября 1872 г., сразу после отъезда Н. А. Герцен из Швейцарии к брату во Флоренцию, она писала ей, развивая, очевидно, тему, поднятую ранее устно: «Дело издания, вероятно, устроится», а месяцем позднее извещала, что вступила в переписку об этом с Вырубовым¹¹⁵. Предоставляя ей право вести переговоры с книгоиздателями и книготорговыми фирмами от имени всех наследников, А. А. Герцен в письме от 26 августа 1873 г., когда подготовка издания уже началась практически, писал ей: «Я тебе очень охотно даю право печатать все, что хочешь, но не желал бы этим лишить себя подобного права»¹¹⁶. Нельзя не обратить внимания на это слово «тебе» — семья воспринимала задуманное издание, как факт деятельности Тучковой-Огаревой. В следующих письмах вопросы, связанные с изданием, касались лишь получения юридической доверенности на ее действия или разыскания в семейном архиве нужных для него рукописей и книг.

Издание задумывалось сперва довольно широко, что требовало привлечения весьма значительного круга материалов архива. Постепенно большая часть хранившихся в семье печатных и рукописных текстов произведений Герцена была преправлена в Париж к Вырубову. В 1877 г., уже после отъезда Н. А. Тучковой-Огаревой в Россию, А. А. Герцен сообщал Арману Леви: «Все, чем я обладал из сочинений моего отца, находится в Париже у друзей, которые занимаются изданием полного собрания его сочинений»¹¹⁷. В напечатанном без подписи предисловии к первому тому автор его, Г. Н. Вырубов, писал о начале издания: «Оно будет заключать в себе, по возможности в хронологическом порядке, все, что Герцен напечатал или оставил после себя в рукописи, кроме разве некоторых мелких отрывочных статей, появившихся в «Колоколе» и имеющих чисто личный и временный характер; в последнем томе будет приложена имеющаяся, впрочем, немногочисленная, переписка». Обратим здесь внимание на два момента: на намерение издать все, написанное Герценом (из известных тогда семье и Вырубову его сочинений не печатались ранее «Дневник» и рассказ о семейной драме), и на мысль об издании переписки. Она действительно была немногочисленной — письма Герцена к разным лицам, связанные с его литературной и общественной деятельностью, почти не были еще собраны, семейная же переписка вообще не могла тогда иметься в виду. Но в издание собирались включить не просто письма Герцена, а двустороннюю переписку. 7 февраля 1875 г. Н. А. Тучкова-Огарева писала Н. А. Герцен: «Насчет интересных писем Герц(ену) — надо бы прислать нам письма Фогта, Тургенева, Прудона (верно Саша снял копии), письмо Герц(ену) Прудону. Если есть, тоже письма Бакунина, Самарина, Аксакова, Маццини»¹¹⁸, в письме от 20 февраля: «Нам не нужно пустой записки Michelet, а письма Тургенева, Фогта, Прудона — они были, если Саша их не потерял»¹¹⁹.

Но программа предисловия не была полностью реализована: переписка в издание не вошла, а из неопубликованного был напечатан только дневник 1842—1845 гг. Далекое не полностью были представлены и публиковавшиеся прежде произведения, даже вошедшие в «Сборник посмертных статей»¹²⁰. Вначале же замыслы были иные, и прежде всего требовалась мобилизация рукописных материалов. Найти их в семейном архиве было не всегда легко. В 1874 и 1875 гг. Н. А. Тучкова-Огарева постоянно обращалась за этим к детям Герцена. 26 сентября 1874 г. она просила Н. А. Герцен взять у брата рукопись «V тома» (под этим названием в письмах членов семьи Герцена всегда фигурировала неизданная часть этого тома «Былого и дум» — рассказ о семейной драме) — «снявши копию, мы отдадим»¹²¹, сообщая ей здесь же: «Ты спрашиваешь, что я делаю: кончила мирно материальные дела, теперь занята бумагами, готовлю IV том «Записок» к печати, хотя он не весь еще переведен»¹²². В письмах одна за другой следуют просьбы

о материалах для издания: 10 октября 1874 г. — о дневнике¹²³, 6 ноября 1874 г. — «Мне очень нужны, как можно скорей, дневник (его переписнет Тхоржевский) и V том, который я сама перепису и тотчас отошлю Саше застрахованным»¹²⁴. Спустя несколько дней она нетерпеливо напоминала Лизе, жившей у брата во Флоренции, но собиравшейся ехать в Париж: «Очень затягивает мои дела, что у меня нет Дневника, да и V тома, я бы его уже переписала. Если Ольга знает, где Дневник, не могла бы она передать его Talandier»¹²⁵. Но дело не двигалось. В конце ноября Наталья Алексеевна снова просила Лизу: «Надо как-нибудь устроить свидание с Ольгой, а то она обидится, да как бы с ней отыскать Дневник — пусть Тата объяснит, где он, а то мы время теряем»¹²⁶. Одновременно она писала Тате: «Пожалуйста, сообрази, не может ли Ольга найти «Дневник» — время идет даром, он был бы уже переписан. Для русских книг (т. е. для жевневского издания, в отличие от готовившихся в то же время переводов) надо печатать теперь, чтоб к лету все было готово»¹²⁷. В декабре 1874 г. дневник был ей, наконец, прислан¹²⁸.

Аналогичным образом разыскивались и письма. В феврале 1875 г. Н. А. Тучкова-Огарева писала Н. А. Герцен: «Письма Герц(ена), Нат(аши) и Огар(ева), писанные 1839, 1840 etc., вероятно, потеряны во Флоренции, они должны были находиться с остальными бумагами»¹²⁹. О них шла речь и в других случаях: «Милая Тата, нет ли писем Герцена с общ(ественными) интересами? Может, между старыми письмами его с Огаревым, т. е. относящиеся к юности. Я думаю, ты найдешь их у Саши, я их знаю, большой формат»¹³⁰. А. А. Герцен успел к этому времени забыть, очевидно, что за полтора года до этого отослал раннюю переписку отца Огареву, и в ответ через сестру запрашивал саму Тучкову-Огареву, где могут быть эти письма. «Странный человек Саша, — отвечала она 20 февраля, — две недели тому назад спрашивал через тебя, где эти письма, а теперь сам знает. Пиши к Огареву, пусть пришлет их к Вырубову»¹³¹.

Для издания нужно было собрать и прижизненные издания сочинений Герцена. Немало просьб было связано с этим; в феврале 1875 г. Тучкова-Огарева сообщала: «В книгах большой беспорядок, 7-(го) № «Полярной звезды» 3 экз(емпляра), 6-(го) — ни одного» и просила выписать недостающие вещи от Трюбнера¹³²; 1 марта она писала Лизе: «Не забудь захватить с собой книги Выруб(ову) — напомни Тате V том — письма Тургенева (он позволяет). Не понимаю, как не находят «Доктора Крупова» (брошюркой), должна бы быть у Саши»¹³³. 10 апреля, уже зная, что псевд(а) Лизы и Таты в Париж не состоится, она снова просила: «Поищите между бумагами «Доктора Крупова»; я помню, что он напечатан маленькой брошюркой (в России), нам необходимо его иметь теперь, потому что надо прибавить к Дневнику»¹³⁴.

Начало 1875 г. Тучкова-Огарева провела в Париже, непосредственно участвуя в работе Вырубова. В январе она писала: «Я должна иметь еще два месяца для издания», а в следующем письме разъясняла: «Приходится скоро перебраться в Париж для составления каталога и расчета по томам»¹³⁵. Уже из Парижа, в начале февраля, она сообщала: «Ящик с книгами пришел (. . .) Теперь надо приниматься за дело — сколько возьмет времени, не знаю»¹³⁶. Намеченная ею работа была закончена в конце марта, когда первые тома пошли в печать. Но все еще не был решен вопрос о публикации рассказа о семейной драме, не началось и копирование рукописи. Споры об этом еще обострились, когда Н. А. Тучкова-Огарева попыталась привлечь на свою сторону П. В. Анненкова, а Герцены — Тургенева.

7 апреля 1875 г. в Бадене скончался Георг Гервег. Находившийся там Анненков известил об этом Наталью Алексеевну. Он полагал, что одно из главных препятствий к публикации неизданной части «Былого и дум» отпало и что Эмма Гервег могла бы согласиться вернуть письма Н. А. Герцен к ее покойному мужу¹³⁷. Но семья все еще колебалась. Активные всех сопротивлялись мысли о публикации Г. Моно. Посетив Тучкову-Огареву в Париже, он настойчиво убеждал ее отказаться от такого намерения и, в частности, ссылаясь на то, какой удар это нанесло бы Ольге, совершенно не осведомленной об этой трагической странице семейного прошлого¹³⁸. После этого Наталья Алексеевна писала Анненкову: «Верьте мне, если меня и Вырубова не станет, V том не будет издан. Саша — человек крайне равнодушный. Монод наполовину и его убедил. Я не понимаю всего этого: если бы мы нашли дневник, писанный лично для себя и только в горькие минуты, можно б сказать, что, может, он вовсе не желал печатать его (. . .), но он писал для печати — он хотел воздвигнуть ей памятник примирения...»¹³⁹. На первых порах Анненков полностью разделял ее позицию: «О том, что Вы и Вырубов должны издать V том Герцена, несмотря на оппозицию г. Моно, — распространяться нет нужды. Истина во всем своем свете так же необходима для детей Герцена, каково бы ни было теперешнее их настроение, как и для русской публики, сберегающей имя Герцена в числе своего лучшего достояния, так еще — и, может, более всего — для памяти Наталии Алекс(андровны) (. . .) Все ее дети, если не утеряти вполне

нравственного смысла, будут ею более гордиться, чем если бы она умерла в монастыре кармелиткой. А если они потеряли нравственный смысл, то не стоит и беспокоиться об их оппозиции»¹⁴⁰. Но потом он круто изменил свой взгляд, и главную роль в этом, как и вообще в решении вопроса, сыграл Тургенев.

Летом 1875 г. Н. А. Тучкова-Огарева с радостью сообщала Анненкову: «Наконец Ал(ександр) Ал(ександрович) прислал нам V том записок, стало он будет напечатан. Ал. Ал. написал Выруб(ову), чтоб он прочел V том с Тург(еневым) и Лугинин(ым) и чтоб сделали, как решат втроем. < . . . > Я просила заменить Лугин(ина) вами, но вы были тогда уже в России. Нат(алья) Алекс(андровна), приехавши из Флор(енции), объявила мне, что ни она, ни брат ее не помнят, чтоб Герцен желал напечатать V том»¹⁴¹. Разумеется, оба они в действительности об этом помнили (это доказывает приведенное выше письмо Натальи Александровны к Рейхель — см. с. 556), заявление же это свидетельствует только о накале семейных разногласий.

Тургенев смог заняться рукописью (прислан был автограф Герцена) лишь через несколько месяцев. 19 января 1876 г. он писал Анненкову: «Я сейчас окончил чтением ту часть «Былого и дум», в которой Герцен рассказывает историю своей жены с Гервегом, ее смерть и т. д. Вы знаете, что это рукопись и что вопрос идет о том, должно ли ее печатать или нет — из уважения к оставшейся семье и в предвидении неизбежного скандала, который не преминет поднять вдова Гервега. (Мне эту рукопись вручила Тата.) С своей стороны я решительно против печатанья, хотя, как читатель, не могу об этом не жалеть, ибо все это написано огнем, слезами и кровью...»¹⁴². Через несколько дней Тургенев отправил рукопись вернувшемуся уже в Европу Анненкову. При этом он писал: «Не сомневаюсь в том, что она произведет на Вас сильнейшее впечатление. Как только Вы ее прочтете, пришлите ее мне, также в застрахованном пакете. Я совершенно разделяю Ваше мнение, что напечатать эту вещь, было бы вызвать целую бурю скандалов < . . . >. Я так и сказал Тате, которая вполне со мною согласна. Один величественный Вырубов < . . . > уверяет, что ничего, мол. Для него, конечно, ничего»¹⁴³. В ответном письме Анненков, признав реальность возможных враждебных действий Э. Гервег, уже полностью соглашался с Тургеневым¹⁴⁴. Получив назад рукопись, Тургенев так подвел итог обсуждению: «Могу Вам сказать, что насчет печатанья рукописи Вы (как и все друзья Герцена) можете успокоиться: в свет она не появится. Когда-нибудь, лет через 50, вся тогдашняя русская публика насладится (если можно так выразиться) этой чудесной вещью, но до тех пор повода к «grosse Scandal» * не будет»¹⁴⁵. Очевидно, таким образом, что Тургенева, потрясенного поразительной исповедью Герцена, останавливала главным образом боязнь публичного скандала. Но в его соображениях обращают на себя внимание слова «из уважения к оставшейся семье», показывающие, что, помимо возможности скандала со стороны Э. Гервег, играла роль и мысль, будто история любви и смерти матери может бросить тень на ее детей — мысль, не выраженная ими прямо, но всегда незримо присутствовавшая в их внутреннем сопротивлении печатанию этих страниц «Былого и дум». Это отношение, несомненно, было ясно Тургеневу, летом 1875 г. неоднократно встречавшемуся в Париже с Н. А. Герцен¹⁴⁶.

2 апреля 1876 г. А. А. Герцен мягко, но решительно отказал Н. А. Тучковой-Огаревой в своем согласии на публикацию рукописи: «Насчет 5-го тома — я никогда не думал, чтоб ты желала повредить памяти Мамаши, а просто думаю, что ты ошибаешься, ожидая от этого пользу. Публика не может принимать в частной трагедии то участие, которое принимают близкие друзья — близкие друзья знают, в чем дело; публика не может иметь к этой истории другого интереса как к любым faits divers ** какой-нибудь газеты. Так что молчание никому не вредит, а публикация может вызвать со стороны Мше Гервег самую неприятную и скандальную полемику. Не лучше ли подождать еще несколько лет?»¹⁴⁷ Здесь отчетливо проявилась субъективность и известная узость подхода А. А. Герцена, в рассказе о семейной драме — может быть, самой дорогой для Герцена странице «отражения истории в человеке» — увидевшего лишь «частную трагедию» и семейное дело.

Получив отказ, Тучкова-Огарева снова обратилась к Анненкову. Она надеялась, что ему удастся получить у Эммы Гервег письма Натальи Александровны. «Он (А. А. Герцен) мне отказал, — объясняла она, — под предлогом, что если напечатать V том, то Emma Herwegh может напечатать письма Natalie к ее мужу. Это предположение совершенно безумно и бессмысленно: можно будет вечно предполагать, что письма эти у детей Гервега, потом у внуков и пр.»¹⁴⁸ В ка-

* большому скандалу (нем.).

** репортажам (франц.).

ком-то смысле прогноз ее был правилен: рукопись не издавалась еще в течение почти полувека. Анненков в ответ убеждал ее примириться с принятым решением¹⁴⁹. Так и не скопированная рукопись была возвращена Тургеневым Н. А. Герцен. Позднее, перед отъездом Н. А. Тучковой-Огаревой в Россию, Н. А. Герцен обещала прислать ей копию и добавляла в том же письме: «Мы совсем не решили, что не следует печатать его, а только что следует отложить печатание еще на некоторое время <...> Со временем непременно напечатаем»¹⁵⁰. Обещание о присылке копии выполнено не было, но Наталье Александровне казалось, что она это сделала, и в течение многих лет это составляло предмет ее тревог.

В конце 1875-го — первой половине 1876 г. материалы архива Герцена, до сих пор хотя бы номинально принадлежавшие всей семье, были окончательно разделены между детьми и Тучковой-Огаревой¹⁵¹. Вырубков постепенно возвращал использованные в Женевском издании рукописи (хотя кое-что у него осталось и всплыло потом только в период подготовки издания Лемке — дневник, несколько автографов сочинений Герцена («День был душный», «О месте человека в природе», заметки 1834 г. о цели журнала), два письма к Герцену: от Людмилы Пассек и от невесты Н. А. Захарьиной)¹⁵².

Свои бумаги Н. А. Тучкова-Огарева увезла в Россию. В таможене на русской границе бумаги и книги были задержаны для просмотра. В конце концов рукописи и фотографии ей возвратили, книги же (в их числе сочинения Герцена и Огарева) конфисковали¹⁵³. Эти события она не раз излагала в письмах. Так, например, летом 1892 г. она писала Н. А. Герцен: «Ты, может, не знаешь, что на таможене у меня взяли все книги. Еще, если есть, пришли стихотворения Огарева, печатанные в Лондоне». У меня взяли экземпляр, подаренный им дочери, когда ей было 8 дней»¹⁵⁴. Подробнее она рассказывала Пассек: «Да, у меня были все их труды, но граница все взяла, осталось только то, что мое отчаяние не могло уступить: письма и портреты; скорей я готова была ехать обратно, чем расстаться с последним моим достоянием»¹⁵⁵. Известное недоверие к различным свидетельствам Н. А. Тучковой-Огаревой, возникшее, видимо, в результате отношения к ней детей Герцена и особенностей ее поведения во время семейной жизни в эмиграции, а потом закрепившееся в литературе, в значительной степени рассеивается, едва начинаешь проверять эти свидетельства фактами. И очень убедительным примером являются как раз факты, связанные с ее возвращением в Россию. Все, что она сообщала в письмах, полностью подтверждается, дополняясь рядом деталей, документами дела III отделения, посвященного ее возвращению¹⁵⁶.

Когда А. А. Тучков снова подал прошение на «высочайшее имя» о разрешении дочери вернуться в Россию (1 февраля 1876 г.) и запрошенный о ее поведении и связях русский консул в Ницце О. П. Паттон прислал не только свой благоприятный ответ, но и аналогичный отзыв местного комиссара полиции («По полученным сведениям, она положительно никаким политическим партиям не принадлежит, живя в печали и с весьма ограниченными средствами»)¹⁵⁷, то на прошение была наложена довольно любопытная резолюция главного начальника III отдела-

СТИХОТВОРЕНИЯ

Н. ОГАРЕВА.

Издание Н. Трубнера и Ко.

*Лизе отъ Огарева
15 Сентября 1858.*

LONDON,

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1858.

«СТИХОТВОРЕНИЯ Н. ОГАРЕВА»

Лондон, 1858

Титульный лист с дарственной надписью: «Лизе от Огарева. 15 сентября 1858»

Музей Герцена, Москва

Н. А. Тучкова-Огарева полагала, что книга была отобрана у нее на таможене. На самом деле книга оставалась в семье А. А. Герцена. В 1982 г. г-жа Эва Рист (вдова правнука Герцена Л. Риста) подарила ее Н. П. Герцен, которая передала книгу в Музей Герцена

ния А. Л. Потапова: он приказывал составить всеподданнейший доклад «в том смысле, что Огарева по произнесении над мужем приговора просилась приехать в Россию, но ей в том было отказано, что она уже давно с мужем не живет и не видится и что поведение ее вполне одобряется. Как пример подобного разрешения приехать в Россию выставить жену *Бакунина*, которая после побега мужа за границу из Сибири приезжала с высочайшего разрешения в Россию»¹⁵⁸. 9 марта 1876 г. царь согласился разрешить Огаревой приехать в Россию «на поручительство ее отца и с учреждением над ней строгого полицейского надзора, в особенности за заграничными ее сношениями»¹⁵⁹. Одновременно всем пограничным таможенным пунктам были направлены указания «при возврате г-жи Огаревой ее багаж строго осмотрет и о приезде ее немедленно донести», а ее (по предложению министра внутренних дел Тимашева) тут же по приезде обязать подпиской сразу проехать в имение родителей и поселиться там¹⁶⁰.

Только через пять месяцев, 16 августа 1876 г., в III отделение из пограничного пункта Радзивилов поступила шифрованная телеграмма: «Наталья Огарева приехала 15 августа вечером, досмотрена, найденное представляется почтою. Сегодня утром едет к отцу Пензенскую губернию»¹⁶¹. Последовавшее подробное донесение пограничной жандармской службы проливает свет и на обстоятельства досмотра и на состав материалов, которые Н. А. Тучкова-Огарева везла с собой.

«Таможня при досмотре одного из сундуков нашла на дне его, под прибитою к краям два клеенку, пакет с письмами и портретами; такое нарушение таможенных правил, скрывание предметов от досмотра, послужило поводом к приглашению г-жи Огаревой в отдельную комнату, где она подвергнута осмотру при помощи женщины, при чем найдено письмо от Елизаветы Герцен, дочери г-жи Огаревой, объясняющее причину смерти писавшей его, и 2 аршина бумажной материи, которая тут же и возвращена г-же Огаревой.

В сундуках найдены портреты Герцена в размер обыкновенной фотографической карточки, фотография больших размеров, снятая с Герцена по смерти его, в числе 8 экземпляров. Большой портрет г-на Вырубова. Фотографические карточки: Огарева с Герценом вместе, Чернецкого (типографщика журнала «Колокол»), Тхоржевского, двух братьев Жемчужниковых, по заявлению г-жи Огаревой, родственников ее, С. С. Громеки, Зиновича, Черкесова, Варвары Евграфовой Мечниковой (. . .) племянника г-жи Огаревой Сатина, карточки ее детей умерших (. . .). Письма Герцена к г-же Огаревой и дочери их Елисавете семейного характера, также переписка с ее родителями в России. Дневник ее, тетрадь, где Огарева записывала свои сны, тетрадь с учебными упражнениями ее дочери, рисунки последней, ребяческие, касающиеся их семейных сцен. Затем книги: журнал «Дело», одна книга 1876 г., словари (. . .), курс практического акушерства на франц. языке и «С того берега», «Былое и Думы», Ранние произведения, Письма на французском языке в 2-х книгах и маленького формата, в $\frac{1}{32}$ долю листа стихотворения «Юмор», Герцenske произведения.

Из переименованных выше вещей г-жи Огаревой я отобрал только последние, книги — произведения Герцена, остальное же, т. е. переписку Герцена и портреты, не считал удобным отображать здесь, потому что, по беглому просмотру ее, я не видел в ней ничего имеющего значение, а г-жа Огарева поставила вопрос так, что «если вещи эти будут отобраны благодаря ее следованию в Россию, то она для возвращения их лучше предпочитает вернуться за границу», так что в случае конфискации писем можно было ожидать огласку (. . .). Уверенная в возможности сохранить свои письма и фотографии, она их уложила на дно своего сундука с тем, чтобы достать только в Пензе, где, как я думал, было бы удобнее подвергнуть ее более серьезному досмотру»¹⁶².

Продолжения жандармская дипломатия не имела: никаких указаний пензенским властям о дополнительном просмотре или конфискации провезенных бумаг из III отделения не последовало. Книги были присланы в III отделение, а затем возвращены в Министерство внутренних дел¹⁶³. В деле Н. А. Тучковой-Огаревой нет следов снятия с нее в дальнейшем надзора, об установлении которого тогда же, в августе 1876 г., напомнили Пензенскому жандармскому управлению.

Все документальные и изобразительные материалы, привезенные Тучковой-Огаревой из-за границы, объединились в России с тем, что было оставлено Огаревыми дома за двадцать лет до этого при отъезде в Лондон. Рассказ о семейных бумагах из архива Герцена в первые пять лет после его смерти, до отъезда Тучковой-Огаревой в Россию, на этом в сущности завершается. Но следующему этапу истории архива нужно предпослать некоторые рассуждения о роли в ней Тучковой-Огаревой, о том, сберегла ли она находившиеся в ее руках письма Герцена и Огарева.

Мы приводили выше отрывки из ее писем — просьбы к тому и другому жечь ее письма. Нет, однако, ни одного документального свидетельства, что таким же образом она поступила

когда-либо с их письмами, в особенности, после их смерти. Можно допустить, что при жизни это могло случаться — как неуравновешенная и гневная ее реакция на только что полученное письмо или на очередную коллизию в тягостных их взаимоотношениях. Но нет никаких оснований думать, что подобным же образом она могла поступать с оставшимся у нее наследием Герцена и Огарева. Это неопровержимо доказывается и количеством бережно сохранных ею писем, и их содержанием. Это были те самые письма, которые показали потомству печальную ее роль в судьбе двух выдающихся людей. Это доказывается и той решимостью, с какой она отстаивала на границе свой архив от конфискации, готовая лучше вернуться в эмиграцию, чем отдать его.

Конечно, утраты в этой переписке имеются (как и во всей прочей переписке Герцена и Огарева), но их менее всего можно объяснить случаями сознательного уничтожения. Так, например, письмо Герцена к ней от 23 февраля 1868 г., где описано состояние, в каком он застал Огарева после перелома ноги, было в наличии во время работы Тучковой-Огаревой над «Воспоминаниями», где оно изложено¹⁶⁴. В настоящее время местонахождение его неизвестно¹⁶⁵, хотя очевидно, что никаких причин для его уничтожения быть не могло.

Однако в литературе было высказано и с тех пор неоднократно повторялось мнение, что еще до отъезда в Россию Н. А. Тучкова-Огарева уничтожала какие-то находившиеся у нее письма Герцена или Огарева. Возникновение и дальнейшее распространение таких утверждений — характерный пример превращения однажды высказанной гипотезы путем простых словесных манипуляций и без привлечения новых доказательств в факт, начинающий бродить по научной литературе.

Впервые эту мысль (и только как предположение) высказала Н. А. Роскина в публикации «Из переписки Н. А. Тучковой-Огаревой». Заметив в письме Натальи Алексеевны к Н. А. Герцену от 7 февраля 1875 г. слова: «Никого не вижу, перечитываю письма, рву ненужные», она писала: «Обращает на себя внимание, что Н. А. Тучкова-Огарева уничтожала какие-то документы, казавшиеся ей „ненужными“». При этом она могла уничтожить и какие-либо бумаги Герцена и Огарева¹⁶⁶. Позднее М. К. Перкаль, опираясь на публикацию Н. А. Роскиной, но отбросив оттенок гипотетичности, сообщил уже как об установленном факте: «Уже после смерти Герцена Н. А. Тучковой-Огаревой были уничтожены какие-то его письма»¹⁶⁷. В статье же следующего автора, Н. С. Роговой, то же утверждение приобрело характер почти обвинительного заключения (со ссылкой на ту же, приведенную Роскиной, цитату): «Некоторые заслуги Н. А. Огаревой в деле собирания эпистолярного наследия А. И. Герцена не компенсируют тот вред, который она причинила этому наследству, уничтожая «ненужные» бумаги»¹⁶⁸. Двух слов «рву ненужные» оказалось достаточно для Н. С. Роговой, чтобы бездоказательно сравнить масштаб собранного, сохраненного и уничтоженного — и, разумеется, не в пользу Тучковой-Огаревой.

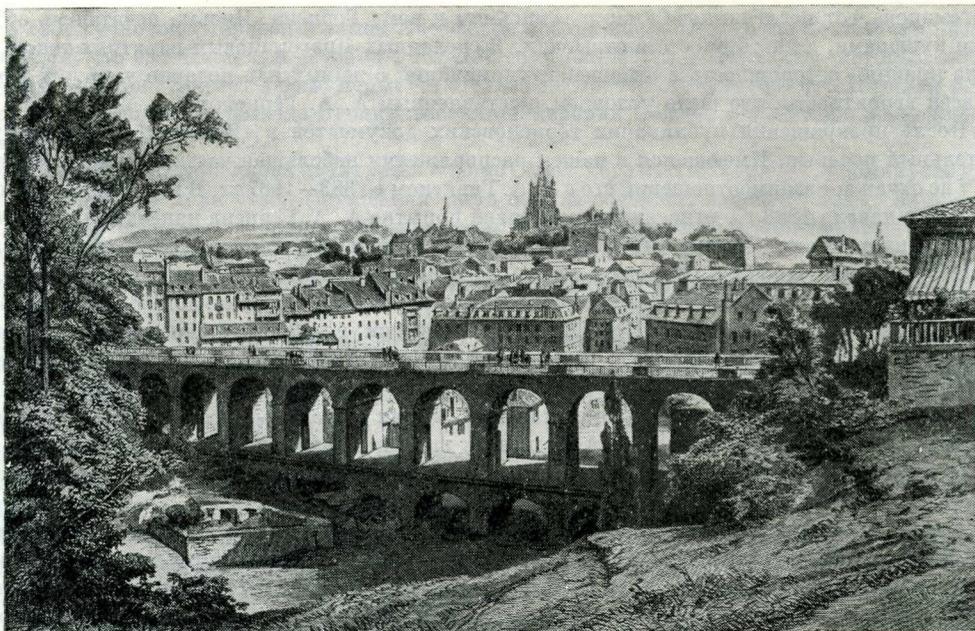
Попытаемся теперь извлечь из доступных нам документов все, что проливает свет на истинное положение дел. Прежде всего, если не ограничиваться одной уже известной нам цитатой, а познакомиться со всем контекстом писем Н. А. Тучковой-Огаревой к А. А. и Н. А. Герценам, к дочери Лизе, то предположение, что под «ненужными» она могла подразумевать письма Герцена или Огарева, отпадает само собой. Но кроме контекста есть и конкретные указания. 13 сентября 1874 г. Н. А. Тучкова-Огарева писала Лизе: «Я перебрала свои письма и многие изорвала — многие перечитала — от этой работы внутренняя боль < . . . > Тхорж(евский) писал, что Ага уехал. Все же больно думать, что мы его больше не увидим. Я сохранила его письма — есть и к тебе»¹⁶⁹. Письмо от 18 января 1875 г. к ней же касается уже писем Герцена: «На днях будет пять лет, что наша жизнь окончательно разрушилась — подумай с любовью об нем. Как он тебя любил! — Я перечитываю все письма, я вся в прошедшем. Когда-нибудь и ты будешь их читать со слезами умиления, не с теми горькими, безвыходными слезами, с которыми я их перечитываю»¹⁷⁰. Во всей переписке Н. А. Тучковой-Огаревой с детьми встречается лишь однажды факт уничтожения ею какой-то рукописи, относящейся к семейной истории, — но отнюдь не писем Герцена и Огарева. В давно опубликованной переписке ее с А. А. Герценом есть два письма, которыми они обменялись в январе 1876 г., вскоре после гибели Лизы. В письме Натальи Алексеевны от 23 января говорится: «Ты приехал сюда поглощенный мыслью о моей рукописи. Уже на вокзале ты добивался говорить с г-жею [Арибальди] и, увидев ее, ты несколько раз говорил с нею исключительно о рукописи, и в коляске, после минут столь мучительных для меня, ты говорил со мною о рукописи < . . . >. Только мы вошли в дом, ты потребовал рукопись; ты подал ее мне, и я бросила ее в огонь»¹⁷¹. Александр Александрович отвечал: «... ты сама мне говорила,

чтобы я ее взял и уничтожил. Находясь в Ницце, при тебе и М-me Garib(aldi), я думал, что это дело лучше покончить сейчас, и напомнил о рукописи безо всяких задних мыслей, т. е. думая только, что лучше не оставлять никаких следов наших прежних недоразумений, а особенно в посторонних руках»¹⁷². Этот эпизод оставался бы непонятным, если бы в одном из позднейших писем Тучковой-Огаревой к Некрасовой не нашлось упоминание о нем: «Ведь Саша Г(ерцен) вынудил меня сжечь или отдать ему письмо, которое было писано (к) М-me Garibaldi и должно было оправдать меня или, лучше, объяснить — но он боялся, совершенно ошибочно, что там есть что-нибудь о нем»¹⁷³. По-видимому в сожженном письме Тучковой-Огаревой разъяснились, — с ее точки зрения, конечно, — причины распада семьи с его тяжкими последствиями.

Позиция Н. А. Тучковой-Огаревой по отношению к документам, в которых отразилась драма ее семейной жизни с Герценом, была сформулирована ею в одном из писем к его сыну. Продолжая тему сожженного письма-исповеди, она писала 23 января 1876 г.: «Мы разные люди, милый Александр. Знаю, что у тебя есть в копии, сделанной моей рукой, тетрадь горьких размышлений, писанная твоим отцом в минуты гнева и недоразумений, а позже — болезни. Страницы, в которых выражалась его любовь к его второй семье, вероятно, вырваны им самим в дурную минуту. Я знаю: однажды ему показалось, что я говорила о нем Лизе без его позволения, — тогда он записал несколько жестких и беспощадных строк; позже все объяснилось, но эти страницы остались. Я их не боюсь, милый Александр, напечатайте их, распространяйте их; суд людей не так страшен, как мой собственный»¹⁷⁴. В этих, может быть, и не до конца искренних словах существенно одно: очевидное все же стремление ее не уничтожать следы ушедшей в прошлое жизни, а сохранять их, в каком бы свете они ее ни представляли.

Вопрос о том, что станет с интимными письмами Герцена и Огарева после ее смерти, начал всерьез тревожить Тучкову-Огареву позднее, в преклонные годы. Осенью 1894 г. она писала Е. С. Некрасовой: «...бережешь, бережешь все, а как умрешь — все пойдет на обертку»¹⁷⁵. Еще позднее, в сентябре 1902 г., она возвращалась к тому же: «На днях я пересматривала свои бумаги, письма Г(ерцена), О(гарева) — одно свое прочла. Мы много страдали, но не хочется, чтоб каждый грязными пальцами до моей души дотрагивался: противно. И жечь жаль — а как ошибусь и не умру?»¹⁷⁶. Об этих сомнениях Наталья Алексеевна и о своих советах ей написать еще одну, интимную часть воспоминаний Некрасова, очевидно, сообщила Н. А. Герцен. Последняя отвечала ей 31 января 1903 г.: «Вы правы, советуя Наталье Алексеевне дополнить свои воспоминания. То, что Вы рассказываете о письмах отца и Огарева, доказывает, что она не очень хорошо помнит. Вы должны ей сказать, что несколько лет назад она утверждала, что у нее нет писем отца и О(гарева) — и спросить у нее, откуда же они у нее теперь, и снова убедить ее не сжигать эти письма»¹⁷⁷. В доступной нам переписке Тучковой-Огаревой подобного утверждения обнаружить не удастся. От всех своих русских корреспондентов — Пассек, Некрасовой, Гершензона — она никогда не скрывала наличие у нее этих писем, и если подобное отрицание имело место, то только в сложных отношениях с детьми Герцена. Письма Герцена и Огарева она сохранила до конца жизни. Написала она и новую часть воспоминаний. 13 января 1903 г. она сообщила Некрасовой: «Я пишу то, что Вы желали, для Ру(мянцевского) му(зея), переживите меня, и Вы узнаете нас всех»¹⁷⁸. В одном из последних писем к Некрасовой конца 1904 г. (Некрасова была уже тяжело больна и в начале 1905 г. скончалась) говорится: «Наконец, по Вашему желанию, посылаю Вам мою исповедь — едва ли Вы будете довольны»¹⁷⁹. О судьбе всех остальных, бережно сохраненных Тучковой-Огаревой бумаг мы скажем в своем месте. Теперь же возвратимся к архиву, оставшемуся за границей.

В 1877 г. он пополнился бумагами Огарева. Не располагая перепиской дочерей и сына Герцена, нельзя точно установить, что именно привезла из Англии ездившая туда в последние дни жизни Огарева Н. А. Герцен. Связанные с этим обстоятельством известны только в пересказе Е. С. Некрасовой, но он, вне всякого сомнения, основан на том, что рассказывала ей во время встреч в Лозанне и Париже сама Наталья Александровна. «Когда Николай Платонович испустил последний вздох, — писала Некрасова, — Наталья Александровна вручила англичанке Мэри, которая давно уже жила при Огареве и ходила за ним, необходимые деньги на похороны и на все неизбежные в подобных случаях расходы, сама же не осталась дожидаться похорон, а захватив все «старые тетради», отказанные покойным поэтом «детям Герцена», простилась с покойником и поспешила уехать домой»¹⁸⁰. Объясняя этот поспешный отъезд боязнь возможных неприятностей со стороны Мэри, Некрасова, при всей своей лояльности по отношению к Н. А. Герцен, в особенности в печатной работе, не смогла все же избежать заметной в этом рас-

ЛОЗАННА

Гравюра В. Гехта по рисунку Э. Кирхенера, 1870-е гг.

Из книги: «Switzerland, its Scenery and People». London, 1881

В Лозанне, в доме Н. А. Герцен хранилась большая часть архива Герцена

сказе ноты осуждения. Подобным же двойственным чувством, как мы увидим, отмечено ее отношение к А. А. Герцену.

Документы из объединившегося теперь архива Герцена и Огарева в течение нескольких следующих лет лежали без движения. Начало их публикации, а вместе с тем, и начало передачи их в другие руки, связано с именем М. П. Драгоманова. В 1881 г. А. А. Герцен с семьей переехал в Лозанну. Он и раньше считал, что Швейцария «несравненно лучше Италии для воспитания» и что «вся атмосфера в Швейцарии гораздо нравственнее»¹⁸¹. Обсуждая в письме от 8 ноября 1875 г., когда удобнее ставить памятник на могиле отца в Ницце, Н. А. Герцен писал Н. А. Тучковой-Огаревой: «Отложим лучше до будущего года, до момента Сашиного переезда в Швейцарию»¹⁸². Тогда этот план переезда не осуществился. Теперь же этого требовало будущее его многочисленных подрастающих детей.

В 1876 г. эмигрировал из России и поселился в Женеве уволенный из Киевского университета за политическую неблагонадежность известный украинский историк М. П. Драгоманов. Познакомившись (по-видимому в 1882 г.) с сыном Герцена, он предложил ему приступить к публикации писем из архива Герцена, не вошедших в женевское издание. Согласие было получено, и документы из архива Герцена впервые начали публиковаться без всякого участия кого бы то ни было из членов семьи Герцена. Драгоманов начал печатать их в издававшейся им газете «Вольное слово» под заголовком «Из бумаг редакции «Колокола»». Открывавшее публикацию письмо Бакунина к Герцену от 8 декабря 1860 г. было помещено в двух номерах газеты (№ 54 и 55 за 1883 г.). В первом из номеров, вышедшем 1 февраля, Драгоманов писал: «Мы получили от семейства А. И. Герцена и г-на Тхоржевского¹⁸³ большое количество бумаг бывшей редакции «Колокола» (Герцена, Огарева и Бакунина) < . . . > Количество этих бумаг слишком велико, чтоб быть помещено в нашей газете; по всей вероятности, они составят особый том, который в недалеком будущем выйдет в Женеве». В точном смысле слова замысел этот не был реализован, но Драгоманов действительно в течение ряда лет в разных формах издавал переписку Герцена и Огарева. В «Вольном слове» он напечатал за несколько месяцев (февраль — май 1883 г.) письма к Герцену С. С. Громеки (3), Н. А. Мельгунова (5), И. С. Аксакова (5), Б. Н. Чичерина (4), Бакунина (1), Анненкова (1), И. П. Галахова (1), И. И. Панаева (1), письмо М. А. Языкова к Огареву. Письмо Ю. Ф. Самарина к Герцену было напечатано вместе с полученным, по словам

Драгоманова, «от наследников Самарина» письмом к нему Герцена. Письма печатались с большими купюрами, а часть просто в отрывках. В сделанных Драгомановым изъятиях текста очевидна крайняя осторожность в отношении упоминаний о живых или недавно умерших людях. По всей вероятности, это было условием, поставленным А. А. Герценом.

После прекращения публикации герценовских документов в «Вольном слове» наступил длительный перерыв. Имеющаяся в нашем распоряжении небольшая часть архива Драгоманова¹⁸⁴ не отражает взаимоотношений его с А. А. Герценом в 1883—1887 гг. В нее входит переписка их лишь с начала 1888 г., относящаяся к первой попытке А. А. Герцена напечатать что-либо из архива отца в России. Такому его решению способствовал, несомненно, успех обнаружения некоторых писем Герцена и Огарева в тексте III тома мемуаров Т. П. Пассек «Из дальних лет». Мемуаров этих мы коснемся здесь очень бегло (их история, как известно, детальнейшим образом исследована А. Н. Дубовиковым¹⁸⁵) и лишь в той степени, в какой она пересекается с архивом Герцена и Огарева, хранившимся в Швейцарии. Выше упоминалось уже о получении Пассек у Огарева писем к нему Герцена и использовании их, а потом возвращении А. А. Герцену. С публикацией в «Русской старине» III тома мемуаров, а в их составе — писем Герцена, связан ряд фактов, поясняющих отношение детей Герцена к подобным публикациям, в особенности, если они освещали его личную жизнь. Продолжала их пугать и возможность обнаружения неизданной части «Былого и дум».

Еще в марте 1886 г., опасаясь подобного поступка со стороны Пассек, Н. А. Герцен писала М. К. Рейхель: «Мы не хотим пока ничего печатать из этого V-ого тома, потому что *sh-me* Н(герве)gh все угрожала, что если мы что бы то ни было напечатаем — она отмстит и напечатает все машины письма, которые у нее в руках. Может быть, она хвастается и ничего у нее нет, но зато, может быть, она в состоянии выдумать и сочинить письма. Во всяком случае, нельзя рисковать полемикой об этом, неправда ли?»¹⁸⁶. Когда тревога эта рассеялась, она снова писала об этом Марии Каспаровне: «Носились слухи, что Т(атьяна) П(етровна) собирается печатать рукопись, о которой я тебе говорила. Одна Нат(алья) Алексеевна могла бы ей дать копию, но вряд ли Нат(алья) Алек(сеевна) это сделает. Ведь мы с ней же решили в 72—73 году, что *не* следует еще печатать пока. С тех пор ничего не переменялось»¹⁸⁷.

Узнав в декабре 1886 г. о появлении в тексте мемуаров Пассек писем Герцена к Огареву, А. А. Герцен немедленно принял меры против этого: через М. К. Рейхель он обратился с протестом к Пассек и одновременно телеграфировал Семевскому. Печатание было приостановлено. Семевский, желая уладить дело и продолжить печатание мемуаров, в письме от 12/24 февраля 1887 г. предложил А. А. Герцену устранять из корректуры все, что он считает нужным. В результате затяжки, вызванной семейной цензурой, публикация возобновилась только в октябре 1887 г., а текст писем был значительно урезан¹⁸⁸. Приведенная в указанной работе А. Н. Дубовикова переписка всех заинтересованных лиц, если подойти к ней под занимающим нас углом зрения, может быть несколько дополнена и уточнена.

Решимость А. А. и Н. А. Герценов и семьи Моно воспрепятствовать публикации Пассек любыми средствами, вплоть до суда, выясняется из письма Н. А. Герцен от 9 февраля 1887 г. к известному русскому юристу кн. А. И. Урусову: «Когда я имела удовольствие Вас видеть, у меня не было ни случая, ни возможности серьезно переговорить с сестрой и зятем. Они считают — и мой брат согласен с ними в этом — что мы не должны никому разрешать публиковать что бы то ни было принадлежащее нашему отцу, письма ли это или рукописи, без особого согласия с нашей стороны и без нашего контроля за тем, что публикуют. Если Вы увидите г. Семевского, благоволите сказать ему это. Впрочем январский номер «Русской старины» не содержит продолжения нескромностей г-жи Пассек — я надеюсь, что это результат нашей телеграммы г. Семевскому, которую мы послали из Лозанны в начале декабря, но ответа еще не получили. Мы хотим как можно скорее отправить Вам доверенность, которая, в случае, если бы кто-либо попытался предпринять новые публикации в журналах или отдельной книгой, позволила бы Вам протестовать от нашего имени. Как Вы думаете, будет ли подходящей и достаточной следующая формулировка? «Мы нижеподписавшиеся, Александр, Наталья и Ольга Герцен, дети и наследники Александра Герцена, доверяем г. князю Александру Урусову в случае, если в России будет сделана без нашего разрешения какая-либо публикация трудов или переписки Александра Герцена, заявить законный протест против сделки об этой публикации независимо от иска, который, в крайнем случае, может быть возбужден против ее автора или авторов»¹⁸⁹.

Но к таким крайним мерам прибегать не пришлось. «Насчет Семевского, — писал А. А. Герцен сестре 14 февраля 1887 г., — думаю, что больше бояться нечего». Отговаривая ее от намерения

писать еще Тучковой-Огаревой и самой Пассек, он добавлял: «Натали сама достаточно позаботится о том, что ее касается, а „кузина“, без сомнения, спишется с Семевским, который скажет ей: берегитесь, они примут любые меры»¹⁹⁰. Нельзя не подчеркнуть здесь, что Наталья Алексеевна не только не урезывала публикаторские намерения Пассек, но, по мере возможности, ей способствовала.

В работе А. Н. Дубовикова цитируется письмо Семевского к А. А. Герцену, упомянутое нами выше, — однако, не полностью. Опушенная часть письма содержит важные детали. Напоминая А. А. Герцену о встрече и беседе в Лозанне летом 1882 г., Семевский спрашивал его, почему он не выполнил данных тогда «добрых обещаний»:

«1) Вы обещали прислать фотографию памятника на могиле Вашего отца. Таковой я не получал.

2) Вы обещали написать мне об условиях, на каких признаете возможным продать право напечатания в «Русской старине» неизданной части Записок Вашего отца — и ничего мне об этом не написали». «Казалось, теперь, — писал в конце Семевский, — когда минуло 20 лет со дня кончины Вашего достопамятного отца, следовало бы издать все, что до его жизни и деятельности относится»¹⁹¹. Ответ на это А. А. Герцена, если он вообще был, в архиве Семевского отсутствует. Ясно только, что был тогда момент, когда он снова склонился к мысли о возможности опубликовать «V том», но снова отказался от нее.

Совсем иным было его отношение к публикации в России переписки Герцена и Огарева, хранившейся в его семейном архиве. Именно в это время он настойчиво этого добивается. Первым опытом такого рода явилась обширная публикация «Из переписки недавних деятелей», в 1888—1892 гг. появившаяся на страницах «Русской мысли».

Тут надо сказать прежде всего, что изучение относящихся к ней документов полностью рассеивает еще одну утвердившуюся в литературе легенду. Начиная с М. К. Лемке, все, кто так или иначе касался этой публикации, резко и во многом справедливо критиковали ее несправдливость — обилие куньор и неверных чтений, часто вообще искажавших смысл; и все, естественно, осуждали публикатора. В качестве такового во всей литературе вопроса без тени сомнения указывалась Е. С. Некрасова¹⁹². Из многих подобных утверждений приведем лишь два: Н. М. Мендельсона, первым разбиравшего в начале 1920-х гг. и описывавшего в «Комнате людей 40-х годов» Румянцевского музея как раз те письма Огарева, которые печатались некогда в «Русской мысли», и Я. З. Черняка, много лет исследовавшего и фонд Огарева и фонд Е. С. Некрасовой в отделе рукописей Ленинской библиотеки, куда влились потом материалы «Комнаты».

«Всяческого осуждения заслуживают редакторские приемы Некрасовой при издании писем Герцена и к Герцену, — писал в 1933 г. Н. М. Мендельсон. — Намеренные и ненамеренные пропуски, искажения, вычеркивания (иногда даже в самом оригинале!) на каждом шагу. Эти замечания в полной мере применимы к тем публикациям, о которых сейчас же вспоминают, раз речь заходит о переписке Герцена. Говорю о длинной серии материалов, опубликованных в «Русской мысли» под заглавием «Из переписки недавних деятелей», широко использованных Лемке на страницах его издания. Вступительная заметка к этой серии подписана буквами А. Г., но ряд документов, хранящихся в Ленинской библиотеке, позволяет утверждать, что главную ответственность за публикацию должна нести Е. С. Некрасова»¹⁹³. Как видим — ни сомнений, ни доказательств, ни попытки выяснить, кем подписана вступительная заметка, как и когда могли попасть к Некрасовой печатавшиеся в «Русской мысли» письма.

Столь же уверенно излагал обстоятельства дела Я. З. Черняк в своей работе «Фонд Н. П. Огарева»: «Переписка Огарева с Герценом, Кетчером, Грановским публиковалась систематически в течение многих лет в «Русской мысли» под общим заглавием «Из переписки недавних деятелей. Материалы для истории русского общества». Публикация осуществлялась Е. С. Некрасовой, которая была первой в России собирательницей рукописного наследия Герцена, Огарева и их друзей»¹⁹⁴. Перейдя затем к оценке качества этой публикации, он не ограничился чисто текстологической критикой ее дефектов, но построил для их объяснения целую идеологическую концепцию.

«Не понимая борьбы, происходившей между революционными и либеральными элементами кружков, и не разбираясь ни в теоретико-философских, ни в политических разногласиях, разделивших многих членов кружка и приводивших уже в 40-х годах к страстным и резким столкновениям, Некрасова стремилась замолчать их, заглаживать конфликты, залить примирительным элеем споры и разногласия. При публикации она выбрасывала из писем целые абзацы, удаляла отрицательные характеристики отдельных лиц и т. д.»¹⁹⁵.

Но все эти объяснения недостатков публикации персональными особенностями Некрасовой, как оказалось, совершенно несостоятельны и лишь еще раз доказали, как опасно в научной работе опираться не на источники, а на логические умозаключения. Дело в том, что Некрасова не имела никакого отношения к этой публикации, и в то время, когда она предпринималась, даже письменно не была еще знакома с А. А. Герценом. Первое ее письменное обращение к нему относится к марту 1889 г., а первые материалы для публикации она получила у него во время своего пребывания в Лозанне в 1893 г. (подробнее см. ниже). По поручению А. А. Герцена письма в «Русской мысли» публиковал М. П. Драгоманов.

Переговоры по этому поводу с редактором «Русской мысли» В. А. Гольцевым начались, по-видимому, при их личной встрече в Лозанне в конце 1887 г. — во всяком случае, первое из сохранившихся писем А. А. Герцена к Гольцеву, от 21 февраля 1888 г., сопровождает уже отправку первой партии писем в копии. Письма были подготовлены Драгомановым, которому А. А. Герцен предложил треть гонорара и вместе с которым решал вопросы отбора писем. 8 января 1888 г. он писал ему: «Приезжайте, когда Вам удобнее. «Из дальних лет» Т. П. Пассек у меня есть, а «Полярной звезды» и «Колокола» нет. Все это было у Огарева, он обещался мне отдать, но у него, вероятно, все стащили, и я так и не получил, а потом сам забыл достать и теперь не знаю даже возможности где-нибудь достать»¹⁹⁶. Видимо Драгоманов предлагал сосредоточиться на письмах доэмиграционного периода, проверив по названным изданиям, что из них было уже напечатано и самим Герценом и Пассек. Посылая Гольцеву первую пачку текстов, А. А. Герцен писал: «Надеюсь, что они Вам покажутся интересными и окажутся ценсурными. Я Вам ручаюсь за точность копий; подлинников я, разумеется, не желаю подвергать опасности длинного путешествия; если же найдутся на то охотники, то я, может быть, релюсь после опубликования переписки в «Русской мысли» продать и автографы всех «недавних деятелей», кроме моего отца <...> Все, что окажется неценсурным, я намереваюсь со временем издать за границей»¹⁹⁷. 12 марта, сообщая Драгоманову о благополучном получении в России первой посылки, А. А. Герцен торопил его: «готовьте скорее новую пачку писем»¹⁹⁸. Имя фактического публикатора Гольцеву было известно (28 сентября А. А. Герцен писал ему, например: «По просьбе моего сотрудника, посылаю Вам его статью о «Малороссах в Америке». Он просит Вас прислать ему в счет гонорара на мой адрес болгарско-русский лексикон Дювернуа и книгу Неведомского «М. П. Катков»¹⁹⁹), но нигде в журнале не было обозначено.

Публикация началась в июльской книжке журнала за 1888 г. и растянулась на пять лет, причем перерывы достигали иной раз 8—9 месяцев. В предисловии, подписанном инициалами А. А. Герцена, но, судя по всему, принадлежащем, как и весь комментарий, Драгоманову, говорилось: «Мы решаемся опубликовать эти письма во всей их полноте, с неизбежными в живом материале шероховатостями. Мы надеемся, что настоящее время уже настолько удалено от той эпохи, что эти шероховатости не заденут никого, а во всяком случае не принесут никому вреда»²⁰⁰. На деле текст напечатанных писем был далек от полноты, а за точность копий и вовсе не стоило ручаться: текстологический уровень работы Драгоманова был здесь еще ниже, чем в последующих его изданиях. Но ответственность за купюры вряд ли ложится на него. Преобладающая их часть относится к религиозно-философским проблемам, обсуждение которых в письмах могло показаться опасным с цензурной точки зрения уже редакции журнала, а затем и цензору. Другие же купюры, смягчающие остроту разногласий членов московского кружка, вряд ли объяснимы цензурными требованиями, — те самые, которые столь неудачно объясняли «либерализмом» Некрасовой, сделаны были, скорее всего, еще в Женеве по инициативе А. А. Герцена. Отметим, что в переписке его с Гольцевым, где много упреков в длительности печатания, задержке гонорара²⁰¹, нет ни слова возражений против купюр. Характеризуя в том же предисловии переписку Герцена и Огарева, Драгоманов отмечал: «К сожалению, у нас находится под рукою только одна половина ее: письма одного Огарева с приписками близких его» и делал далее еще одно существенное замечание — что письма эти «представляют не всю огаревскую половину корреспонденции, а только то, что от нее уцелело»²⁰². В истории этой публикации проявилось и желание А. А. Герцена приступить к обнародованию наследия отца, диктовавшееся и моральными и материальными соображениями (при его огромной семье проблема гонорара была немаловажной), и сковывавшие его внутренние ограничения. Важно также, что ни тогда, ни позже он не мог сам этим заниматься, поглощенный своей профессиональной деятельностью и не обладая нужными знаниями и навыками. Его позицию в этом отношении характеризует письмо его к Драгоманову от 31 мая 1893 г., адресованное уже в Софию, куда тот пере-

ехал в 1889 г.: «Для литературного лексикона меня просят прислать краткую биографию отца — но главным образом желают очень точный ответ на следующие вопросы:

Основные фазы его философской, литературной и политической эволюции; значение и влияние его сочинений.

Каково было в точности его отношение к нигилизму, когда и почему он порвал с Бакуниным.

Каково значение «Переписки», недавно опубликованной в России.

Вы все это так отлично знаете, что для Вас гораздо легче написать статейку такого рода (не более 100 строк), чем для меня». В конце письма приписано: «Не вспомните ли, когда началась и когда кончилась публикация «Полярной звезды» и сколько томов «Колокола» вышло всего?»²⁰³ Драгоманов согласился, и спустя несколько дней А. А. Герцен уже благодарил его за готовую работу²⁰⁴.

Как же и почему возникла мысль, будто публикацию 1888—1892 гг. в «Русской мысли» готовила Некрасова? Во-первых потому, что именно она в конце 1880-х — начале 1890-х годов напечатала в русских журналах немало текстов Герцена и Огарева, в том числе и в данном журнале²⁰⁵. Во-вторых, подлинники тех писем А. А. Герцен впоследствии передал в «Комнату людей 40-х годов», — а при полной неизученности ранее истории этого собрания можно было вообразить, что они были там уже в 1888 г. Переписка А. А. Герцена и Драгоманова не была известна. В этих условиях трудно было сомневаться, что отчеркнутые в подлинниках купюры сделаны Некрасовой при подготовке писем к печати — в действительности, это мог быть только результат позднейшей сверки текстов с печатными.

В годы, следовавшие за публикацией в «Русской мысли», Драгоманов, пользуясь полученными от А. А. Герцена подлинниками, осуществил еще два отдельных издания переписки Герцена и Огарева: письма Кавелина и Тургенева, а затем — письма Бакунина²⁰⁶. В связи с первой из этих книг А. А. Герцен писал 21 августа 1890 г. М. М. Стасюлевичу: «Драгоманов, воспользуясь ваканциями, приехал сюда за семьей и вовсе не намерен оставлять Софии; до своего возвращения туда он, действительно, надеется издать том писем Кавелина и Тургенева к моему отцу; на это заграничное издание мы решились, потому что его в России никогда не позволят — только мы, к несчастью, не могли достать писем моего отца к К(авелину) и Т(ургеневу). Никто не знает, куда они делись»²⁰⁷. Письма Герцена к Кавелину так и не были обнаружены. Племянник Кавелина Д. А. Корсаков сообщил тогда Драгоманову, что они, по-видимому, были сожжены женой Кавелина «во время полицейских тревог после пожаров 1862 г.» (XXVII, 572). Четыре известных письма Герцена публиковались по черновикам, отпускам и копиям (XXVII, 152—153, 226—227, 237, 249—250). О письмах Герцена Тургеневу, как известно, сохранившихся, будет сказано далее. По-видимому, Драгоманов задумывал еще некоторые публикации материалов из архива Герцена, которые смерть не дала ему осуществить, — иначе нельзя объяснить объем и состав тех документов, что были переданы ему А. А. Герценом.

Недолгая, в сущности, публикаторская деятельность Драгоманова сыграла роковую роль в судьбе архива. Значительная часть документов и рукописей, переданных ему А. А. Герценом, в Лозанну не вернулась, и реконструировать их первоначальный состав можно только гипотетически, по тем из ныне известных материалов, которые несомненно восходят к собранию Драгоманова, но все время имея в виду вероятность утрат в нем. О дальнейшей судьбе этого собрания речь пойдет позже.

Последней страницей истории заграничного архива Герцена и Огарева до начала постепенного перемещения части его в Россию является еще одно зарубежное издание, к которому в какой-то степени были причастны дети Герцена, — издание Л. А. Тихомировым сборника статей Герцена из «Колокола»²⁰⁸. Рукописное наследие Герцена к нему не привлекалось, и мы упоминаем о нем лишь потому, что, по имеющимся данным, оно было поручено Тихомирову семьей Герцена, предоставившей ему хранившийся в Лозанне экземпляр «Колокола» с разметкой статей в нем. На эти обстоятельства впервые указал Лемке в предисловии к своему изданию, приведя в подтверждение и устные указания семьи Герцена и отрывок из письма к нему самого Тихомирова, где разъяснялось, что для атрибуции статей он пользовался двумя комплектами «Колокола»: «Мне дал свой экземпляр «Колокола» Н. Жуковский (...). Он в своем экземпляре своевременно отмечал личные статьи Герцена (...). Второй источник был сын Герцена, то есть его экземпляр с отметками статей Александра Ивановича (...). Он также ручался за точность своих отметок статей А. И. Герцена» (Л I, VIII). Нельзя не заметить, что сведения Тихомирова явно противоречат приведенному нами выше утверждению А. А. Герцена в письме к Драгоманову

о том, что у него вообще нет «Колокола», а не то что полного комплекта с разметкой статей отца. Кроме того, переписка Лемке по этому поводу с Тихомировым возникла в конце 1912 г., после поездки Лемке в Лозанну, где он, несомненно, искал все возможные источники, но не получил никаких сведений о подобном комплекте. Только через два года после получения указания Тихомирова Лемке удалось выяснить, что такой комплект был ранее у Вырубова. 20 мая 1914 г. он запрашивал Н. А. Герцен: «Где экземпляр «Колокола», бывший сначала у А. А., а потом переданный Вырубову?»²⁰⁹, а потом уточнял: «Нет ли в экземпляре у Николая Александровича каких-нибудь пометок под статьями неподписанными?». Н. А. Герцен отвечала: «Экземпляр «Колокола», о котором Вы говорите, бывший сперва у Саши, а потом переданный Вырубову, был возвращен нам и теперь находится у Николая»²¹⁰. Но она не связывала его с вопросом о разметке статей, ибо прибавляла здесь же, что ничего об авторстве никем не подписанных статей не знает. Прочитывая эти строки, В. И. Кулешов заключал: «Из переписки не видно, получил ли Лемке этот экземпляр «Колокола»»²¹¹. Можно с полной определенностью утверждать, что не получил: во всем его издании ни одна атрибуция статей в «Колоколе» не подтверждена ссылкой на такой экземпляр. Оставшись у Николая Герцена, он должен был иметь ту же судьбу, что и другие бывшие у него материалы из архива его деда.

После издания Тихомирова публикация наследия Герцена за границей прекращается надолго. С начала 1890-х годов все надежды семьи в этом отношении обращены к России, — и одновременно начинают передаваться на родину рукописи и письма из семейного архива.

III

Инициатива собирания документального наследия Герцена и Огарева в России принадлежит Екатерине Степановне Некрасовой, роль которой в судьбе их архива заслуживает подробного рассмотрения. В дореволюционной литературе деятельность Некрасовой в этом направлении освещена очень скупо — и это понятно. Но пробел этот не был восполнен и советской наукой: деятельность Некрасовой касались так или иначе многие исследователи и публикаторы наследия Герцена и Огарева, но почти исключительно в плане критики ее публикаций. На это есть причины. Во-первых, Некрасова, как и ее предшественник Драгоманов, была весьма неискушенным археографически публикатором. Обнаруженные потом ошибки в изданных ею текстах совершенно заслонили в глазах последующих издателей и исследователей общественное значение ее публикаций. Нельзя забывать, во-вторых, какое место в советской науке, особенно первых ее десятилетий, заняло очищение наследия русской литературы и общественной мысли от цензурных искажений. В пафосе очищения исследователи нередко упускали из виду реальные исторические условия, в которых появлялись эти издания, и, не отличая волю публикатора от жестких рамок, накладывавшихся на него подцензурным положением печати, безоговорочно обличали его вместе с царской цензурой. Так, в частности, оценивали и деятельность Некрасовой. Но мало этого: подобные суждения без достаточных оснований переносились и на обращение ее с оказавшимися в ее руках материалами Герцена и Огарева. М. К. Лемке, со свойственной ему неумеренностью и необъективностью оценок, решился обвинить ее в «покушении на уничтожение документов, так или иначе неприятных для искренно чтимого ею Герцена» и намекал, что она «кое-что и уничтожила самостоятельно» (Л I, 8). Резкость критических замечаний Лемке сыграла в формировании отношения к Некрасовой ту же пагубную роль, какую принесло его отношение к запискам Пассек²¹². Я. З. Черняк утверждал: «Виновиком хаоса, внесенного в собрание, главным образом является Е. С. Некрасова. Она еще до 1905 г. придала рукописям тот вид, в котором должны были ими пользоваться на протяжении почти полувека многие исследователи, редакторы, научные работники. Ею были произвольно сшиты документы и обрывки текстов, ею были склеены вместе листы разновременных записей и текстов, разные тетради соединены в одну и т. д.»²¹³ Речь здесь идет о рукописях Огарева. Но автор не дал себе труда понять причины ее действий, объяснение которых можно найти в ее записных книжках, содержащих обильный материал по истории собранных ею рукописей. Есть там и запись о рукописях Огарева, присланных А. А. Герценом в 1901 г.: «А. А. Герцен предварительно многие тетрадки и записные книжки Огарева сократил: а именно, он повырвал из тетрадей чистую бумагу, отчетливо иногда вся тетрадка разваливалась, и тогда он сохранял только отдельные исписанные листочки, клал их в конверт. Таким образом, конверт заменял собою целую тетрадь. Поэтому, приводя в 1902 году в порядок рукописи Огарева, я не решалась соединять вместе листочки, лежащие в разных конвертах, хотя мне часто казалось, что отдельные конверты составляли одну

Приходилось начинать с самого элементарного: не только русскому читателю, но и исследователю не были известны простейшие биографические факты, источники для биографии не выявлены и местонахождение их неизвестно. Поэтому задача выявления источников совпадала, в сущности, с задачей их собирания. Сознание необходимости собрать и сберечь для будущего документы русского освободительного движения и передовой общественной мысли определяет с этого момента всю дальнейшую жизнь Некрасовой. Едва начав это дело, она уже ищет такое учреждение и таких людей, которые оценили бы важность собираемых ею материалов. Таким учреждением стал для нее Московский публичный и Румянцевский музей, а первым человеком, поддержавшим ее, — хранитель отделения рукописей и старопечатных книг в нем, А. Е. Викторов.

Значение А. Е. Викторова как историка русской книги, выдающегося палеографа и археографа, за десятилетия своей работы в музее собравшего и описавшего ценнейшие собрания рукописей, хорошо известно²²⁰. Яснее стала в последнее время его роль в собирании наследия писателей, в частности автографов Пушкина²²¹. Но лишь недавно обнаружилось, что внешне аполитичный и поглощенный далеким прошлым археограф проявлял заметный интерес к документам русского революционного движения. Так, выяснилось, что именно при нем в рукописное отделение поступил Устав Союза благоденствия, и Викторов, замаскировав это поступление в глухой справке для «Отчета» музея, еще в 1871 г. конфиденциально предоставил текст А. Н. Пыпину, дав ему возможность опубликовать его в книге «Общественное движение при Александре I». Роль Викторова в этой публикации была раскрыта только после его смерти, в третьем издании книги Пыпина, вышедшем в 1900 г.²²² С самого начала своей работы над Герценом Некрасова пользовалась поддержкой Викторова. В одной из своих мемуарных записей она рассказала, в частности, как Викторов добывал для нее в библиотеке музея запрещенное издание «Былого и дум»²²³. Естественно поэтому, что первые же оказавшиеся у нее материалы Герцена Некрасова начала передавать к нему в рукописное отделение. Первым даром такого рода была найденная на Сухаревке тетрадь Герцена, занесенная в «Книгу регистрации пожертвований» под датой 4 октября 1882 г.: «От Е. С. Некрасовой. Собственноручные записки А. И. Герцена. Принял А. Викторов»²²⁴. За ними последовали письма Н. А. Герцен к подруге ее юности А. Г. Клиентовой, полученные Некрасовой от адресатки и вскоре поступившие в музей. Они, однако, не были отмечены в инвентарной книге, а в «Отчете» музея отражены лишь десять лет спустя²²⁵. Действительное время их поступления выяснилось из позднейшего письма Некрасовой, где она упоминала «те письма Н. А. Герцен к А. Г. Клиентовой, которые я пожертвовала музею еще при А. Е. Викторове»²²⁶ (Викторов скончался в 1883 г.).

В 1880-е годы Некрасова переходит к планомерным поискам материалов о Герцене и Огареве в среде живых еще их современников, родных и близких. Это время ознаменовалось появлением в печати публикаций, намечавших путь к возвращению в той или иной форме к запретной герценовской теме²²⁷. Не выходя за пределы дэмиграфического периода и не затрагивая острые проблемы конца 1850—1860-х годов, теперь в России можно было уже писать о Герцене и Огареве. Именно так поступала и Некрасова: напечатанные ею в ближайшее десятилетие рукописи и письма Герцена и Огарева, как и статьи о них, освещали лишь события, предшествовавшие отъезду за границу²²⁸. Однако обвинения ее в том, что она и не стремилась к публикации документов периода эмиграции, желала «спрятать правду» о Герцене и Огареве, прикрываясь лицемерными ссылками на цензурные препятствия²²⁹, глубоко несправедливы. Как известно, все попытки издать тогда в России сочинения Герцена наталкивались на железную стену запрета, пробить которую удалось только в 1905 г., когда Некрасовой уже не было в живых²³⁰. Поэтому в ее деятельности изумляет, наоборот, та последовательность и стойкость, с которой она предавалась собиранию документов о Герцене и Огареве и обнародованию всего, что удавалось. А при первой же открывшейся возможности она начала печатать и отдельные этюды, касавшиеся времени эмиграции²³¹.

Начав свои поиски с живых еще лиц из окружения Герцена и Огарева до их отъезда за границу — А. Г. Клиентовой, Боткиных, Коршей, Т. А. Астраковой, она вскоре расширяет их в стремлении получить как можно больше сведений о периоде эмиграции. Возникает, естественно, потребность познакомиться хоть письменно с Н. А. Тучковой-Огаревой и детьми Герцена. Затем в круг ее корреспондентов входит М. К. Рейхель. Если сперва речь шла только об установлении или уточнении тех или иных фактов, о разыскании портретов, затем о возможности отдельных публикаций, то вскоре у Некрасовой формируется идея собрать документацию и, опираясь на нее, написать биографию Герцена. Для этого важнее всего было установить связь с сыном Герцена.

Первое его письмо, сохранившееся в архиве Некрасовой, относится к началу 1889 г., когда она послала ему отклик своей публикации писем Герцена и Огарева к Кельсиеву в «Русской старине». А. А. Герцен уже в разгаре публикации «Из переписки недавних деятелей» был увлечен идеей дальнейшего издания Герцена в России. «Жаль, что не списались со мною до Вашего издания, — отвечал он 14 марта 1889 г., — у меня много писем Кельсиева, и мы могли бы издать полную переписку»²³². Общие мысли быстро сблизили корреспондентов и вскоре А. А. Герцен начинает не только подробно и доверительно отвечать на конкретные запросы Некрасовой о документах и портретах Герцена, но и делиться с ней своими замыслами.

«Мне уже не раз приходило в голову, не позволят ли теперь издать в России некоторые из его неполитических сочинений, изданных им за границей? Напр(имер) отдельные части записок «Былого и дум». Вы следите за перепиской, которую я издаю в «Русской мысли»? — писал он в мае 1890 г.²³³ Через месяц он излагал более конкретную мысль: «Я желал бы начать с переписки между моим отцом и моей матерью от его отъезда в Вятку и до брака во Владимире. Только я должен Вас предупредить, что недавно, вздумав издать ее книгой в России, я попросил одного знакомого узнать, позволят ли (несмотря на то, что в ней, разумеется, нет ничего политического); он справлялся, и ему сказали, что цензура ни за что не пропустит! Признаюсь, что я этому не верю и убежден, что если б издание вышло, то цензура не нашла бы в нем ничего»²³⁴. По просьбе А. А. Герцена Некрасова предложила эту переписку Стасюлевичу²³⁵, но тот не решился на подобный шаг, о чем счел нужным написать непосредственно сыну Герцена. Последний отвечал ему 16 июля 1890 г.; «Благодарю Вас за любезное письмо и глубоко сожалел, что Вы не считаете возможным публиковать в «Вестнике» Е(вропы) переписки моих родителей; я надеялся, что так как в «Русской мысли» пропустили переписку гораздо более опасную, то и эту, совершенно невинную, пропустили бы. Я мог бы Вам показать много интересных и важных вещей, если б Вам было возможно заехать ко мне, и Вы, может быть, могли бы мне помочь издать кое-что за границей и взять у меня кое-что возможное издать в России»²³⁶. Вопрос об этой публикации еще долго дебатировался в переписке А. А. Герцена со Стасюлевичем и Некрасовой. Оптимизм А. А. Герцена возрос в 1892 г. вследствие уверенности Л. Ф. Пантелеева, ведшего с ним переговоры, что удастся добиться разрешения на издание собрания сочинений Герцена в России. Теперь он был убежден, что переписку родителей не только можно будет напечатать «в любом русском журнале», но и выпустить отдельной книгой. «Я теперь кончил копию с этой переписки, — писал он Некрасовой, — они в продолжение 4-х лет писали каждую неделю. Переписка эта, *вся*, нечто невыразимо изящное, в ней нет ни одного слова, которое могло бы не понравиться цензуре»²³⁷. Но и Гольцев, и Стасюлевич наотрез отказались от нее, а к Семевскому А. А. Герцен сам не желал обращаться: «они платят вдвое или даже втрое дешевле»²³⁸. В одном из следующих писем А. А. Герцен приглашал Некрасову к себе в Лозанну²³⁹.

Некрасова же, между тем, продолжала свои поиски в России. Решающую роль в их успехе сыграло знакомство и переписка с Н. А. Тучковой-Огаревой. Впервые Некрасова написала ей в июне 1892 г., надеясь получить портрет Н. А. Герцена, ибо готовила в то время к печати ее письма к Клиентовой. Тучкова-Огарева живо откликнулась на ее письмо, сообщив ей массу сведений об иконографии семьи Герценов (например: «У Т. А. Астраковой был портрет Наташи еще девочкой, но он сторел. В бумагах Герцена остался мой дагерротип, который был снят в день нашего объяснения с Огаревым») ²⁴⁰. С этого времени в многочисленных письмах ее начинают постепенно раскрываться для ее корреспондентки самые разнообразные факты жизни Герцена и Огарева, круг близких к ним людей, судьба их рукописей и писем. Перечисляя в одном из писем лиц, которые знали Герцена (Лугинин, Усов, Обручев, Ге, Вырубов, Левицкий и др., «Л. Н. Толстой знал, но мало»), она писала: «Как быстро отживают, кого хочу назвать, всех уже нет на свете, лишь одна я стою, как памятник былого»²⁴¹. С непослужимой для ее лет энергией Тучкова-Огарева включаетя в поддержку замыслов Некрасовой: сама посылает ей портреты, возобновляет старые связи с целью найти документы и изображения²⁴² и даже заставляет себя написать Н. А. Герцен, переписка с которой давно прервалась: «Поищи в бумагах твоего отца мой дагерротип и вручи его тому или той, кто передаст тебе эту записку»²⁴³. «Не могу не порадоваться, — пишет она Некрасовой 17 января 1893 г., — Вашей конечной задаче — написать его биографию или их биографию»²⁴⁴.

Дневники Некрасовой за 1892—1893 гг. позволяют проследить ее поиски день за днем. «Была у старика Е. Ф. Корша. Хотелось взглянуть на портрет Герцена, — записывает она 16 сентября 1892 г. — (. . .) И хотя его кабинет украшен дорогими людьми прошлого: Грановского, Белинского, Герцена портрет, но он — одна злоба». Описав далее, с каким раздражением отвергал прес-

тарелый Корш идеи и дело друзей своей молодости, она добавляет: «Только раз он вспомнил о них с чувством. «У меня сохраняется,— сказал он,— зеркальце Наташи, она подарила мне. Я каждый день гляжусь в него. Оно — есть, а ее и их нет»²⁴⁵. Еще за несколько лет до этого, в 1889 г., Корш передал в Румянцевский музей свою переписку «с русскими литераторами и учеными»²⁴⁶, но в ее составе не было тогда писем ни Герцена, ни Огарева: он отдал их музею только после того, как они были напечатаны в сборнике «Помощь голодающим» в 1892 г.²⁴⁷ Таким образом, к моменту визита Некрасовой этих писем у него уже не было. Но зато Корш рекомендовал Некрасову своей дочери, М. Е. Корш, унаследовавшей от тетки, М. Ф. Корш, значительную часть ее материалов. «Она живет одна в номере,— записывает Некрасова,— одна, окруженная могилами и портретами и реликвиями прошлого...» За этим следует полное и точное, как в описи, перечисление всего того, что удалось у нее увидеть²⁴⁸. От М. Е. Корш Е. С. Некрасова получила адрес М. К. Рейхель и сведения о том, что могло быть у Астраковой.

Последовал новый тур поисков: выяснилось, что Астракова недавно умерла, завещав свой архив доктору В. В. Антушеву; Некрасова написала ему — он не ответил: тогда она попросила своего знакомого, молодого врача В. И. Семидалова связаться с Антушевым, тот признался, что «не разбирает еще бумаги, они лежат в сарае»²⁴⁹. Затем фиксируется встреча с ним и поразившая Некрасову обнаруженная там «целая выставка портретов и картин» (здесь был ряд фотографий, теперь хорошо известных, некоторые с надписями Герцена — на фотографии Левицкого «1861 в память 40-х годов», на снимке Герцена 1857 г. с Н. А. и Н. П. Огаревыми, на картинке «Les récheurs»; был там и кабинетный портрет Огарева, «рисован тушью»²⁵⁰. Эти записи показывают вместе с тем, насколько неопределенны были еще собирательские идеи Некрасовой. Ее влекли к себе в первую очередь изобразительные материалы и лишь те документы, которые можно было опубликовать. Достаточно сказать, что, встретившись с В. В. Антушевым, она ограничилась знакомством с поразившей ее «выставкой» и ни тогда, ни позже не просмотрела внимательно лежавшие в сарае бумаги. Невнимание к ним Некрасовой почти на сто лет отсрочило введение в науку обширного архива Астраковой, в составе которого были письма Герцена и Огарева²⁵¹.

«Из-за Герценов,— записала Некрасова в дневнике 7 января 1893 г.,— выглянуло на меня два новых лица, две старушки. С одной — Александрой Владимировной Щепкиной — меня познакомил С. С. Корсаков, к другой, Юлии Богдановне Шумахер, меня направила уже А. В. Щепкина»²⁵² Шумахер, по словам Щепкиной, выразила готовность передать Некрасовой «все, что может, о Н(аталии) Ал(ександровне)»²⁵³. С трудом разыскав сестру Н. А. Герцен, Е. А. Солину, Некрасова получила у нее некоторые фотографии из семейного альбома²⁵⁴. «Со слов В. О. Ключевского,— пишет она,— у Кетчера был хороший портрет А. И. Герцена». Через И. И. Иванюкова ей удается узнать у К. Т. Солдатенкова, куда могли деваться бумаги Кетчера; выясняется — у А. В. Станкевича.

Оживленная переписка продолжалась и с Н. А. Тучковой-Огаревой, послывавшей ей все новые материалы («Присланный мною портрет Н(аташи) был сделан в 48 году для меня неизвестным художником-итальянцем»²⁵⁵; «Я нашла неизданное стихотворение (Огарева), которое посылаю Вам на память в оригинале. Не знаю, кому оно написано, может, Грановскому»²⁵⁶). А. А. Герцен охотно сообщал ей об имеющихся у него портретах («Портретов моей матери вовсе нет, кроме одного, давнишнего и очень плохого; а моего отца у меня несколько; самый лучший, все-таки, фотография, снятая в 1862 г. С. Л. Левицким в Париже»; «Портрет отца, сделанный Витбергом, здесь у меня — один, а другой не знаю, где. Ах, если б можно было найти у кого-нибудь портрет матери того же времени или приблизительно! Неужели ни у кого нет? У меня всего дурной *dagerrrotip* 50-го года, да *очень плохой* портрет (масл'яными) краск(ами) 46-го»; «Я мало помалу собираю для Вас все, что мы имеем, и все вместе пришло с хорошей оказией»²⁵⁷).

Но постепенно круг обсуждаемых проблем расширяется, и тем же летом 1892 г., явно отвечая уже на какие-то вопросы о семейной драме, А. А. Герцен писал: «Что же касается глубоко трагических событий 49—51 годов, то об них-то именно я и желаю переговорить с Вами, а покамест, ради бога, ни слова, ни намека!»²⁵⁸. Тогда же Некрасова, по поручению А. А. Герцена, попыталась убедить Гольцева поскорее завершить печатание переписки «недавних деятелей» (Герцен писал ей: «Лишь бы он поскорее кончил печатание переписки, находящейся у него, я за нее удовлетворюсь 100 р. с листа вместо 150»²⁵⁹) и читала даже корректуру последних писем, появившихся в № 8 за 1892 год. Отвечая на какой-то связанный с этим вопрос, А. А. Герцен писал ей 22 июля: «Сокращайте все, что Вам кажется лишним; я имею к Вам полное доверие». В этом же письме есть не вполне понятные слова: «На Ваши 4 вопроса отвечаю 3-мя словами: ничего не сохранилось (по крайней мере, я не имею у себя *ничего*, кроме писем»²⁶⁰. Не зная писем Некра-

совой, можно предполагать лишь, что вопросы ее касались чего-то, противопоставляемого письмам, т. е., вероятно, рукописей произведений. Ответ этот, впрочем, мог и не соответствовать действительности: А. А. Герцен, а потом и его сестра, по разным соображениям, не всегда признавали наличие у них тех или иных материалов.

В замыслах Некрасовой все отчетливее становилась в это время мысль о создании в Румянцевском музее особой коллекции материалов о Герцене и Огареве. В своем дневнике — «Путевых заметках» во время поездки 1893 г. в Швейцарию — Некрасова записала, что она рассказывала Н. А. Герцен: «Как много мне прислала Н. А. Огарева портретов, как она живо отозвалась на мое предложение устроить какую-нибудь коллекцию в Московском Румянцевском музее в память А. И. Вам ведь гов(орил) брат, что я хочу сделать коллекцию и что я просила Вас и его помочь мне?» Выяснилось, что «они с братом уже думали об этом — хотели нечто подобное устроить в Bibliothèque Nationale в Paris, думая, что в России не дозволят»²⁶¹. Некрасова была убеждена, что это возможно. Живя в Нионе, она дважды, 26 июня и 17 июля 1893 г., ездила к Герценам в Лозанну. В ее дневнике фиксировались почти дословно беседы с ними и еще тщательнее — сведения о рукописях и избразительных материалах, которые ей удалось там увидеть²⁶². Беседа Некрасовой с А. А. Герценом коснулась вопросов издания Герцена в России и, в частности, «V тома» «Былого и дум». «Оказалось, — писала она в дневнике, — что из детей А(лександра) А(лександровича) никто не знает о романе Н(атальи) А(лександровны) с Гервегом»²⁶³. В переписке Некрасовой с Н. А. Тучковой-Огаревой проблема публикации «V тома» обсуждалась неоднократно — и до поездки Некрасовой в Швейцарию, и после нее. Наталья Алексеевна осуждала детей Герцена за их позицию в этом вопросе: «Не может быть других данных для биографии Наташи, как V том З(аписок) Г(ерцена), а они не хотят его печатать, мечтательное чувство воспрещает. Их взгляды совсем иные, чем взгляды самой Н(аташи) и Герцена»²⁶⁴. В другой раз: «В своей записке о Наташе я пропустила очень важную вещь: умирая, она просила Гер(цена), чтоб дети ее все знали — если скрыть историю с Гервегом, то они не будут знать ее всю, не будут знать ее раскаяния — а дети стыдятся этой истории, вообще они попали в буржуазный мир и тем охладили к себе многих друзей Герцена»²⁶⁵.

Оказавшись в гостях у А. А. Герцена, Некрасова не знала, позволят ли ей прочесть рассказ о семейной драме. Но тот сам ей это предложил, сказав: «...мне хочется, чтобы Вы прочли рукопись отца — 5-ую ч(асть) В(ылого) и Д(ум). Но я ее ни в Нион, да не только что в Нион, а из комнаты не вынесу — это святыня, драгоценность. Печатать же ее, я думаю, рано, преждевременно. А там, когда умру, мы умрем, Вы издадите»²⁶⁶. Прочтя рукопись, Некрасова пыталась убедить его издать ее, но безуспешно. Из ее записей выясняется, что мнения в семье не были едины: «Я того мнения, — сказал А. А. Герцен, — что можно все напечатать, но Тата не хочет». «Ты сам отказываешься, — возражала ему Н. А. Герцен, — когда представишь последствия»²⁶⁷. Суждения по этому поводу А. А. Герцена, пока он еще не отступил окончательно перед протестом сестры, ясно выражены в его последующих письмах к Некрасовой. Пеня на В. Гольцева, растянувшего на много лет печатание переписки, он писал 4 декабря 1893 г.: «Я намеревался дать «Русской мысли» недолго после окончания «переписки» и последнюю рукопись моего отца, ту главу из В(ылого) и Д(ум), которая никогда не была напечатана. Но с этой прелестной вещью я, конечно, обращусь к другому журналу, который сдержит свои обещания...»²⁶⁸. Позднее, в одном из писем 1896 г., он подробно аргументировал свой взгляд: «Уж коли человек заслужил, чтоб люди занимались его жизнью и письмами, так давайте всего, такого, какой он есть; цель не та, чтоб они *обожали* фиктивного Г(ерцена), а чтобы *знали* настоящего, его психологию, его достоинства и недостатки; а то ведь это будет не *он*, а фигура из романа. Я не могу никому помешать заговорить о деле с Герв(егом), о котором, впрочем, было уже много говорено — тогда, поэтому я всегда был за напечатание и той тетради, кот(орую) Вы знаете»²⁶⁹.

Во время второго посещения Герценов Некрасова увидела «все дагерротипы того времени, когда А. А. был мальчиком, его 14-летний портрет, сделанный для Гарибальди», рисунки его матери (профиль Герцена карандашом и «головка en face Н. А.» с ее надписью «для Саши 1851 года»), портрет Герцена работы Таты. Тереза Герцен подарила ей маленькую фотографию Герцена. Но главное, она получила у А. А. Герцена для публикации в России копии писем Герцена к невесте и подлинники писем к жене 1839—1840 гг. — первые подлинники, увозившиеся в Россию, а также письма его Огареву от 21, 25.III и 7, 27.IV 1839 г. (XXII, 19—21).

В квартире Н. А. Герцен в Париже Некрасова увидела как бы созданный уже уголок музея Герцена, где мемориальные вещи (стаканчик с надписью «Шушка», другой стакан с выцарапанной на стекле в Крутицах дарственной надписью Герцена Наталье Александровне «MDCXX —

XXXIV 24 juillet», образок, которым отец благословил Герцена перед арестом, перстень, подаренный Герцену в Вятке в 1837 г., эмалевое колечко с надписью: «1841 Новгород А. Г.», браслет с надписью «Lise 1843, 1844, 1845», медаль к десятилетию Вольной русской печати) были размещены среди портретов (Н. А. Герцен, Л. И. Гааг, дагерротип Н. А. Тучковой-Огаревой) и многочисленных рисунков Натальи Александровны — матери ²⁷⁰. Альбомы фотографий сразу представляли Некрасовой все то, что она с таким трудом собирала по крупицам. «Альбом, подаренный А(лександром) Ив(анови)чем Огареву, — записывала она с восхищением в «Путевых заметках», — который начинается надписью, сделанной рукой А. И.: «Больше друзей не позволено иметь в 48 лет». В этом альбоме все друзья: и Бакунин, и Огарев, и Боткин, и Нат(алья) Алексеевна». Другой альбом, куда Н. А. Герцен наклеила все бывшие у нее портреты, рисованные Горбуновым, а также и литографии. Тут, между прочим, портреты и Кетчера, и Тучкова — отца Огаревой, и Петра Алек(сандровича) Захарьина, и Белинского, и Льва Толстого, и Пушкина-ребенка, и Матвея — лакея А. И. Герцена). < . . . > Тут портрет Грановского, его жены, жены Кетчера. Н. А. Герцен уверила Некрасову, что она «все эти реликвии впоследствии предназначает в музей» ²⁷¹, но, к сожалению, потом это обещание не выполнила.

Перед отъездом в Россию Некрасова попыталась получить у П. Виардо письма Герцена к Тургеневу. Сама Виардо ее не приняла, а беседовавшая с ней «седая женщина», прочтя привезенное Некрасовой письмо Румянцевского музея, сказала, что письма уничтожены: «Как же вы хотите, чтобы их хранили — прошло десять лет...»

«— Но г-жа Виардо давала эти письма Анненкову.

— Да, я знала Павла Анненкова, мы давали ему письма, но теперь у нас ничего нет. Разве возможно хранить все эти бумаги...» Она прибавила потом, что несколько оставшихся писем передала Н. А. Герцен ²⁷². Любопытно, что Н. А. Герцен, выслушав рассказ Некрасовой об этом визите, действитель Виардо не осудила. «Я действительно была у нее, — сказала Тата, — записывала Некрасова в дневнике, — и хоть Мещерский и мой брат не верят ей, а я верю. Она поступила как следует. Тургенев, умирая, сказал ей, чтоб она все его бумаги вручила Анненкову и сделала бы с ними так, как он скажет. Виардо так и сделала. Отдала все бумаги Анненкову, он вернул ей разобранными в отдельных папках, с надписями: от женщины, от издателей и т. д., и письма отца посоветовал сжечь — она так и сделала» ²⁷³. В действительности письма Герцена вовсе не были сожжены, но местонахождение их еще долго не было известно. Они находились у А. Н. Пыпина, наследники которого многие годы не допускали к ним исследователей. Впервые они были напечатаны только в 1913 г. ²⁷⁴

Вернувшись в Россию, Некрасова начинает публиковать полученные в Лозанне материалы — сперва в «Русской мысли», впоследствии в «Новом слове» ²⁷⁵. Отношения А. А. Герцена с ней и с журналами были при этом те же, что прежде с Драгомановым: он выступал как владелец писем, она готовила тексты к печати, получая часть гонорара. Н. А. Тучкова-Огарева радостно откликалась на публикацию переписки Герцена с женой. 19 февраля 1894 г. она писала Некрасовой: «Тысячу раз благодарю за переписку, жду с нетерпением продолжения» и прибавляла, что оставит своей воспитаннице Оле письмо, в котором скажет, «что если когда-нибудь она полюбит человека, пусть прочтет переписку, эту современную поэму, до которой люди вообще не достигают. Это бы должна быть настоящая книга для молодежи, для очищения ее перед вступлением в новую жизнь». По понятной ассоциации она спрашивала в том же письме: «Кстати, чего же ждет Саша Герцен? чтоб печатать V том Б(ылого) и Д(ум)? Неужели все рано? Ее не стало в 52 году, Гер(цена) в 70-м, а теперь 94 — чего же ждать?» ²⁷⁶

Но в основном Некрасова сосредоточивает теперь свои усилия на создании, как она говорила, «памятника Герцену» в Румянцевском музее. Теперь такое хранилище как рукописное отделение, предназначенное для узкого круга ученых, ее уже не удовлетворяло: она стремилась к пропаганде жизни и деятельности Герцена и Огарева, к новому открытию их широкой публике. В течение 1895 г. она окончательно приходит к мысли о создании в Румянцевском музее особой комнаты, где материалы о Герцене и Огареве не только собирались бы, хранились и изучались, но были бы доступны для осмотра посетителями. Все, что она теперь собирает, она уже не отдает в рукописное отделение, а до поры держит дома. Почетное место в ее собрании занимают немногие письма, полученные ею в подлинниках из Швейцарии. Кроме привезенных ею самой, она с оказией получила от А. А. Герцена еще «пакет старых писем» и описание смерти Н. А. Герцен из везданной части «Былого и дум», в копии, сделанной некогда Н. А. Тучковой-Огаревой ²⁷⁷. «Старые письма», насколько можно судить по контексту письма А. А. Герцена, включали в себя и часть писем Огарева к его первой жене.

Письма к Некрасовой от Н. А. Тучковой-Огаревой позволяют понять степень участия последней и в собирании материалов, и в планах на будущее. Она посылает ей то «карточку Наташи с маленькой Ольгой на руках и еще карточку Герцена (. . .) А. И. был такой в 1856 г.», то «10 карточек — а Сатина и Кетчера особо»²⁷⁸, то «карточку Огарева»²⁷⁹, то сообщает: «У меня только остались миньятюрные портреты отца, матери и дедушки Огарева — их я могу оставить музею по завещанию. Портреты Огарева доморощенным художником есть у меня три (. . .), есть и его первой жены, если хотите»²⁸⁰. Немало в ее письмах и советов: «Портрет Огарева в юности у Марии Андреевны Гурко, а копия с него вероятно, у Саши Герцена, разве вы не видели в Лозанне?»²⁸¹, «... не будет ли случая в Англию, т. е. в Лондон. Там был бюст Герцена, очень похожий, у Трюбнера (. . .), потом портрет Герцена масляными красками, сделанный г-жой О'Конель, надо бы поручить отыскать эти две вещи, и надо их купить для музея»²⁸². О рукописях речи еще нет.

В это же время А. А. Герцен советовал Некрасовой позаботиться о том, что станет с архивом Тучковой-Огаревой. Откликаясь на появившуюся в начале 1896 г. статью К. И. Арабажина «А. И. Герцен», он писал ей: «Я с удивлением прочел биографию моего отца в «Русской старине»: все-таки начало». Отозвавшись тут же пренебрежительно о напечатанных в «Северном вестнике» воспоминаниях Тучковой-Огаревой, он заключал: «Кстати, Мещерский рассказывал мне, что она Вам говорила, что она одна виновата во всех действиях и страданиях наших и отца нашего. Правда ли это? Если б я мог наверное узнать, что она на старости лет понимает и раскаивается, я бы ей от души протянул руку — и это, может быть, было бы для нее последним утешением... А Вам, любезная Екатерина Степановна, следовало бы позаботиться и похлопотать о том, чтоб она оставила свои письма, бумаги, воспоминания и т. д. Вам, а не бог знает кому (особенно Сатиним!)»²⁸³.

Планы Некрасовой становились все определеннее (уже в 1895 г. читаем в одном из писем Тучковой-Огаревой: «Вы говорили, что Лугинин был у Вас за моим адресом, а неужели он с Вами не говорил о Вашем плане относительно устройства комнаты в память Г(ерцена) в Румянцевском музее?»²⁸⁴), но ни в делах музея, ни в переписке Некрасовой с его сотрудниками в 1895 г. об этом нет еще ни слова. В 1896 г. во главе музея стал новый директор. М. А. Веневитинов занял этот пост на склоне лет, завершая им свою долгую бюрократическую карьеру. В его жизненном пути (служба при воронежском губернаторе, затем в течение пятнадцати лет — разные посты во II отделении с. е. и. в. канцелярии, в их числе — заведующего архивом, в 1878 г. — член совещания для рассмотрения проекта Органического устава Великого княжества Болгарского, с 1888 г. воронежский губернский предводитель дворянства) ничто, на первый взгляд, не может объяснить, почему именно он поддержал планы Некрасовой. Но личность Веневитинова не исчерпывалась послужным списком. Принадлежа к высокоодаренной семье Веневитиновых и Вьельгорских и, тем самым, к вершинам дворянской интеллигенции, он никогда не ограничивался своей служебной деятельностью. Он занимался русским прикладным искусством и фольклором, внес значительный вклад в изучение литературных памятников Древней Руси²⁸⁵, был членом Археологической комиссии и принимал участие в трудах Н. В. Калачева по устройству архивов. Пост директора Румянцевского музея наиболее соответствовал его интересам и кругозору — он же в качестве директора открывал для музея большие возможности благодаря своему имени и связям. Короткое директорство Веневитинова (1896—1900) составило, как справедливо сказано было в некрологе, «блестящую страницу в истории учреждения»²⁸⁶. Огромное значение для музея имела установившаяся при нем атмосфера, которой способствовал его взгляд «на ученое учреждение как на ученое общество»²⁸⁷. Она сохранялась потом еще долго: об этом можно судить, в частности, по словам в письме к Некрасовой следующего директора, И. В. Цветаева. «Что Вам за охота тратить время, чернила, энергию, — писал он ей 17 декабря 1904 г., — на выписывание моих титулов? Неужели Вы думаете, что этот чиновный фамиим уже больно мне приятен? (. . .) Я — человек профессорского звания, которому эти титулы, ленты, позументы даются по табели о рангах, но и только (. . .), я не говорю уже о том, что Вы — часть коллегии Румянцевского музея, которая живет попросту, никаких канцелярских титулов в обиходе не употребляя»²⁸⁸.

Но совсем уже неожиданным для крупного сановника был особый интерес Веневитинова к истории освободительного движения первой половины века, его занятия декабристами и даже Герценом²⁸⁹. Нетрудно понять теперь, что замысел Некрасовой мог вызвать у Веневитинова живое сочувствие. Надо, наконец, и оценить должным образом сам этот замысел. Создание в дореволюционном Румянцевском музее «Комнаты людей 40-х годов» — факт давно известный. Но

Е. С. НЕКРАСОВА

Фотография, 1890-е гг.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

только сейчас становится вполне ясным его значение. Прозрачная маскировка подлинного смысла этой музейной «комнаты» термином «люди 40-х годов» (и тогда всем понятным — в 1913 г. Н. А. Герцен писала Г. Н. Вырубову: «Вы, может быть, не знаете, что так называемая «комната людей 40-х годов» в Московском Румянцевском музее была основана Е. С. Некрасовой; это собственно и есть «комната Герцена», но ее не называли так по чисто цензурным соображениям»²⁹⁰) слишком долго затуманивала в глазах иных исследователей то, что в действительности было задумано и осуществлено Некрасовой и музеем²⁹¹. В общедоступном публичном музее было создано особое отделение, пропагандирующее не что иное как русское освободительное движение, — отделение это было так же открыто для всех желающих, как картинная галерея, этнографические экспонаты или «христианские древности». Только в неустойчивой и неопределенной атмосфере конца века и благодаря решимости и такту Вeneвитинова идея эта могла воплотиться в жизнь, открыв собою одну из блистательных страниц прошлого Румянцевского музея. Но как ни значителен этот факт для истории музейного дела в России, еще важнее его место в истории архива Герцена и Огарева — в России появилось специально для него предназначенное хранилище.

Реализация этого плана потребовала чрезвычайно осторожных и продуманных действий. Вeneвитинов не стал просить согласия на устройство «комнаты» у Министерства народного просвещения, которому подчинялся музей. Воспользовавшись тем, что открытие новых зал и экспозиций составляло компетенцию музея, он провел это решение через Совет музея среди прочих маловажных дел: «Освободить одну небольшую комнату в отделении древностей и предоставить ее для помещения в ней воспоминаний о представителях сороковых годов»²⁹². В мае 1897 г. в письме на имя директора музея Некрасова сформулировала условия, на которых она передавала музею собранные ею коллекции: «1) Чтобы все вещи помещались в отдельной комнате; 2) никогда бы не выносились из музея; 3) были бы открыты для осмотра публики»²⁹³. 20 мая Вeneвитинов письменно подтвердил свое согласие на эти условия²⁹⁴, и тем самым публичное назначение «комнаты» было официально утверждено. В первой партии переданных Некрасовой материалов находились портреты: Герцена, его отца, жены и детей, Огарева, Сатина, Кетчера, Грановского, полученные от Тучковой-Огаревой, Е. А. Сединой, Н. Н. Сатиной, Белинского, Боткина. Еще одна группа материалов поступает от Некрасовой осенью 1897 г., но никаких сведений обо всем этом, как и о самом существовании в музее «Комнаты людей 40-х годов», в «Отчете» музея за этот год нет. Трудно сказать поэтому, была ли тогда передана какая-то часть рукописей, накопившихся к этому времени у Некрасовой. В одной из ее записных книжек, не датированной, но несомненно относящейся ко второй половине 1890-х годов, есть их перечень, озаглавленный «Список находящихся у меня рукописей». В него входят и материалы из архива Герцена и Огарева, и воспоминания Н. А. Огаревой, и присланная последней переписка с ней Т. А. Астраковой, Т. П. Пассек и М. К. Рейхель, и письма к самой Некрасовой от Герценов и Тучковой-Огаревой. В составе первой из этих групп уже тогда находились: отрывки из дневника Герцена, отдельные письма его к Огареву, как публиковавшиеся в «Русской мысли», так и не напечатанные там, переписка его с Натальей Александровной, письмо к А. Ф. Орлову с отказом вернуться в Россию, письма его и жены к Грановским, переписка Герцена с Некрасовым, списки разных стихотворений его рукой, список «Фантазии» рукою Тучковой-Огаревой и писем Герцена рукою его сына. Помимо этого, здесь была часть архива Натальи Александровны: ее дневник, письма к Клиентовой, Огареву и Марии Львовне, письма к ней от Э. М. Аксберг, Астраковых, А. А. Боборыкиной, А. Выриной, П. А. Захарына, Клиентовой, П. П. Медведевой, записка от сына Коли. Из ма-

териалов Огарева у нее были какие-то стихотворения, письма его к первой жене и Сати-ну ²⁹⁵.

Вскоре Некрасова известила детей Герцена об открытии «комнаты», рассчитывая на новые и значительные пополнения ²⁹⁶. Откликнулась только Н. А. Герцен. Она писала 9 октября 1897 г.: «Какое счастье, что Вам удалось получить комнату, о которой вы мне сообщаете. Конечно, мы сделаем все возможное, чтоб содействовать пополнению того, что ее украшает» ²⁹⁷. Реальных результатов, однако не последовало, и Некрасова снова начала свои разыскания в России: у А. П. Боткиной она пыталась найти письма Герцена и Огарева к В. П. Боткину, у В. И. Курту — фотографии его родителей ²⁹⁸; всё новые материалы она получала от Тучковой-Огаревой. Следует, однако, отметить, что ни с рукописями, ни с письмами, хранившимися у нее, последняя до самой смерти Некрасовой так и не решилась расстаться. Сохранившийся в архиве музея список всего полученного Некрасовой от Тучковой-Огаревой (он был составлен Некрасовой 6 января 1903 г. — по-видимому для «Отчета» музея) отражает только изобразительные материалы ²⁹⁹.

Впервые все поступившие от Некрасовой материалы были, хотя и крайне суммарно, отражены в отчете музея за 1899 г. ³⁰⁰, и с этого времени отражались ежегодно ³⁰¹.

Но главный источник получения рукописей и писем — заграничный архив — все еще не был использован. Не оставляя мысли об издании в России собрания сочинений отца, А. А. Герцен не считал возможным передать в «комнату» что-либо из хранившихся у него рукописей и писем. Из Швейцарии были присланы лишь книги ³⁰² и фотографии некоторых хранившихся в семье портретов ³⁰³. Как известно, первым попытался получить разрешение на издание сочинений Герцена в России Л. Ф. Пантелеев в 1893 г. Посланное по его предложению А. А. Герценом ходатайство на первых порах было встречено благосклонно: в пользу издания, хотя и с некоторыми ограничениями, высказался цензор С. И. Коссович, а начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов предложил даже включить в издание кое-что из «Былого и дум» ³⁰⁴. Но невзирая на согласие с докладом Коссовича Петербургского цензурного комитета и отсутствие возражений со стороны Главного управления по делам печати, дело дальше не двинулось. На издание требовалось согласие императора, а министр внутренних дел И. Н. Дурново не пожелал «утруждать государя таким делом» ³⁰⁵.

В 1894 г. А. А. Герцен уступил право издания сочинений отца в России Ф. Ф. Павленкову. Он писал об этом Некрасовой: «То, что Павленков Вам сказал, чистая правда. Пантел(еев) не сумел ничего добиться; Пав(ленков) предложил довольно круглую сумму, и я принял (< . . . >). Пав(ленкову) я уступил все, кроме писем» ³⁰⁶. Дальнейшая история известна: Павленков столкнулся с тем же сопротивлением властей, что и его предшественник, разрешение было получено только в 1900 г. после еще одного прошения А. А. Герцена, а осуществлялось издание уже после смерти Павленкова его душеприказчиками — главным образом В. И. Яковенко.

Так обстояло дело, когда летом 1901 г. Некрасова снова отправилась в Швейцарию. Переговоры ее с А. А. Герценом, подробно описанные в ее дневнике, протекали сначала не очень благоприятно. Выяснилось, во-первых, что накануне приезда Некрасовой А. А. Герцена посетил не знакомый ему прежде С. А. Переселенков, собиравшийся писать биографию Огарева. «По словам А. А., — пишет Некрасова, — г. П(ереселенков) — настоящий воробей, moi beau, как называют французы. Он бедный человек, содержит на свой заработок мать и сестру (< . . . >). А(лександру) А(лександровичу) его жаль стало, он вручил ему весь материал и дал позволение его посмотреть, а через 3 недели вернуть его назад. При этом А. А. прибавил, что большого значения этот материал не имеет, но что после его просмотра он будет не прочь мне его отдать, если я берусь его провезти через границу в Румянцевский музей» ³⁰⁷. Но в то же время на прямой вопрос Некрасовой, не подарит ли он что-нибудь для «Комнаты людей 40-х годов», А. А. Герцен «твердил все свое: «После моей смерти все получите вы»» ³⁰⁸.

В конце концов настойчивость Некрасовой оказала все же свое действие: А. А. Герцен решил начать отправлять в Россию материалы Огарева и некоторые рукописи отца. Это был большой успех. Во время этой же поездки Некрасова лично познакомилась с М. К. Рейхель, начавшей после этого передавать в «комнату» свои реликвии ³⁰⁹. Откликаясь на письма от Некрасовой из-за границы, Н. А. Тучкова-Огарева писала ей туда 19 июля 1901 г.: «Для Вашей комнаты я хочу Вам дать портреты Огарева и его первой жены молодыми, портрет писан крепостным художником. Еще, кажется, есть у Саши Герцена портрет Огарева отроком, очень хорош», и там же прибавляла: «Вас удивляет, что Марья Каспар(овна) так тепло отнеслась к Вашей коллекции, но и я, и она, мы люди николаевского времени, мы, может быть, глубже чувствуем, по-

тому что обучены молчанию... Кланяйтесь ей, скажите ей, что я и ныне играю марш Sinotti «A Roma la polvega indegna», под звуки которого мы шествовали впереди колонны республиканцев по духовно оживленному и взволнованному Риму; пожалуй, и теперь бы пошла: на людях и смерть красна — но теперь знаю, что из всего этого ничего не вышло»³¹⁰.

Ища пути доставки полученных рукописей в Россию, Некрасова обратилась к своему знакомому, попечителю московского учебного округа П. А. Некрасову, посоветовавшему выслать их прямо на адрес музея, «который, конечно, имеет право бесцензурной выписки заграничных изданий и рукописей»³¹¹. В сентябре 1901 г. 32 пакета из Лугано благополучно прибывают в Москву, но вскрываются таможей без представителя музея. В результате был утрачен конверт с подаренными Рейхель фотографиями М. Ф. Корш и К. Д. Кавелина³¹².

Всю зиму 1901—1902 г. Некрасова разбирает полученные материалы, и только в мае 1902 г. они фактически поступают в «Комнату людей 40-х годов»³¹³.

В это время в переписке Некрасовой с Герценами неожиданно всплывает вновь вопрос о неизданной части «Былого и дум». Не оставлявшая их мысль, будто Тучкова-Огарева может издать текст по копии, почему-то именно в этот момент заставила их снова поднять тревогу. Оба они порознь обращаются к Некрасовой. Н. А. Герцен писала ей из Парижа 5 марта 1902 г.: «Как поживает Наталья Алексеевна? Куда она *дела копию* тома моего отца, которая у нее была и о которой мы вам говорили?»³¹⁴, А. А. Герцен 22 февраля: «Моя сестра еще не вернулась из Парижа. Она собиралась просить Вас выпросить у Нат(альи) Алекс(еевны) копию неизданной тетради «Былого и Дум», чтоб положить ее *запечатанную* в Вашу комнату»³¹⁵. Некрасова уже знала, что у Натальи Алексеевны такой копии нет, но все же написала ей об этих просьбах. Тучкова-Огарева отвечала ей: «Да, у меня нет копии с 5 тома — Саша обещал сделать и прислать и не дал (. . .), а между тем он знал, что Герц(ен) заставлял именно меня говорить с Татой и читать с ней 5 том; то же он желал сделать и относительно Ольги, но трудно было, так как она стала вовсе не русская и не могла ничего понять по-русски»³¹⁶.

Последняя партия материалов заграничного архива, присланная А. А. Герценом в музей через Некрасову, прибыла к ней в 1902 г. и оставалась у нее до мая 1903 г. В ней были рукописи и переписка Герцена. Состав и история этих двух поступлений не совсем точно описаны Н. С. Роговой, что заставляет охарактеризовать их несколько подробнее. Имеющиеся в тетрадях Некрасовой списки не всегда можно точно идентифицировать с современным описанием рукописей, сделанным после научной обработки архива, но значительная часть записей такой идентификации поддается. Обе группы материалов описаны Некрасовой в одной тетради под двумя заголовками. Первый из них гласит: «Рукописи Н. П. Огарева, пожертвованные А. А. Герценом вместе с рукописями его отца и привезенные мною из Швейцарии в Россию в 1901 году»³¹⁷. Здесь перечислены отдельные стихотворения Огарева³¹⁸; стихотворения, «относящиеся ко времени первой женитьбы» (13 л.), стихотворения «несколько желчного характера, последних годов» (17 л.); записные книжки и тетради Огарева³¹⁹ и множество комплектов листов, вырванных А. А. Герценом из тетрадей Огарева³²⁰, повесть «Саша» (список рукою Тучковой-Огаревой), «История одной проститутки», аттестат Огарева с пометой о его женитьбе на Н. А. Тучковой. Второй список — рукописей Герцена, «пожертвованных А. А. Герценом в 1902 г.». Среди них — рукописи глав «Былого и дум»³²¹, другие статьи и отрывки³²², значительное число писем Герцена и к нему — в основном уже опубликованных к этому времени в «Вольном слове» и «Русской мысли»³²³. Все это постепенно передавалось Некрасовой в «комнату» и, по ее свидетельству, полностью оказалось там до мая 1903 г.³²⁴

Письмо директора музея И. В. Цветаева А. А. Герцену уже совсем не маскирует содержание дара адресата. Он выражал признательность за ценные пожертвования музею, «в котором теперь мало-помалу сосредоточивается обширный материал для истории деятельности А. И. Герцена»³²⁵. Некоторая таинственность, которой музей вынужден был сперва окружать «Комнату людей 40-х годов», постепенно теряла свое значение. Она была широко известна, в ней занимались историки революционного движения и общественной мысли, она была открыта для посетителей музея число которых в эти годы особенно заметно росло.

Крупное пополнение коллекций «комнаты» поступает от Некрасовой в последний раз в мае 1904 г.³²⁶. Это были большей частью материалы, полученные от Тучковой-Огаревой и от М. К. Рейхель, особенно активной в эти годы. Почти каждое ее письмо сопровождается какой-нибудь экспонат: «Портрет Егора Ивановича Герцена» прилагаю Вам» (29.I.1902), «Посылаю Вам портрет Павла Александровича Бакунина» (20/7.II.1902), «Я нашла маленькую приписку Нат(альи) Ал(ександровны) ко мне в Париже в начале моего замужества и строчки две самого

Герцена (< . . .) Если Вы желаете, я могу прислать Вам этот листочек, после меня он все равно потеряется» (2.IV.1903), «...у меня есть маска и рука Натальи Александровны гипсовые, если Вы желаете, я могу прислать Вам» (10/28.II.1903), «Прилагаю еще один портрет нашего незабвенного А. И., с которым мне очень трудно расстаться, я его очень люблю и он очень похож» (23/10.V.1903)³²⁷.

Н. А. Тучкова-Огарева в декабре 1904 г. высылает Некрасовой свою «Исповедь»³²⁸. Продолжались в ее письмах и советы о поисках: «Я думаю, карточки Энгельсонов должны быть у Н(атальи) Ал(ександровны) Гер(цен) или у ее брата» (4.II.1902), «Очень бы желательно достать портрет Огарева отроком. Герцен ужасно любил этот портрет — он находился у М-ше Salias — где он может быть теперь? Или у сына Сальяса или у М. Гурко» (4.I.1902), «Вы знаете, у меня есть статья Герцена «После грозы», писанная Мар(ией) Касп(аровной), с поправками Герцена 48 года; примет ли ее Румянцевский музей, она для него ничего не представляет. Он мне ее подарил в 48 году и сам мне ее прочел» (13.I.1903)³²⁹.

В эти годы в пополнение коллекций «Комнаты людей 40-х годов» постепенно включается довольно широкий круг московской интеллигенции: среди лиц, от которых туда поступали в начале 1890-х годов портреты, скульптуры, книги, — врачи (В. И. Семидалов, А. И. Скребицкий, П. П. Стрельцов), юристы (М. Б. Ганнушкин, Д. Н. Доброхотов), издатели (С. А. Сирмунт), члены семей Готье, Маклаковых, Миримановых и др. Оставалась Некрасова и центром собирания сведений о материалах, относящихся к Герцену и Огареву. Так, в 1901 г. она записала со слов П. П. Стрельцова: «Имение гр. Шереметева, предводителя дворянства Звенигородского уезда Московской губ. Там есть «комната Герцена», где стоит Герцена мебель, есть его рукописи. Туда ездил П. П. и все это видел»³³⁰.

Тетради, в которых в 1902—1904 гг. Некрасова вела записи о пополнениях «комнаты», дают полную историю каждого документа или портрета и являются незаменимым пособием для их изучения. Но не все источники новых материалов были уже исчерпаны. Снова пытается она найти материалы, оставшиеся после умершего к этому времени Е. Ф. Корша. Переселенков, близко знакомый с М. Е. Корш, обратился к ней по просьбе Некрасовой, но «у ней, — как он сообщал 6 июня 1902 г., — как оказывается, ничего от отца не осталось, за исключением двух записочек Герцена — чисто интимного характера»³³¹. Судьба этих записочек из дальнейшей переписки не выясняется, но можно предположить, что это два письма к М. Ф. Корш, принадлежавшие к той небольшой группе писем Герцена, которая еще очень долго оставалась в семье Коршей и только в 1968 г. поступила в Отдел рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина от последнего носившего это имя потомка, Е. Ф. Корша³³². Некрасова обратилась к брату М. Е. Корш, Федору Евгеньевичу. Тот отвечал ей: «Вещи, оставшиеся после моего покойного отца, перешли, правда, ко мне, и есть между ними портрет Герцена с его собственноручной надписью, но ни зеркальца, подаренного моему отцу Натальей Александровной, ни писем от кого-либо из людей 40-х годов я не видал (< . . .). Я слышала, что мой отец задолго до своей смерти сжег много писем, разных бумаг и свои собственные записки. Те памятки сороковых годов, которые у меня найдутся, хотя бы самые ничтожные, будут сбережены для Комнаты людей сороковых годов»³³³. Подобные же заверения она получила от А. В. Станкевича³³⁴, но ни тот, ни другой своих обещаний не выполнили.

В начале 1905 г. Е. С. Некрасова скончалась. По ее завещанию музей получил не только все оставшиеся еще у нее материалы Герцена и Огарева и ее собственный архив, но и сумму 1000 рублей «на пополнение собраний Комнаты людей 40-х годов». Кроме того, друзья покойной собрали 165 рублей на оборудование «комнаты»³³⁵.

Изменившаяся в период революции 1905—1907 гг. общественная обстановка позволила именам деятелей русского революционного движения на какое-то время открыто появиться на страницах печати. Успел использовать это и Румянцевский музей — в 1907 г. отдельной брошюрой, в качестве приложения к «Отчету» музея, была издана «Инвентарная опись коллекциям, находящимся в комнате людей 40-х годов», первое в России печатное описание документального наследия и иконографии революционных демократов и декабристов. Но в последовавшие затем годы реакции публичность «комнаты» все суживалась, и она постепенно превратилась просто в одно из размножившихся в то время в музее особых хранилищ, «музейных комнат» (как «Толстовский кабинет», где хранились рукописи Толстого, «Тихонравовский кабинет», где хранилось собрание Тихонравова и его архив, завещанные музею). В таком виде она существовала до 1925 г., когда при расформировании Румянцевского музея и превращении его в Библиотеку имени В. И. Ленина ее коллекции были переданы в Отдел рукописей, где, соединившись с хранившимися и там материалами Герцена и Огарева, составили единый их фонд (ф. 69). Книги влились в фонды Отде-

ла редких книг. Изобразительные материалы позднее (в 1946 г.) были переданы в Государственный Исторический музей.

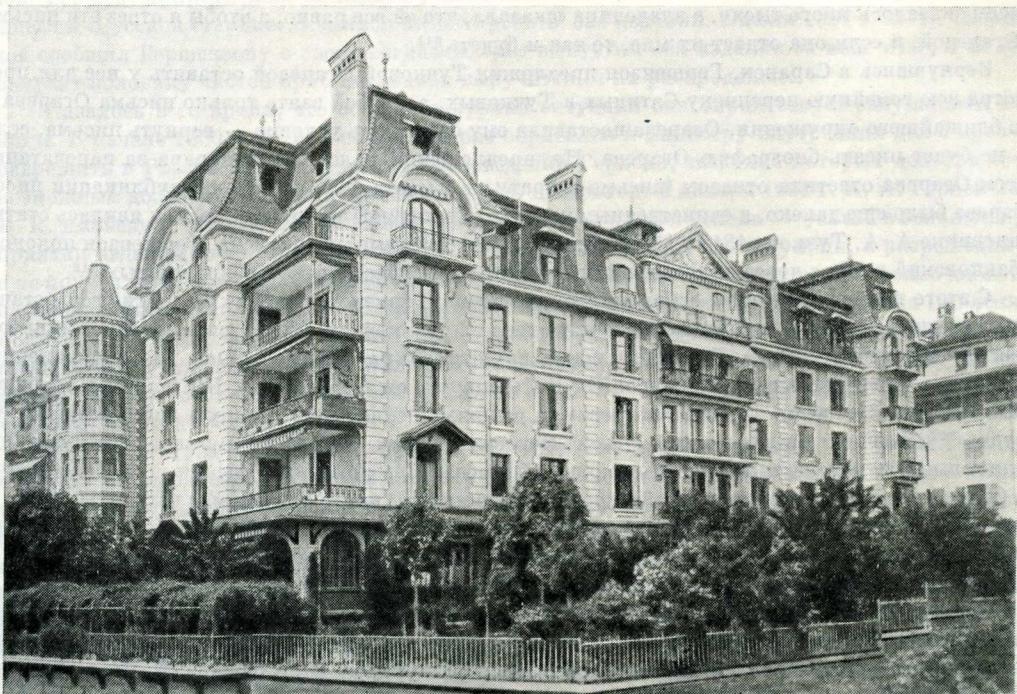
Вклад Некрасовой в собрание документального наследия Герцена и Огарева на их родине трудно переоценить. Но наряду с ней в последние годы ее жизни в это важное дело включается другой исследователь их жизни и творчества. Вслед за именем Е. С. Некрасовой следует назвать здесь имя М. О. Гершензона.

IV

В октябре 1894 г. Михаил Гершензон, только что окончивший Московский университет, где в семинаре проф. П. Г. Виноградова занимался историей античной литературы, записал в своем дневнике: «Вчера мне пришла к голову отличная мысль: когда-нибудь собрать и издать все стихи Огарева и написать статью о нем, исключительно как о поэте. Его небольшой талант очень привлекает меня своей задушевностью и грустью. Собрать его стихи будет трудно — они разбросаны по многим изданиям. К этой работе буду готовиться как Сарду к своим драмам: все, что узнаю об этом, буду записывать и заметки хранить отдельно»³³⁶. Он и не подозревал тогда, что мысль эта определит собою одно из главных направлений всей его литературной деятельности.

К близкому кругу проблем Гершензон вернулся пять лет спустя, находясь зимой 1898—1899 г. в Германии. «На днях приступаю к собиранию материалов о Герцене. Так как он был близок со многими немецкими деятелями 48-го года, то в немецкой мемуарной литературе о нем написано много», — писал он брату из Берлина 10 мая 1899 г. Вскоре ему становится ясно, что прежде всего необходимо обращение к архивным материалам. Из Берлина еще он написал в Румянцевский музей, чтобы узнать, располагает ли он рукописными материалами Герцена и о Герцене — и получил телеграмму, что материалов мало (и действительно, в существовавшей уже «Комнате людей 40-х годов» документов было еще немного).

Следующей зимой Гершензон начинает вплотную заниматься Герценом и Огаревым. Прекрасно сохранившийся его архив позволяет почти день за днем восстановить всю его деятельность. Особое значение имеют в этом отношении его письма к брату А. О. Гершензону, которому он всю жизнь подробнейшим образом описывал свои дела несколько раз в неделю. В январе 1900 г. он писал ему: «Сижу до 3 ч. в Румянцевском музее, ищу и нахожу массу нового и интересного. Сегодня нашел ряд статей Герцена, напечатанных в русском журнале, конечно, под псевдонимом, о которых не знает даже сын»³³⁷ < . . . >. Сегодня Стороженко дал мне письмо к Некрасовой, которая в последние десять лет напечатала множество писем Герцена и пр. Я сейчас от нее; просидел у нее слишком 3 часа, как во сне слушая ее рассказы, рассматривая подлинные письма Герцена, Огарева, Кетчера, Некрасова и пр., портреты их всех. Истинно сон»³³⁸. Но Гершензон не понравился Некрасовой, а его стремление самостоятельно собирать документы Герцена и Огарева она восприняла как нежелательное соперничество. Отношения осложнились почти сразу: когда во время второго визита Гершензон попросил у Некрасовой на время лондонское издание стихотворений Огарева, то получил резкий отказ³³⁹. Дальнейшие контакты становились невозможными, а это осложняло и доступ к документам, передававшимся Некрасовой в «Комнату людей 40-х годов». Тогда Гершензон попытался обратиться непосредственно к владельцам архивных материалов Герцена и Огарева — А. А. Герцену и Н. А. Тучковой-Огаревой. Попытку связаться с А. А. Герценом он предпринял через жившего в то время в Париже Н. В. Сперанского. Успех сразу оказался сомнительным. Сперанский писал Гершензону 30 марта 1900 г.: «Насчет писем Огарева постараюсь Вам посдействовать в меру сил, но на успех не надеюсь. Дело это щекотливое, а общих знакомых с Герценами у меня всего ничего. Обратился я было за помощью к одной хорошей барыне, но получил решительный отказ: «Никогда у меня язык не повернется заговорить с Нат(альей) Ал(ександровной) о чем-нибудь, имеющем отношение к семейству Огаревых». Плохо, что все ходы мои ведут только к Нат(алье) Ал(ександровне). Не то чтобы она была человек плохой; напротив, все знакомые ее очень любят и по душе ставят гораздо выше брата. Но то-то и беда, что она ко всему, что касается отца, относится как чисто женская душа, к которой не знаешь, как и притронуться. Какой-то «ход» нашелся потом прямо к А. А. Герцену. В мае 1900 г. Сперанский прислал Гершензону полученный от него ответ: «У меня остается лишь несколько записок, которыми от случая к случаю обменивались мой отец и Огарев — слишком личных и интимных, чтобы представлять общий интерес. Не следует забывать, что с момента приезда О(гарева) в Лондон он всегда жил вместе с моим отцом, и они не имели нужды в переписке. Вообще же лучше всего было бы бегло проскользнуть через последние годы Огарева, бызшие толь-

ЛОЗАННА. BLANC CASTEL

В этом доме, в квартире Н. А. Герцен, хранилась до 1936 г. большая часть архива Герцена
Фотооткрытка, 1937

Архив «Литературного наследства», Москва

ко быстрым упадком и преждевременным одряхлением (. . .). Печальный конец богатой и благородной натуры»³⁴⁰. «Думаю, что это не отговорка», — прибавлял Сперанский, и глубоко заблуждался: преобладающая часть рукописей и писем Огарева еще нетронутая лежала тогда в доме А. А. Герцена в Лозанне, и только спустя год с ними ознакомились первыми С. А. Переселенков и Е. С. Некрасова. Первая же попытка Гершензона проникнуть к богатствам семейного архива Герценов на этом и завершилась.

Тогда же Гершензон впервые обратился письменно к Н. А. Тучковой-Огаревой. «Сегодня получил от старухи Ог(аревой) драгоценное письмо со сведениями, — писал он брату, — и она посылает мне несколько очень важных документов»³⁴¹. В феврале 1900 г., по приглашению Тучковой-Огаревой, он отправляется к ней в Саранск («Вчера утром получил ответ от Ог(аревой), очень любезный; поэтому я решил, не откладывая в долгий ящик, на этих же днях съездить к ней»³⁴²). Уже оттуда он сообщал брату: «Вчера вторую половину дня провел у Огаревой, затем, вернувшись в номер, списывал то, что она дала мне списать, до 2 ч. ночи, и теперь, встав, еще писал и кончил. Теперь спешу опять к ней, а в 12 ч. еду в бывшее имение Огарева Старое Акшено, где живет его племянница Сатина, у которой, по словам старухи, можно кое-что найти». С дороги в Москву он писал ему еще: «Увожу несколько сот писем 40-х и 50-х годов — одного Огарева фунта два, затем Грановский, Герцен, Некрасов, Кавелин, Чаадаев, Варнгаген фон Энзе и пр. — все из Акшена, где провел двое суток, разбирая тысячи писем. Поймете ли мое настроение?»³⁴³. О том, в каком состоянии он нашел эти материалы в Акшене, Гершензон рассказал впоследствии М. М. Стасюлевичу (в связи с публикацией в его журнале письма Чаадаева Сиркуру): «В феврале 1900 г. я ездил в Пензенскую деревню Сатиных, бывшую Огарева, искать материалов для биографии Огарева, которую пишу; там, в заброшенной и запыленной груди бумаг, среди сотен писем Огарева, Сатина, В. Боткина, Кетчера и др., нашел я и это письмо. Н. М. Сатин умер в 1873 г. и с тех пор никто не касался этих бумаг». Этот рассказ дополняется подробнейшим отчетом Гершензона брату об итогах своей поездки. На вопрос Гершензона, нет ли у нее писем, Н. Н. Сатина сказала: «Да, есть, горы целые, только я никогда не разбирала их, не знаю, какие такие».

Писем оказалось много тысяч, а владелица «сказала, что ей все равно, а чтобы я отвез эти письма к Огаревой, и если она отдаст их мне, то так и будет»³⁴⁴.

Вернувшись в Саранск, Гершензон предложил Тучковой-Огаревой оставить у нее для просмотра всю семейную переписку Сатиных и Тучковых, а с собой взять только письма Огарева и его ближайшего окружения. Огарева поставила ему одно лишь условие — вернуть письма, если он не будет писать биографию Огарева. На предложение половины гонорара за напечатание писем Огарева ответила отказом (письмо к брату от 3 марта 1900 г.). Но до публикации писем Огарева было еще далеко, и единственным результатом первой поездки в Саранск явилась статья о дневнике А. А. Тучкова 1818 г.³⁴⁵ Материалы, привезенные из Саранска, Гершензон положил в банковский сейф, а через полгода, в январе 1901 г., перенес в сейф Сабашниковых³⁴⁶.

С этого времени активное собирание документов о Герцене и Огареве на долгие годы становится важной стороной деятельности Гершензона. С рекомендательным письмом П. Г. Виноградова он обращается к В. Ф. Лугинину, жадно слушает его рассказы о Герцене, но, к сожалению, не находит у него никаких документов³⁴⁷. В Петербурге он встречается с Венгеровым, сообщившим «интересные вещи насчет Огарева» и давшим Гершензону полную библиографию его трудов³⁴⁸. Здесь же он знакомится с С. А. Переселенковым. Работа в Румянцевском музее позволяет выявить неизвестные прежде рукописи Огарева («Сегодня нашел писанный собственноручно Огаревым план «политехнической» школы для крестьян, которую он думал устроить у себя — страшно интересный, но в России его невозможно напечатать»³⁴⁹), новые статьи Герцена; новые тексты посылает ему и Тучкова-Огарева («Посылаю Вам конию с письма Огарева моему отцу — в нем видны и его взгляды и вся нежность его сердца» — XXVII, 81).

Однако попытки Гершензона опубликовать что-либо из найденного в русских журналах все еще не имели успеха: цензура дважды, в 1900 и 1901 г., не пропустила одну из статей Герцена, которую А. И. Богданович хотел напечатать в своем журнале «Мир божий»³⁵⁰. Начатые в это же время переговоры с Сабашниковыми об издании стихотворений Огарева затягивались из-за прежней договоренности Тучковой-Огаревой с издательницей О. Н. Поповой. Дело было в следующем. Еще в 1899 г. она предложила Поповой издать стихотворения Огарева отдельной книгой и выслала ей материалы. В редакторы Попова пригласила С. А. Переселенкова, съездившего, как мы уже знаем, в 1901 г. в Лозанну и скопировавшего там те автографы Огарева, которые тем же летом были отправлены А. А. Герценом Некрасовой для «Комнаты людей 40-х годов». По условию А. А. Герцен должен был получить половину гонорара (в одном из писем к Переселенкову он так обосновывал свое право на это: «Не следует забывать, что все, что Огарев оставил, принадлежит *нам*, т. е. мне и моим сестрам»³⁵¹).

Попова, однако, тянула с изданием, а попытка Переселенкова напечатать пока кое-что в журналах вызвала бурный протест Некрасовой. 22 марта 1902 г. она писала ему: «Я получила собственноручные тетради Огарева в подарок от А. А. Герцена с *правом все печатать* из них, *что хочу* < . . . ». Относительно же Вас А. А. мне сказал, что позволил Вам пользоваться копиями с тетрадей *только* для составления биографии Огарева и для пополнения собрания его стихотворений, которым Вы заняты, — а за данное Вам такое право А. А. ждал от *Вашей издательницы* гонорара, а не за помещение стихотворений в журналах»³⁵². Переселенков возражал ей: «Я все-таки продолжаю утверждать, что А. А. *позволил* мне печатать стихотворения в журналах»³⁵³. Вопрос этот, впрочем, тут же потерял практическое значение, потому что, как сообщал Переселенков, «из Огарева печатать не позволили *ничего*, на том основании, что поэт был эмигрант», а издание Поповой расстроилось³⁵⁴. О причинах этого Некрасова извещала Переселенкова: «Знаете, отчего Н. А. Огарева разошлась с О. Н. П(оповой)? Потому что последняя вдруг предъявила к ней требование, чтобы она заплатила *Вам* за поездку за границу, а затем выдала бы известную сумму А. А. за взятые у него стихотворения. Хорошо? Это требование сильно возмутило Н. А., она ответила отказом, сказав, что она не просила никого посылать за стихотворениями в Швейцарию, и взяла назад свои бумаги»³⁵⁵.

Именно после этого в дело издания неожиданно для себя самого вмешался Гершензон. Выписав в письме к брату 13 октября 1902 г. свою старую дневниковую запись о намерении когда-нибудь издать стихи Огарева (с нее мы начали эту главу), он рассказывал ему: «Не чудо ли? Спустя 6 лет, когда я, конечно, меньше всего на свете думал об Огареве, однажды вечером М. П. Щепкин рассказывает мне, что старуха Огарева все предлагает Солдатенкову издать стихи Огарева и что Солдатенков не хочет. «Не возьмутся ли Ваши Сабашниковы?» — И вот я поговорил с Сабашниковыми, они в принципе согласились, и тогда М. П. написал об этом Огаревой, и я написал в том же письме. И так оно и началось». Отправившись первый раз к Огаре-

вой, Гершензон предложил ей издать у Сабашниковых еще и ее воспоминания, ранее печатавшиеся в «Русской старине», и взялся редактировать оба издания. 2 июля 1901 г. М. В. Сабашников сообщил Гершензону о своем согласии: «Мы выпустим оба издания за наш счет, и Огарева получит половину чистой прибыли, какая выручится от их распродажи».

Казалось в то время, что общая цензурная ситуация благоприятствует задуманным изданиям. В начале 1900 г. А. А. Герцен еще раз обратился к министру внутренних дел с просьбой разрешить в России публикацию тех произведений Герцена, издание которых цензура сочтет возможным дозволить». Ответа пришлось ждать целый год. 9 января 1901 г. А. А. Герцен писал В. И. Яковенко: «Желаю Вам на Новый год здоровья, счастья и успеха — успеха в большом предприятии издания сочинений моего отца! Вот мы уже и в новый век вступили, а разрешения так и не получили. Неужели нам придется еще долго ждать его?»³⁵⁶ Вскоре, однако, «высочайшее соизволение» было дано. Хотя его условием была строгая цензура, но душеприказчики Павленкова получили все же возможность приступить к работе над изданием. Не было оснований ожидать препятствий и изданию Огарева. Иллюзии эти рассеяло дальнейшее развитие событий. Но прежде чем рассказать о нем, остановимся кратко на взаимоотношениях Гершензона с издателями сочинений Герцена³⁵⁷.

9 сентября 1901 г. Гершензон писал брату: «Душеприказчики Павленкова добыли разрешение издать полное собрание сочинений Герцена. Оно должно выйти к весне в 6 или 7 больших томах. Редактором приглашен Як<ушкин>, и вот он предлагает мне редактировать половину — именно, все, кроме «Былого и дум», которые он уже за лето приготовил к печати. Я с радостью согласился. Не веря глазам, я читал на томах Герцена: Дозволено цензурою 30 мая 1901 г. и т. д. Пропусков мало (все, что касается Польши и Николая I). Если душеприказчики согласятся, я поеду в Лозанну для переговоров с сыном Герцена насчет продажи рукописей». Но вскоре Якушкин, разойдясь с Яковенко по вопросу о принципе передачи текстов, вообще отказался от редакторства и предложил передать его Гершензону. Сообщая ему об этом, Яковенко писал 13 ноября 1901 г.: «Во избежание возможных дальнейших злоключений (их и так уже немало нависло темной тучей над Герценом), лучше всего вовсе отказаться в настоящем издании от редакции в собственном смысле слова и постараться лишь дать возможно полный и возможно правильный текст (< . . . >). От нашего издания, собственно первого в России и рассчитывающего на широкую публику, — больше ничего нельзя и требовать». На таких условиях и Гершензон не счел возможным взять на себя редакторство и лишь предоставил Яковенко тексты 18 статей Герцена, не вошедших в женеvское издание и частью впервые им разысканных³⁵⁸. Еще не решив все это окончательно, он успел написать А. А. Герцену о своем намерении к нему приехать — и опоздал: как раз перед этим, в сентябре 1901 г., А. А. Герцен отправил основную часть материалов Огарева Некрасовой. Он сообщил об этом Гершензону, прибавив: «В моих руках остается лишь переписка Огарева с моим отцом, со мною самим и с моими сестрами чисто *лично*, семейного и интимного содержания, которую я никогда не выпущу из рук»³⁵⁹. Таким образом, поездка в Швейцарию пока была не нужна.

В отличие от Некрасовой, собиpание и концентрация в России рукописей, писем и других подлинных документов Герцена и Огарева не были для Гершензона главной целью: они занимали его преимущественно как источники для исследовательской и публикаторской работы, для чего он мог удовлетворяться и копиями. Тем не менее, его настойчивость в разыскании все новых и новых текстов имела для судьбы документального наследия Герцена и Огарева самое положительное значение: энергия его в этом отношении была беспредельна, а попадавшие в его руки подлинные документы неизменно оказывались потом на государственном хранении.

Весной 1902 г., отправляясь погостить в саратовском имении своей приятельницы Е. Н. Орловой, Гершензон заехал, по приглашению Тучковой-Огаревой, в Акшено, где она тогда находилась. Она писала ему 16 января 1902 г.: «Теперь 50 лет кончины Г. А. Римского-Корсакова — и можно приступить к разборке его бумаг (< . . . >). Вы знаете, вероятно, что «Горе от ума» все основано на московских личностях, так, Софья Павловна взята с характера жены Серг<ея> Александровича) Римского-Корсакова, брата Г. А. Мне хотелось показать, как вообще в России и в особенности в царствование Николая оригинальные личности бездейтельно гибли, не находя себе выхода (< . . . >). Во время 14 декабря Корсаков жил за границей — его отсутствие спасло его, он был близок и с декабр<истами> и с Пушкиным. Будете ли Вы свободны, чтоб заняться этими бумагами?»³⁶⁰ Цель поездки, как видим, была далека от документов Герцена и Огарева, успех же ее для Гершензона превзошел все ожидания. В Отрадине у Е. Н. Орловой, внуки декабриста М. Ф. Орлова и, соответственно, близкой родственницы Раевских, Волконских, Давыдовых, он

открыл «целый склад старых писем — чудеса, и только!» «Сегодня, — писал он брату 9 апреля 1902 г., — почти без передышки читал весь день и отложил груды для использования. Есть рукописи Чаадаева, Полонского, Вяземского и пр.» Отчет брату о поездке в Акшено гласил: «Три дня, которые я провел в Акшене, прошли как один час. С утра до вечера старушка неутомимо рассказывала, оживленная, иногда вдохновляясь и молодея на 40 лет. Она до такой степени умна, так много в ней душевного благородства, столько она видела, что слушать ее — больше, чем удовольствие (. . .) Она дала мне огромный тюк дневников Рим(ского)-Корс(акова) 20-х годов, подарила большой портрет Герцена со своею надписью и обещала прислать из Пензы свой портрет»³⁶¹. Короткая эта поездка заложила документальную базу (по крайней мере, преобладающую часть), на которой были построены почти все крупные работы Гершензона, написанные в следующее десятилетие: «История молодой России» (1908), статьи о Чаадаеве и книга «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (1908), «Грибоедовская Москва» (1914). Явилась она и толчком к тому, чтобы поехать все же к А. А. Герцену.

Лето 1902 г. Гершензон провел за границей. Из Кларана он списался с А. А. Герценом и сперва съездил к нему в Лозанну, а затем на время переехал туда. Письма оттуда к Е. Н. Орловой и к брату восстанавливают все подробности переговоров. «У него материалов множество, — писал Гершензон 9 августа после первого визита. — Есть у него: 1) много сотен писем Герцена семейных, он их даже не показал; 2) несколько сот писем Г(ерцена) к Ог(ареву) и обратно (это для меня всего важнее); 3) много писем Гюго, Мишле, Маццини и др(угих) иностранцев к Герцену; 4) пачка писем Огарева к его третьей «жене», англичанке, по-англ(ийски). Итак: <№ 4> он отдал мне в полную собственность; это очень важно — это картина домашней жизни Ог(арева) в последние 10 лет его жизни; <№ 3> он дал мне сюда для просмотра и выписок; верну их ему на будущей неделе (. . .). Наконец, <№ 2> он готов дать мне для использования с тем, чтобы я делал это в Лозанне; я согласился переселиться туда на неделю (с конца будущей недели). № 1, очевидно, недоступен, да и для меня не так интересен; главное № 2. Наконец, у него есть 5-ый том «Был(ого) и Дум», рукопись, которую он хочет напечатать в 1920 году; это он даст мне прочитать в четверг у него в гостиной». В следующем письме от 14 августа читаем: «Г(ерцен) оказался очень мил. Ему недавно изготовили копию с этой рукописи отца, и вот он кстати хочет ее сверить. Итак, с 1 1/2 ч. мы читали — один вслух оригинал, другой — исправляя копию. Мы прочитали сегодня половину, а кончать будем в пятницу (. . .). Эта ненапечатанная часть написана гениально, лучше всех остальных (. . .) и, представь себе, мне удалось убедить его напечатать первую главу — листа 1 1/2, и он предоставил это дело мне (. . .). А сегодня днем я писал из той самой чернильницы, из которой Г(ерцен) писал «Колокол». В ходе совместной работы А. А. Герцен проникся таким доверием к московскому гостю, что еще через неделю согласился на многое, о чем вначале нельзя было и мечтать. 20 августа Гершензон сообщил брату: «Я получаю *всё* в свое распоряжение с условием печатать и присылать ему 1/3 или 1/2 гонорара, смотря по работе. Часть уже получил на руки, остальное он пришлет мне в Москву». В том же письме отразилось общее впечатление от пребывания в доме Герценов: «Дом — чисто швейцарско-французский, русского звука не слышно, только для красоты в столовой стоит самовар. Только один сын научился по-русски и читал сочинения деда (. . .), занимает здесь же кафедру римского права³⁶²; высочайший стоячий воротник, черный костюм-визитка, борода по-бурбонски. И это — ввук! Остальные дети „слышали о деде“. Не очень доброжелателен и отзыв о самом хозяине: «Циничен в выражениях, остроумен, едва ли добр (. . .), внешний, западный человек».

Итогом этих встреч явился сохранившийся в архиве Гершензона документ в форме письма. Приведем его полностью.

«Лозанна, 12 сентября 1902 г.

Многоуважаемый Александр Александрович!

Вы передали мне бумаги, оставшиеся после Вашего отца и содержащие преимущественно его переписку с Огаревым и с иностранными деятелями. Эти бумаги Вы разрешили мне печатать, не стесняя меня ни в сроке, ни в форме их опубликования (врозь, статьями или в виде книги). Я, со своей стороны, обязуюсь: 1) Все иностранные письма по использованию вернуть Вам или Вашим наследникам; 2) все русские письма по использованию их мною передать в московский Румянцевский музей; 3) не печатать тех частей этой переписки, которые касаются дела Гервега; точно так же до смерти Наталии Алексеевны Огаревой без ее согласия не печатать тех частей переписки, которые касаются ее отношений к Вашему отцу и Н. П. Огареву; 4) из гонорара, полученного за печатание моих статей, присылать Вам или Вашим наследникам *половину* по расчету страниц, занятых переданными Вами мне письмами, а по выходе моей книги, в которую войдут эти письма,

я должен как с первого, так и со всех дальнейших изданий ее доставлять Вам или Вашим наследниками *треть* гонорара по расчету страниц, занятых этими письмами; 5) я обязуюсь сделать распоряжение, чтобы в случае моей смерти все эти бумаги были в целости возвращены Вам или Вашим наследникам.

М. Гершензон

Хотя документ датирован Лозанной, но фактически он был выслан Гершензоном уже из Москвы. А. А. Герцен исправил его и вернул обратно, написав в сопроводительном письме: «Договор — all right: у меня поправлено; этого довольно». Поправки сводились к следующему: А. А. Герцен зачеркнул пятый пункт договора, пометив: «Зачеркнутого не читать», и приписал после подписи Гершензона: «В случае моей или Вашей смерти, Михаил Осипович, я желаю, чтобы все полученные Вами от меня бумаги были переданы Румянцевскому музею в запечатанном пакете, который может быть вскрыт не ранее 1920-го года. А. Герцен». Другой экземпляр документа остался, несомненно у А. А. Герцена, и именно на него ссылались потом его наследники в возникших недоразумениях с Румянцевским музеем.

Полученные в Лозанне печатные материалы Гершензон от имени А. А. Герцена прямо оттуда отправил в Румянцевский музей. 6/19 сентября он сообщал сотруднику музея А. И. Калишевскому, что посылает «пачку вырезок из старых иностранных газет и журналов: эти бумаги важны для биографии и характеристики Герцена, и некоторые представляют даже *unicum*»³⁶³. Судя по списку, составленному Калишевским для передачи полученного в «Комнату людей 40-х годов», посылка состояла из статей о Герцене из заграничной печати, появившихся после его смерти, некоторых статей самого Герцена, откликов на его произведения и, наконец, вырезки из лондонской газеты «Morning Advertiser» с объяснением Маркса по поводу кампании, поднятой против Бакунина³⁶⁴. Рукописные материалы Гершензон частично увез с собой, а частью получил потом из Швейцарии.

На протяжении ближайших двух лет, даже не все еще отослав Гершензону, А. А. Герцен не раз напоминал ему о необходимости передавать письма по мере использования в музей. 3 октября 1903 г. он писал: «Не забывайте, ради бога, отдавать письма по мере использования в Румянцевский музей; я ужасно боюсь за них. Кстати, скажите, что могло подать повод странной сплетне, будто Вы чуть не поссорились с директором Музея из-за того, что хотели, чтоб он принял письма от Вашего имени, а не от моего?» К сожалению, в доступных нам материалах из архива Н. А. Герцен³⁶⁵ нет писем к ней Некрасовой, которая одна только и могла сообщить что-либо подобное, находясь в постоянных сношениях с сотрудниками музея. Судя по письму Н. А. Герцен к ней от 31 января 1903 г., Некрасова осуждала детей Герцена за то, что ценные документы были предоставлены Гершензону и, возможно, сообщила Н. А. Герцен неблагоприятные отзывы о нем. Та сдержанно возражала ей: «Лицо, которому мой брат доверил старые письма нашего отца и его друзей, было ему рекомендовано самым высоким образом и должно, как я понимаю, писать биографию Папаша»³⁶⁶. Более близкому человеку, М. К. Рейхель, она писала откровеннее: «Саша всегда отличался торопливостью, совсем непонятною в некоторых случаях. Г(ершензон) явился с такими рекомендательными письмами, что внушил Саше слепое доверие (. . .). Когда я узнала, что С(аша) отдал переписку Г(ершензону), я ужаснулась, и мне было страшно жаль, потому что я давно ждала кого-нибудь, который бы мне помог читать эти письма. Одной разбирать их мне было слишком трудно и утомительно. Бесконечно жалею, (. . .) что Саша распорядился этими письмами, не спросивши наше мнение — знай, однако, что Некрасова преувеличивает неосторожность Сашину. С(аша) уверяет, что все письма, относящиеся к Наталье Алексеевне, здесь, у него»³⁶⁷.

Время шло, но Гершензон не печатал ничего из привезенной им и полученной позднее переписки Герцена и Огарева. Впоследствии он так объяснял причины этого М. К. Лемке: «История этих писем в двух словах такова. Они были присланы лично мне покойным проф. Герценом в подлиннике для печатания и два года лежали у меня; дело в том, что в них на каждой странице говорится о Нат. Алекс. Огаревой и говорится так, что я не считал возможным обнародовать их при ее жизни полностью, выбирать же из них отдельные и печатать я считал и считаю литературно неправильным. Все это я писал А. А. Герцену»³⁶⁸. Летом 1904 г., перед тем, как отослать в Москву последнюю часть обещанной Гершензону переписки Герцена и Огарева, А. А. Герцен настойчиво потребовал от него передачи ранее полученных материалов в музей. Он писал 25 июля 1904 г.: «Я мало-помалу старею и слабею, и м(ежду) п(рочим) меня мучит боязнь за переписку, находящуюся в Ваших руках. Мало ли что может случиться! На днях у меня был И. Вл. Цветаев, директор Рум(янцевского) музея. Он мне сказал, что Вы до сих пор передали в музей всего

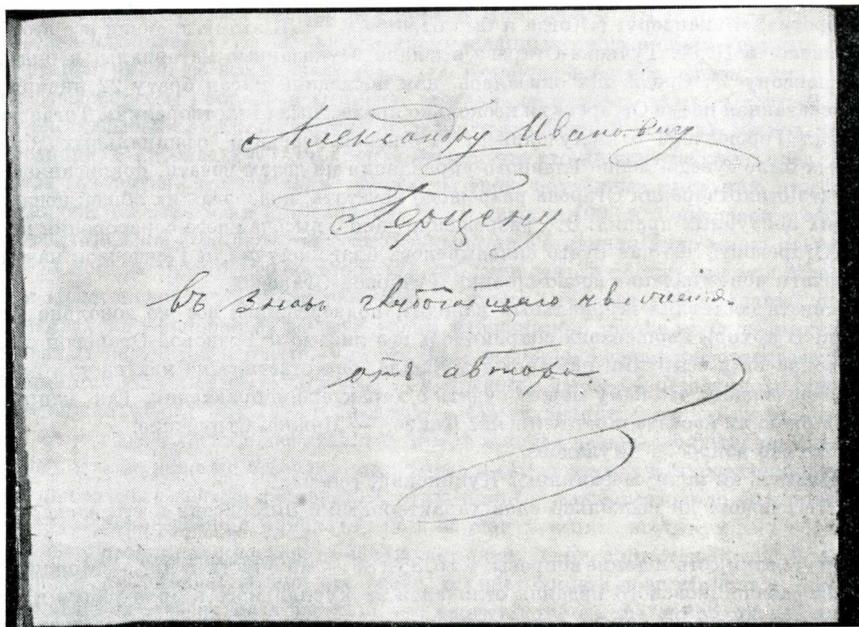
10 или 12 писем моего отца, а ведь они уже два года у Вас! Я для своего успокоения убедительно прошу Вас передать все в музей как можно скорее»³⁶⁹. В ответ Гершензон сообщил, что немедленно отдает все в музей, но просит сохранить за ним право использования материалов в печати еще на два года, до конца 1906 г. А. А. Герцен согласился на это, сообщил это условие музею и одновременно, 19 сентября 1904 г., отправил остальную переписку прямо в музей. Именно вследствие этого условия все, переданное Гершензоном и присланное из Лозанны, не было отражено в «Отчете» музея за 1904 г. и впервые описано в «Отчете» за 1906 г., вышедшем в свет в 1907 г. Но в конце 1906 г. Н. А. Тучкова-Огарева была жива, и причины, останавливавшие Гершензона в печати писем, оставались в силе до конца отведенного ему срока.

В сопроводительном письме к отсылаемым в музей документам 19 сентября 1904 г. А. А. Герцен писал Цветаеву: «Посылаю Вам сегодня большой пакет, содержащий всю остающуюся у меня переписку (около 300 писем) между моим отцом и Огаревым. Кроме того, я поручил Мих. Ос. Гершензону передать в Ваше распоряжение всю переписку (также между моим отцом и Огаревым), мною доверенную ему, как я Вам говорил. Прошу Вас принять эту драгоценную переписку на хранение в Румянцевском музее — по возможности, в Комнате людей 40-х годов». Далее указывалось на предоставленное Гершензону исключительное право пользования ею до конца 1906 г., после чего она переходила в общее пользование. Забыл ли А. А. Герцен о требовании хранить переписку запечатанной до 1920 г., сформулированном в договоре с Гершензоном в 1902 г., или переменил свою точку зрения — но теперь, как мы видим, оно не было предъявлено музею³⁷⁰. Вслед за этим письмом в делах музея подшиты две расписки заведующего рукописным отделением Г. П. Георгиевского: одна, от 28 сентября 1904 г., о получении им от Гершензона принесенных А. А. Герценом в дар музею 204 писем Герцена и Огарева друг другу; другая, от 2 октября — о получении присланных из Лозанны 155 писем Герцена к Огареву и 120 писем Огарева к Герцену³⁷¹.

Но можно утверждать, что Гершензон привез из Лозанны гораздо больше писем и до передачи их в музей часть отправил А. А. Герцену обратно. Это выясняется из позднейшего письма его к М. К. Лемке: «Перед тем, как сдать эти бумаги в музей, я сам выбрал из них все письма, печатание которых могло быть неприятно А. А. Герцену (там были и порочившие лично его, он этого не знал), и лично отослал их ему, чем он был очень доволен»³⁷². Понятно, что, отправляя остальные письма в музей, А. А. Герцен эти, только что присланные из Москвы, оставил у себя, и, следовательно, был далеко не точен, когда писал, что передает музею «всю остающуюся у него переписку». Эти же письма упоминала, по-видимому, Н. А. Герцен со слов брата в приведенном нами письме к М. К. Рейхель.

Судьба этой пачки писем выразительно характеризует многоступенчатую цензуру, которой подвергалась в семье Герцена его переписка с Огаревым. Полученные от Гершензона обратно письма были отложены так далеко, что Н. А. Герцен, сперва хорошо знавшая, что часть этой переписки осталась в семейном архиве, потом, после смерти брата, настолько прочно забыла о их существовании, что сама изумилась, случайно обнаружив их в ноябре 1914 г.: «Открытие!!! — писала она Лемке. — Пачка писем моего отца, большей частью к Огареву 1868—1869 гг. Открыла я их в сундуке, наполненном бумагами; они оказались в картоне в полном порядке. Я и не подозревала об их существовании»³⁷³. Казалось бы, сделав такое открытие, Н. А. Герцен должна была бы спешно предоставить все копии Лемке, заканчивавшему в это время подготовку томов своего издания. Но нет: «Я их еще не успела прочитать, — писала здесь же Наталья Александровна, — но мне кажется, что среди этих писем есть много таких, которые не могут быть напечатаны»³⁷⁴. Спустя полтора месяца она возвращалась к ним: «Найденная мною пачка, по-видимому, была отложена особо моим братом»³⁷⁵, а еще позднее сообщала: «Письма, найденные мною, уже переписаны. Пришлось отказаться от переписки нескольких писем, так как они не годятся для печати»³⁷⁶. Словом «несколько» обозначались те 52 письма, которые до конца жизни Н. А. Герцен оставались у нее, потом попали в Прагу и впервые были опубликованы в т. 61 «Литературного наследства»³⁷⁷.

Следует отметить, что если подсчитать по упоминаниям в письмах А. А. Герцена числа имевшихся у него писем отца и Огарева друг к другу и сравнить их с названными выше количествами писем, поступивших в 1904 г. в Румянцевский музей, то обнаруживается любопытная картина: число писем Герцена к Огареву, оставшихся в Лозанне до возврата части писем Гершензоном, примерно совпадает с числом полученных музеем; число же писем Огарева к Герцену значительно расходится с обозначенным в расписке Георгиевского. 3 октября 1903 г. А. А. Герцен писал Гершензону: «У меня остается еще штук 150 отцовских писем, да чуть ли не 200 огаревских».

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО ГЕРЦЕНУ НА ОТТИСКЕ
«ЗАПИСОК ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» («ВРЕМЯ», 1861):

«Александр Ивановичу Герцену в знак глубочайшего уважения от автора»
Публичная и Университетская библиотека, Женева

Писем Огарева к Герцену, однако, было прислано в 1904 г. только 120, а впоследствии от наследников А. А. Герцена в зарубежные хранилища поступило еще 36³⁷⁸. Не означает ли это, что у потомков Герцена осталось еще некоторое количество неизвестных писем Огарева?

Вернемся, однако, к 1904 г. В ответе музея на письмо А. А. Герцена содержится заверение, что все условия дарителя будут соблюдены, но вопрос о месте хранения материалов обойден молчанием. Они поступили не в «Комнату людей 40-х годов», а в рукописное отделение, и в этом, вероятно, сыграли роль напряженные отношения Гершензона с Некрасовой. Близкий к ней Калишевский, обвиняя в этом Гершензона, писал ей 2 октября: «Теперь, конечно, все это заберет Георгиевский, и я даже сомневаюсь в возможности поднимать по этому поводу вопрос»³⁷⁹.

Документы, привезенные Гершензоном из Швейцарии в 1902 г., не ограничивались отданной им в музей в 1904 г. перепиской Герцена и Огарева, но передачи их А. А. Герцен почему-то не потребовал, и они остались у Гершензона до конца его жизни. Что это были за документы, выясняется по его позднейшим указаниям. Перечисляя в предисловии к 4-му тому «Русских Пропилеев» источники публикаций этого тома, он называл, в частности, и документы, «хранившиеся у покойного проф. А. А. Герцена в Лозанне и переданные им мне в 1902 г.»³⁸⁰. Анализ состава тома позволяет уверенно отнести к таким документам напечатанные там письма Огарева и Н. А. Тучковой-Огаревой к Герцену и Наталье Александровне до отъезда Огаревых за границу, многочисленные письма Н. А. Огаревой к Герцену, ее же письма к Огареву.

Вернувшись в 1902 г. из Швейцарии, Гершензон полностью отдается работе над Огаревым. В 1903 г. выходят три его статьи о нем³⁸¹, но главное внимание было сосредоточено на подготовке к печати двухтомного собрания сочинений Огарева.

История этого первого в России отдельного издания произведений Огарева почти не освещена в литературе, но очень подробно раскрывает ее переписка Н. А. Тучковой-Огаревой, Е. С. Некрасовой, С. А. Переселенкова и М. О. Гершензона.

27 декабря 1902 г., послав Н. А. Тучковой-Огаревой на подпись текст договора, М. В. Сабашников спрашивал Гершензона: «Напишите, пожалуйста, какого характера материал для печати находится у Н. А. Огаревой. Я помню, что она давала что-то О. Поповой, и затем вышла история с получением этого материала обратно». Поповой было передано издание Солдатенкова, стихотворения, ранее напечатанные в «Русской старине», «Юмор», «Господин», «Отступнице»,

«По краям дороги», «Искандеру» («Когда я был отроком») ³⁸². К этому времени все это было Поповой возвращено, и Н. А. Тучкова-Огарева выслала и указанные материалы, и ряд дополнительных Гершензону ³⁸³. Среди них оказалась, как последний писал брату 22 января 1903 г., «целая ненапечатанная поэма От(гарева) и несколько прелестных стихотворений». Тогда же Сабашников известил Гершензона о получении от Тучковой-Огаревой официальных бумаг, одной из которых было «уведомление Главного управления по делам печати, подписанное Шаховским, о том, что стихотворения Огарева разрешено печатать, подвергая их общей цензуре на основании общих цензурных правил. Это разрешение дано с высочайшего соизволения по особому ходатайству Огаревой». Все как будто складывалось благополучно, и Гершензон начал спешно готовить к печати новое издание воспоминаний Тучковой-Огаревой.

Основу текста составлял журнальный вариант, подвергшийся все же довольно значительной редакции. В архиве Гершензона сохранилось его письмо к Тучковой-Огаревой с рядом редакторских вопросов и ссылками на текст в журнале, она ответила на них на том же листке и вернула его Гершензону. По нему можно судить о характере исправлений. Так, например:

«стр. 17 Можно ли назвать полные имена? Какие? — Можно. Струйские.

стр. 19 Тот же вопрос. — Шуваловы.

стр. 67 Назвать ли полную фамилию? Куцинский, генерал.

стр. 71 Не скажете ли несколько слов характеристики Энгельсона и его жены? — Не знала их».

Но наряду с этим есть и такие вопросы: «стр. 85 и 86 — не опустить ли? — Можно» ³⁸⁴. В результате текст сабашниковского издания отличался от журнального и пропусками и вставками. При этом купюры отмечены только в тех случаях, когда они повторяли сделанные в журнале, новые же не указаны. Опуцен, например, без всяких указаний на купюру рассказ Тучковой-Огаревой о ее дальнем родственнике, молодом поляке, отправленном в Сибирь по доносу какого-то случайно встреченного генерала ³⁸⁵. В другом же месте, наоборот, вставлены слова Герцена, опущенные в журнале: «Вы выиграли пари, — кричал он с лестницы, — вот и шампанское. Республика провозглашена во Франции!» ³⁸⁶. В издании были раскрыты почти все имена, в журнальном тексте обозначенные лишь начальными буквами.

В феврале 1903 г. «Воспоминания» были сданы в печать, а издание Огарева из-за загруженности типографии Сабашникову пришлось несколько отодвинуть. Пока же Гершензон поехал в Петербург для встречи с Переселенковым. Оттуда он писал брату: «Оказалось, что он летом 1901 г. в Лозанне списал у Герц(ена) все бумаги От(гарева), которые Герц(ен) осенью того же года отдал Некрасовой; Некр(асова) держит их и, по-видимому, не хочет дать мне доступа до них — и вот у Перес(еленкова) я нашел все это в копиях. Неизвестных стихов целые горы — вполне отделанных стих(отворений) штук 50 (да плохих с сотню), три поэмы, драма и пр. (. . .). Он собирается сам писать об От(гареве), поэтому я сказал, что прозы не возьму у него ни строки, а стихи все возьму для издания». Но не только удачи ждали Гершензона в Петербурге — дошли до него там и малоприятные известия. «Затем сел в конку и поехал к Яковенко, — рассказывал он дальше брату. — Я имел передать ему конец вятской переписки Герц(ена), которую летом нашел у Герц(ена) и взялся передать ему». От Яковенко он узнал о трудностях, вставших на пути павленковского издания Герцена. Известен рассказ о них Яковенко в опубликованном М. Перкалем письме его к Г. Моно 1907 г.: «Скоро князя Шаховского заменил в качестве начальника Главного управления по делам печати Зверев и взял это дело в свои руки. Он нашел, что кн. Шаховской был слишком либералец, и пересмотрел заново не только, что было уже пересмотрено кн. Шаховским и разрешено к печатанию, но и то, что мы уже успели отпечатать. Целый том в 30 печатн. листов, отпечатанный нами, был снова почеркан красными чернилами, и Зверев заставил нас перепечатать его» ³⁸⁷. Рассказ Яковенко по свежим следам событий в передаче Гершензона дополняет прежний любопытными деталями: «Зверев, вступив во власть, приостановил печатание Герц(ена) и потребовал во вторичную цензуру процenzурованные уже Шаховским первые 6 томов женеvского издания; он читает сам и черкает миллион слов и строк; вздумал было и вставлять от себя (например, перед именем Николая всюду Император), но Як(овенко) уперся наотрез: черкать черкайте, но вставлять нельзя. До сих пор Зв(ерев) выдал 7 томов (из 11) и читает медленно». Как известно, павленковское издание в конце концов составило всего 7 томов, и цензурная расправа, таким образом, сильно его сократила.

Не было все же ясно, коснется ли позиция нового руководства печати «высочайше» разрешенного издания Огарева и воспоминаний его жены. Воспоминания действительно вскоре вышли в свет. Н. А. Тучкова-Огарева не была довольна изданием, в особенности сокращениями, сде-

ланными Гершензоном. 24 июня 1903 г. она писала Некрасовой: «Я написала Саб(ашников)у, что я недовольна изданием (. . .), не напечатаны посланные мною письма Герцена, да, мне кажется, и из старых писем не все напечатаны (. . .) Конечно, в безразличных вещах это ничего, но в фактах, касающихся Герцена и Огарева, это для меня очень важно (. . .). Я не нахожу места, где я рассказываю, как три русские приезжали спросить Гер(цена), не полезно бы было убить А(лександра) Ник(олаевича). Гер(цен) отвечал, что это принесет только вред. Не нахожу того места, где говорится, что эту тайну знали мы трое, обученные молчанию при императоре Николае I. Вообще он переделал мои записки»³⁸⁸. В августе 1903 г. Гершензон сообщал брату: «В августовской книжке «Рус(ской) мысли» напечатана отданная туда мною отличная поэма Ог(арева) по 50 коп. за строку, что составит 120 руб.; эти деньги пойдут на устройство народной библиотеки в Пенз(енской) губ., если разрешат — имени Ог(арева)»³⁸⁹. Издание двухтомника Огарева затягивалось — сперва из-за забастовки наборщиков, потом из-за возникшей необходимости серьезных переделок в тексте. Чем это было вызвано, Гершензон рассказал в письме к брату. Изложив ему историю приезда в 1901 г. в Лозанну сперва Переселенкова, затем Некрасовой, он продолжал: «Когда я в 1902 г. был там — бумаг, значит, уже не было — они были у Некрасовой. А это все стихи не напечатанные. Когда я начал делать свое издание, то обратился к Некр(асовой), но она даже не отвечала мне. Тогда я (. . .) поехал к Переселенкову, и он действительно отдал мне все снятые им копии. С этих копий я и печатал около 40 стих(отворений) и 4 поэмы. Переселенков обещал прислать мне и варианты к ним, но тянул весь год и только в феврале, по моей настойчивой просьбе, прислал часть вариантов, а потом заболел. Я ждал, ждал, отягивая верстку, и наконец, недели две назад, по настоянию Сабаш(никова), решил больше не ждать и печатать окончательно. Сверстали все листы, осталось только подписать их к печати, набрали уже и мои примечания...» И тут-то выясняется, что полученные Некрасовой в Лозанне в 1901 г. рукописи Огарева давно уже хранятся в музее. «Словом, — продолжал Гершензон, — мне пришлось проделать опять огромную работу: сверить несколько десятков страниц с рукописями, совершенно переделать мои примечания, переставить хронологический перечень стихотворений и т. д.»

Но главные осложнения были впереди. В феврале 1904 г. текст поступил в цензуру. «Здесьняя цензура наверное не пропустит его, — писал Гершензон, — придется перенести дело в Петербург, и пойдет история на месяцы». Так и случилось. Только 17 мая Сабашников сообщил Гершензону: «В субботу меня вызывали в Цензурный комитет, где объявили подписанную Зверевым бумагу Главного управления по делам печати, в которой сказано, что II том Огарева «может быть выпущен в свет лишь при условии исключения из него мест», подробно указанных мною на прилагаемой бумажке и отмеченных в высылаемом Вам экземпляре Огарева (. . .). Обидно сдаваться сразу без боя». Через много лет Гершензон так рассказывал эту историю во 2-м томе «Русских Пропилеев»: «Московский цензурный комитет постановил следующее решение, одобренное главноуправляющим по делам печати Н. А. Зверевым, который в те дни как раз случился в Москве: первый том, лирику, выпустить беспрепятственно, второй, поэмы — только с исключением указанных тринадцати мест». Требования цензуры были, например, таковы: «Предлагалось вырезать и перепечатать целую страницу, чтобы устранить написанные 65 лет назад два стиха:

И политический наш быт
Меня без отдыха теснит.

Заставило вырезать весь алфавитный список ранее изданных стихотворений Огарева, т. к. там были указаны: лондонское издание, один том Полярной звезды и Письма Бакунина — т. к. он-де является пропагандою нелегальной литературы»³⁹⁰.

Попытка Сабашникова обойти эти требования, прибегнув к заступничеству Кони перед Зверевым, успеха не имела. Сообщая Гершензону 4 июня 1904 г. весьма уклончивый ответ Кони, Сабашников писал ему: «Из этого, мне кажется, можно заключить, что Кони разведет поле, на котором ему предстояло сразиться с З(веревым), и от поединка уклонился. Так как мы сроками теперь не связаны, то, мне кажется, не следует еще соглашаться на членовредительство нашего издания (. . .) Обидно уступать требованиям цензуры, и хотелось бы настоять на своем». Упорство Сабашникова было не напрасным. Когда после убийства Плеве министром внутренних дел стал Святополк-Мирский и в ряду мероприятий «эпохи доверия» нашло свое место ослабление цензуры, Сабашников снова попытался «выручить II том с меньшими повреждениями»³⁹¹, и это ему удалось. Как он рассказывал позднее, «осенью 1904 г., в министерство Святополка,

Зверев нашел возможным пропустить книгу без всяких изменений»³⁹². Таким образом (в этом признавался потом и сам Гершензон), все пропуски и сокращения в произведениях Огарева в сабашниковском издании, за которые его не раз упрекали в печати, — результат не требований цензуры, а его собственного приспособления к возможным ее претензиям³⁹³.

После передачи в Румянцевский музей привезенной из Лозанны переписки Герцена и Огарева Гершензон только один еще раз обратился к А. А. Герцену для получения некоторых из оставшихся у него материалов — речь шла о письмах к Герцену его «западным друзьям», тех письмах, которые в договоре 1902 г. значились под пунктом 1. На этот раз в подлинниках ему было отказано (судя по письму Гершензона к А. А. Герцену от 9/22 марта 1906 г. — в связи с тем, что их хотел публиковать во Франции Моно) и обещаны только копии. А. А. Герцен писал Гершензону 4 марта 1906 г. «Я Вам охотно доставлю (не сейчас) копию с писем «иностранцев»; высылайте 100 фр. Я предпочитаю покамест ничего не посылать в Москву, да и для Вас будет удобнее иметь их у себя»³⁹⁴. Эти слова наводят на мысль, что и до конфликта с Румянцевским музеем, возникшим у семьи уже после смерти А. А. Герцена, появлялись сомнения в целесообразности дальнейшей передачи туда документов из архива отца³⁹⁵. Гершензон еще ожидал обещанных копий, когда в августе 1906 г. получил известие о смерти А. А. Герцена. Дальнейшие переговоры велись уже с его сыном Николаем, официально взявшим на себя функцию представителя семьи. Копии были получены, и не только те, которые ранее приготовил А. А. Герцен, но и с писем, дополнительно разысканных его сыном: 33-х писем Мишле, двусторонней переписки Герцена с Орсини и др. Нельзя не отметить при этом ограниченность пожеланий самого Гершензона — он иной раз отказывался от предлагавшегося ему. Так, перечисляя найденные письма, Ник. А. Герцен прибавлял в конце: «Еще у нас имеются письма Фохта к Александру И(вановичу), о которых в прошлом письме Вы писали, что они Вам не нужны»³⁹⁶. По-видимому, Гершензон подтвердил свой отказ, письма не были для него скопированы и стали поэтому известны только спустя шестьдесят с лишним лет, когда поступили в Женевскую университетскую библиотеку³⁹⁷. Отношения его с семьей Герцена сохранялись и впредь, хотя научные его интересы шли теперь в иных направлениях. Еще в сентябре 1905 г. он объяснял Лемке: «Начав лет 6 назад заниматься Герценом и Огаревым, я скоро пришел к убеждению, что о них невозможно писать, не раскопав почвы, на которой они выросли, и потому я начал в своих исследованиях подвигаться назад»³⁹⁸. Это «движение назад», к Печерину, Чаадаеву, декабристам, далеко увело Гершензона в эти годы от непосредственных занятий Герценом и Огаревым.

Последний период интенсивной переписки Гершензона с наследниками Герцена связан уже не с использованием заграничной части архива Герцена и Огарева, а с осложнением отношений наследников и Румянцевского музея, начавшимся в 1907 г. и никогда уже не рассеявшимся полностью. История этих осложнений, имевших самые пагубные последствия для всей дальнейшей судьбы заграничного архива, заслуживает, поэтому, подробного изложения.

Направляя Наталье Александровне Герцен соболезнование по случаю смерти ее брата, директор Румянцевского музея И. В. Цветаев писал: «Эта утрата тем тяжелее для Московского публичного и Румянцевского музеев, которые столь многим обязаны Вашему покойному брату и с которыми он находился в более тесной и близкой связи, чем с каким-либо другим русским учреждением. Ему, главным образом, Музеи обязаны возникновением такого важного отделения, как «Комната сороковых годов», куда вошла значительная часть семейного архива Герцена. Этот материал надолго послужит драгоценным источником для будущих исследователей русской общественности. Упомянув далее о «неоднократных личных свиданиях» с покойным, Цветаев выражал надежду, что «установленная почившим связь Музеев с Вашей семьей не прервется и впредь»³⁹⁹. Весной следующего 1907 г. Цветаев обратился к Н. А. Герцен уже по важному деловому поводу. Переписку Герцена и Огарева, поступившую от А. А. Герцена из Лозанны и через Гершензона в 1904 г., музей до конца 1906 г. не считал своей собственностью, так как она была ограничена условием о правах на нее Гершензона, не регистрировалась и не отражалась в «Отчетах» музея. Только с 1 января 1907 г. музей внес ее в свои фонды, что и стало поводом к письму Цветаева. Он писал 14 марта 1907 г.: «С 1-го января 1907 г. переписка Вашего отца с Н. П. Огаревым поступила в собственность вверенных мне Музеев. Ознакомившись с содержанием переписки, я нахожу, что многие письма целиком касаются интимно-семейных отношений А. И. Герцена и Н. П. Огарева и затрагивают лиц живущих и их ближайших родственников (. . .). Поэтому я полагаю необходимым выделит эти письма из всей переписки и в запечатанном конверте особо хранить их в Музее до определенного срока, например, до истечения пятидесятилетия со дня Вашей смерти»⁴⁰⁰. Ответное письмо Н. А. Герцен от 5 апреля 1907 г.

показывает прежде всего полную ее неосведомленность о действиях брата в последние годы его жизни: она спрашивает Цветаева, откуда музей получил переписку, о которой идет речь. Но помимо этого, она горячо благодарит Цветаева за его инициативу, просит принять все предлагаемые им меры, сохранив возможность доступа к запечатываемым письмам только для прямых потомков Герцена⁴⁰¹. Вскоре Цветаев, считавший, что «эти письма нужно бы еще в Лозанне сжечь», а не передавать их кому бы то ни было», заверил Наталью Александровну, что «эти письма выделены и запечатаны»⁴⁰². В таком же примерно смысле была составлена справка об этой переписке для вышедшего тогда же в свет «Отчета» музея за 1906 год: «...переписка разворачивает великое множество подробностей личной, совершенно интимной жизни Герцена и Огарева (. . .). В этой части переписка должна оставаться неприкосновенной для постороннего глаза, особенно пока еще живы лица или ближайшие потомки тех лиц, о которых секретно беседовали друзья»⁴⁰³. При подобной деликатности музея, отношения его с наследниками Герцена складывались, казалось, безупречно, и не было сомнения в том, что материалы из семейного архива будут туда поступать и впредь. Этим можно объяснить репортерскую заметку, появившуюся в печати в апреле 1907 г. и основанную, несомненно, на информации, полученной в музее: «Скончавшийся недавно в Лозанне сын А. И. Герцена, профессор А. А. Герцен, завещал все бумаги, рукописи и переписку своего отца А. И. Герцена, а также все бумаги, относящиеся до современников А. И. Герцена, в дар Румянцевскому музею в Москве»⁴⁰⁴.

В эти же месяцы заведующий рукописным отделением Г. П. Георгиевский начал публиковать новые материалы Герцена и Огарева в журнале «Вестник Европы». Сперва в майской книжке появились шесть стихотворений Огарева, извлеченных из поступивших в музей писем⁴⁰⁵. Это прошло не замеченным наследниками Герцена. Совсем иной была реакция на начатую в июньском номере публикацию переписки Герцена и Огарева. Николай Герцен так излагал дело в письме к Лемке (прямо заинтересованному в его выяснении — не только как сотруднику М. М. Стасюлевича, причастному к изданию журнала, но и как лицу, только что получившему согласие наследников на подготовку нового собрания сочинений Герцена): «В начале этого года мы получили от г. Цветаева (. . .) извещение о том, что переписка Герцена и Огарева, переданная моим покойным отцом Румянцевскому музею, ввиду интимности ее, не подлежит, по его мнению, публичному ознакомлению; причем предлагал совсем запечатать эту переписку и держать ее в таком виде еще лет 50. Мы поспешили ответить, что, будучи совершенно согласны с ним, просим его сделать это, тем более, что передача этих писем, очевидно, дело ошибки. Отец несколько раз повторял нам, что никакой переписки интимного характера он не передал г. Гершензону для музея». Надо прервать здесь эту длинную цитату с тем, чтобы, во-первых, напомнить о возвращении Гершензоном в Лозанну части писем, показавшихся ему слишком интимными (этим, конечно, следует объяснить, в первую очередь, эти заверения А. А. Герцена), а во-вторых, подчеркнуть, что критерии «интимности» были, по всей вероятности, совершенно различными — у А. А. Герцена и Гершензона в 1902 г., у Цветаева и наследников А. А. Герцена в 1907 г. «Какое же было наше изумление, — писал далее Ник. А. Герцен, — когда в июньской книжке «Вестника Европы» мы увидели часть этой самой переписки. На наш немедленный запрос г-н Цветаев ответил, что г. Георгиевский без его, Цветаева, ведома передал эту часть переписки для напечатания журналу». На высказанное здесь же Цветаевым предложение запретить дальнейшую публикацию, наследники ответили, что не хотят таких суровых мер, но просят, чтобы ее продолжал не Георгиевский, а Гершензон, «которого мы знаем лично и который никогда не выходил из пределов корректности»⁴⁰⁶.

В действиях Георгиевского поражает, главным образом, игнорирование им норм авторского права, которых он не мог не знать как опытный уже архивист (к этому времени он уже 17 лет был хранителем рукописного отделения): в то время срок действия авторского права составлял 50 лет, и, следовательно, он, приступая к публикации, должен был испросить согласия наследников, а также предоставить им часть гонорара. Со дня смерти Герцена прошло 37 лет, Огарева — 30.

Гершензона это предложение наследников ставило в крайне щекотливое положение: согласие его могло придать всему вид затеянной им интриги с целью продлить свое право на использование материалов; он же вообще считал невозможным их печатание при жизни Н. А. Тучковой-Огаревой. Кроме того, как он писал в сентябре 1907 г. Стасюлевичу, Георгиевский «много труда положил на приведение писем в хронологический порядок, и хотя наделал при этом много ошибок, но все же значительно облегчил эту часть работы»⁴⁰⁷, и отнимать у него публикацию было бы несправедливо. Желая уладить как-нибудь это дело, он, по совету Венгерова, предложил

Стасюлевичу договориться с Георгиевским о том, что он, Гершензон, готов просматривать подготовленные к печати письма («Таким образом и Георгиевский будет удовлетворен, и у Герценов будет гарантия, что ничего неприятного для них не попадет в печать»).

Такой вариант, как выяснилось, не устроил никого. Получив ответ Н. А. Герцена на свое предложение, Гершензон писал Стасюлевичу: «...оказывается, что они и мне не доверяют: сколько я могу понять, они требуют, чтобы им присылали на просмотр *до печатания* рукопись или корректуру. Он пишет: „Мы хотим своевременно видеть, что будет опубликовано; на этом последнем пункте настаивает моя тетка“⁴⁰⁸. Требования Натальи Александровны были сформулированы в ее письмах к Цветаеву от 19 июля и 27 сентября. Она просила, во-первых, прислать ей те письма, которые предлагалось запечатать, а в отношении всех остальных прислать ей официальное заверение музея, что ни одно из них не будет когда бы то ни было публиковаться без ее предварительного разрешения, а в случае ее смерти — без разрешения Терезы или Николая Герценов, во-вторых, она настаивала на передаче публикации Гершензону⁴⁰⁹. Тут Цветаеву пришлось решительно выступить в защиту своего сотрудника. Объяснив наследникам, какая работа уже проделана Георгиевским с этими письмами и подчеркнув, что именно «его стараниям мы обязаны открытием нескольких писем исключительно интимного характера, о которых я писал Вам и которые выделены в особый пакет и запечатаны», он указывал, что отстранение Георгиевского «навлекло бы на него невыгодные для его репутации нарекания», а Гершензон сам этого не желает и предлагал Георгиевскому вести по-прежнему публикацию «на условии раздела гонораара пополам между им, Георгиевским, и Лозанно»⁴¹⁰. Наследникам пришлось сдаться. Они отказались от требования о присылке писем на предварительный просмотр в Лозанну⁴¹¹ и примирились с продолжением работы Георгиевского⁴¹², уверенные, что самые опасные письма запечатаны, а из остальных, как уверял их Цветаев, исключено при публикации «все, так или иначе кого-либо из близких людей задевавшее»⁴¹³. Публикация писем в «Вестнике Европы» возобновилась в январе 1908 г.

Но помимо этой, обращенной к Лозанне, стороны дела, была у него еще одна, скрытая от Герценов сторона. 12 июня 1907 г. Цветаев сообщал Георгиевскому: «Ах, какое неприятное заявление получил я «от имени лиц, занимающихся русской литературой и русской историей» по поводу напечатанных Вами писем Герцена в «Вестнике Европы». Протестуют против продажи журналу в свою пользу чиновником музея такого нового и интересного литературного материала». Авторов протеста возмущало особенно, что публикация принадлежит чиновнику музея, «который к Герцену и его кругу не имел до сих пор никакого отношения»⁴¹⁴. Дело, конечно, было не столько в говораре, полученном Георгиевским, сколько в этих последних словах, скрывавших намеки на крайне реакционную общественную репутацию его как человека, близкого к Союзу русского народа и личного друга редактора «Московских ведомостей» В. А. Грингмута.

Однако Георгиевскому нетрудно было оправдаться в глазах своего директора, игнорируя эти намеки и отвечая только по существу. Он писал Цветаеву 15 июня 1907 г.: «Письма Герцена поступили с 1 января в общее пользование без всякого ограничения в чью-либо пользу, а я слышал неоднократно упреки, что медлю с опубликованием их в интересах гласности и публики. Кизеветтер и Калишевский настаивали на печатании их тотчас же после 1 января, ввиду их интереса. Что касается до печатания литературных и исторических материалов самими хранителями, то оно ведется давно (. . .) Сошлюсь на примеры особенно И. А. Бычкова, Шумигорского, Щеголева и др.». В конце он прибавлял: «...я очень рад, что вопрос о печатании и выборе журнала я решил в свое время с Вашего ведома»⁴¹⁵.

Доводы Георгиевского были вполне убедительны, и Цветаев, конечно, прекрасно знал, что сам дал ему согласие на печатание писем. Но это не помешало ему, как мы видели ранее, заявить наследникам Герцена о том, что публикация предпринята Георгиевским без его, Цветаева, ведома, и предложить ее прекратить.

Неловкость ситуации, в которой он оказался и перед Герценами, и перед Стасюлевичем, и перед своим ближайшим сотрудником Георгиевским, усугублялась тем, что едва стало известно в литературно-научной среде, близкой к музею, о намерении запечатать письма на столь долгий срок, а публикацию их не продолжать, как осуждение обрушилось на директора музея со всех сторон. Перед лицом всего этого Цветаев предпочел скрыть, что инициатива запечатывания писем исходила от него. Вот как осветил он это В. Е. Якушкину (и, со слов Якушкина, Гершензон передавал Лемке): «Цветаев, директор Румянцевского музея, получил письмо от Н. А. Герцен, где она пишет, что так как в письмах Герц(ена) и Огар(ева), поступивших с января в всеобщее

пользование, есть вещи, пока неудобные семейно для печати, то она спрашивает, как бы это сделать, чтоб они не получили гласности»⁴¹⁶. Ему же немного позднее Гершензон рассказывал о своей беседе с Цветаевым на эту тему: «По письму Н. А. Герцен Цветаев положил письма Г(ерцена) под спуд до истечения 50 лет (с какого срока — она не пишет, верно, с 1870). Я ему прямо сказал, что он не имеет права на это: 1) отданы были бумаги А. А. Герценом, а не Н(атальей) А(лександровной), 2) даже сам жертвователю, по уставу музея, не вправе менять первоначальное условие»⁴¹⁷. Узнав же потом от самих Герценов, как возник весь инцидент, Гершензон не мог скрыть от Лемке свое возмущение: «Каков Цветаев! Он рассказал мне эту историю, совершенно утаив свою роль в ней, а представил все дело так, что Н(аталья) А(лександровна), увидев в июньской кн(ижке) «В(естника) Е(вропы)» письма, сама вздумала написать ему, и написала именно о 50-ти годах. А что он первый написал им об интимности писем (. . .), об этом ни слова»⁴¹⁸.

История эта имела продолжение на этапе следующего и наиболее крупного начинания публикации наследия Герцена — издания М. К. Лемке, и об этом будет сказано в своем месте. Здесь же необходимо сказать только, что все уверения Цветаевым наследников, что часть писем запечатана, но соответствовали действительности. Показались ли ему убедительными доводы Гершензона, или иная была причина, но в 1907 г. ничто запечатано не было. Герцены еще долго не подозревали об этом, но весь инцидент серьезно поколебал их доверие к музею. Более ни один подлинный документ от них в музей не поступил. Все их отношения с Россией сосредоточиваются с этого времени на подготовке порученного ими Лемке собрания сочинений Герцена. Но прежде чем перейти к этому важному в истории наследия Герцена этапу, остановимся на последующей деятельности Гершензона, относящейся к истории архива Герцена и Огарева.

За все годы, в течение которых он занимался разысканием рукописей и писем Герцена и Огарева, лишь дважды ему довелось столкнуться с решительным отказом владельцев предоставить материалы для печати или передать их в какое-либо из русских хранилищ. Во-первых, ему, как и ранее Некрасовой, не удалось получить доступ к документам, хранившимся у А. В. Станкевича. Некрасовой Станкевич в свое время ответил так: «Что касается писем и портретов, о которых Вы пишете мне, то пока я еще не могу передать их в музей, руководствуясь желанием лиц, поручивших их мне»⁴¹⁹ («лица» эти были члены семьи Корш, и, очевидно, доверяя документы Станкевичу, они указали срок их ограничения от использования). Гершензон попытался проинкнуть к материалам через женатого на приемной дочери Станкевича В. И. Герье, но тоже получил отказ⁴²⁰. Мотивировка, правда, была на этот раз иной: Станкевич был недоволен отзывом Гершензона о Грановском в его работе «История одной дружбы»⁴²¹. Станкевич и впредь не только никого не допустил к хранившимся у него документам до самой своей смерти (1912), но, видимо, оставил подобные распоряжения своим наследникам. Во всяком случае, материалы не были предоставлены даже Лемке — и находившиеся среди них шестьдесят два письма Герцена он печатал не по подлинникам, а по копиям, снятым в свое время П. В. Анненковым и сохранившимся в архиве А. Н. Пыпина⁴²². Подлинники поступили в «Комнату людей 40-х годов» только в 1920-е гг. от Е. В. Герье.

Неудача ожидала Гершензона и в попытке ознакомиться с материалами Герцена и Огарева в архиве Пыпина, находившиеся к этому времени в руках его зятя Е. А. Ляцкого⁴²³.

В последние предреволюционные годы Гершензон, казалось, совсем отошел от занятий Герценом и Огаревым. Он охотно и активно помогал Лемке, но этим дело и ограничивалось. Однако обстоятельства заставили его снова надолго обратиться к этой теме.

Осенью 1913 г. скончалась Н. А. Тучкова-Огарева. Написав в связи с этим Н. Н. Сатиной, Гершензон вскоре получил ответ, касавшийся бумаг покойной. Н. Н. Сатина писала ему: «Что же касается ее писем и бумаг, их действительно очень много, но не знаю, удастся ли мне их раздобыть, во всяком случае, если и удастся, то не скоро (. . .). Самое хорошее, что Вы бы могли сделать, это приехать на два или три дня сюда на Шалму, и тогда Вы бы сами разобрались и с корзинкой, и с остальными бумагами»⁴²⁴.

Надо сказать, что этому письму Сатиной к Гершензону предшествовала некоторая ее переписка с Н. А. Герцен. Наталья Александровна, возможно, опираясь на какие-то слова Тучковой-Огаревой, которые могли быть сказаны во время их последнего свидания в 1912 г. в Берне у М. К. Рейхель⁴²⁵, была уверена, что та завещает ей хранящиеся у нее письма Герцена. По крайней мере, она уверенно писала об этом Лемке⁴²⁶. Узнав в начале 1914 г. о кончине Натальи Алексеевны, она его же просила «раздобыть хоть часть оставшихся бумаг, относящихся к моему отцу»⁴²⁷. Тогда же она написала Н. Н. Сатиной — но ответ последней ее не обнадежил. «Об эпистолярном наследстве пока ничего не говорит, — писала Н. А. Герцен Лемке 24 февраля

1914 г., — только обещает рассмотреть письма и сообщить»⁴²⁸. Гершензону, как видим, Сатина ответила иначе.

В феврале 1914 г. Гершензон сообщил брату: «...уезжал на два дня в Пензенскую губернию. Дело в том, что недавно умерла старушка Огарева. Я списался с ее племянницей насчет оставшихся бумаг, и когда выяснилось, что там некому их разобрать, я решил съездить. <...> Привез целый ящик бумаг и много вещей: последнюю шляпу Герцена, шляпу Огарева, много портретов и проч. Эти вещи сдал в Румянцевский музей, письма Герцена — Лемке для его издания Герцена»⁴²⁹. Одновременно он извещал Лемке, что, с согласия Н. Н. Сатиной, посылает ему «гору писем Герцена», которые, сняв копии, тот должен был вернуть для передачи в музей⁴³⁰. Все, переданное в 1914 г. Гершензоном в Румянцевский музей как дар Н. Н. Сатиной, подробно перечислено в «Отчете» музея. Помимо названных вещей и других реликвий (конверт с волосами А. А. Тучкова, медальон Н. А. Тучковой-Огаревой, вышивки, портфель и сумка Лизы), фотографий, литографированных и гравированных портретов Тучковых, Огаревых, Герценов, родственников и знакомых, даггерротипа Натальи Алексеевны с Лизой на руках, в музей поступили девять писем Герцена к Наталье Александровне, письма его к Наталье Алексеевне и Лизе, письма Огарева к первой жене, его рукописи и тетради, учебные тетради Лизы, некролог Герцену рукою Н. М. Сатина⁴³¹. Но значительный комплекс материалов остался у Гершензона, намеревавшегося тут же приступить к его публикации. В числе их он оставил у себя большую группу документов из архива самой Н. А. Тучковой-Огаревой — и периода ее жизни в эмиграции после смерти Герцена, и трех с половиной десятилетий после возвращения на родину. Нет, однако, сомнения, что этот архив был им отобран не полностью — в нем нет, например, писем Некрасовой, которые должны были представлять значительный интерес, нет ее переписки с приемной дочерью и многого другого. Не полностью сохранились ее мемуарные рукописи — нет, в частности, полного текста ее «Воспоминаний»⁴³².

Получив от Гершензона оттиск его некролога Н. А. Тучковой-Огаревой, напечатанного в «Русской мысли»⁴³³, Н. А. Герцен писала ему: «С большим интересом прочитала эту статью. Я очень рада, что Вы защищаете Н(аталью) А(лексеевну) и реабилитируете ее. Я тоже всегда ее защищала, но все же нахожу, что Ваша характеристика слишком смягчена розовыми тонами. Н. А. обладала невыносимо тяжелым характером, от которого все ее близкие с детства ее, и мы все очень страдали. Спросив затем, каким образом в руках Гершензона оказались бумаги покойной («Она Вам их сама дала или Вы их получили уже после ее смерти?»), Н. А. Герцен не проявила никакого интереса ни к их составу, ни к их дальнейшей судьбе, примирившись, по видимому, с тем, что к ней они не попадут»⁴³⁴.

Значительная часть хранившихся с этого времени у Гершензона материалов была напечатана им в сборниках «Русские Пропилеи» (т. 1—4), «Новые Пропилеи», «Архив Н. А. и Н. П. Огаревых». Если в первых двух томах «Русских Пропилеев» использовались и материалы, хранившиеся в Румянцевском музее, и копии, ранее полученные из Швейцарии, в третьем томе совсем не было документов Герцена и Огарева, то 4-й том и, в особенности, книга «Архив Н. А. и Н. П. Огаревых», законченная Гершензоном в 1924 г.⁴³⁵, но вышедшая в свет только в 1930 г., после его смерти, целиком построены на документах, полученных после смерти Тучковой-Огаревой.

Все оставшиеся у него бумаги много лет спустя поступили на государственное хранение от вдовы Гершензона Марии Борисовны. В феврале 1933 г., в самом начале деятельности Литературного музея, она, через М. А. Цявловского, предложила их В. Д. Бонч-Бруевичу. В ответ на его восторженный отклик, она сообщала: «Архив содержит в себе свыше трех тысяч документов (3400). Его можно подразделить следующим образом:

I. Бумаги Огарева, составляющие большую часть архива, в них включены архивы Сатиных и Тучковых <...>

II. Архив Римских-Корсаковых.

III. Архив Печерина.

IV. Бумаги Чадаева.

V. Два дневника Киреевских (Ив(ана) Вас(ильевича) и Мар(ии) Вас(ильевны)).

Я очень хочу, чтобы все эти материалы не лежали без употребления, а были разобраны и представлены в пользование людей, изучающих старину, — надеюсь, что Центральный Литературный музей, как учреждение новое, наиболее соответствует такой цели»⁴³⁶. Находившиеся у нее бумаги Герцена М. Б. Гершензон считала входящими в первый из перечисленных ею разделов. Весь этот огромный массив документов был приобретен Литературным музеем, и то, что в нем

КОМНАТА 1840-х ГОДОВ В РУМЯНЦЕВСКОМ МУЗЕЕ

Фотография К. Фишера, 1906

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

относилось к Герцену и Огареву, было вскоре подробнейшим образом описано в печати, с тех пор войдя в науку⁴³⁷. Вместе со всеми рукописными материалами Литературного музея они в 1941 г. были переданы в состав фондов ЦГАЛИ СССР. Здесь документы, поступившие от М. Б. Гершензон, составили основу ряда отдельных фондов⁴³⁸.

По тем или иным причинам, отдавая материал в Литературный музей, М. Б. Гершензон кое-что оставила у себя — может быть, просто не нашла своевременно. Позднее она передавала это уже в другие хранилища. Так, в 1939 г. от нее поступили в Отдел рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина (бывшее рукописное отделение Румянцевского музея, куда к этому времени влились и фонды закрывшейся «Комнаты людей 40-х годов») некоторые автографы Герцена (статьи «Москва — мать и мачеха», «À nos frères polonais», брошюра «Речь при открытии публичной библиотеки в Вятке» с дарственной надписью матери), письмо Бакунина Герцену, Правила Акционерного общества вольной русской типографии⁴³⁹, а также автографы Гарибальди и Чернышевского.

Несомненно из ее же собрания происходит тетрадь с дневниковыми записями Герцена 1856 и 1860-х годов, содержащая также сделанные Герценом (а отчасти Тучковой-Огаревой) копии: дневника Натальи Александровны (под заглавием «Inside. Глава первая. Из журнала женщины»), ее писем к Огареву, двух собственных писем к Н. А. Тучковой-Огаревой и письма к дочери Тате от 5—10 декабря 1862 г. (теперь эта тетрадь хранится в Пушкинском доме⁴⁴⁰).

Нельзя сомневаться в том, что тетрадь находилась у Н. А. Тучковой-Огаревой до конца ее жизни и была привезена Гершензоном из последней его поездки к Сатиной. Об этом свидетельствует ряд обстоятельств. На самой тетради (л. 38 об.) имеется поздняя помета Н. А. Тучковой-Огаревой: «Страницы, исполненные любви, особенно к Леле и Лизоч(ке), вырваны Алекс(андром) Алекс(андровичем) в то время, когда я жила у него на даче в страшные дни после внезапной кончины Л(изы). Он почти не писал в хорошие минуты, а в мрачные», дословно совпадающая с текстом в ее письме 1894 г. к Е. С. Некрасовой⁴⁴¹. Скорее всего, помета была сделана одновременно с письмом. Лемке, получивший в Лозанне копии почти всех дневниковых записей Герцена, обнаружившихся потом и в этой тетради (среди этих копий не было лишь текста короткой записи от 29 ноября 1868 г., впервые напечатанной только в «Литературном наследстве»⁴⁴²),

знал, вероятно со слов Н. А. Герцен, что тетрадь с дневниковыми записями Герцена принадлежала после его смерти Наталье Алексеевне. Печатавая записи в собрании сочинений, вот как он их комментировал: «Сверено с подлинником, хранящимся в АСГ. Эта вырванная страничка, как и другие (далее) указывает на возвращение Герцена время от времени к записыванию своих мыслей и переживаний; куда делись самые дневники, неизвестно; хранились они после его смерти у Н. А. Огаревой» (Л X, 492). Из самого контекста ясно, что это примечание было составлено раньше, чем Лемке узнал, что тетрадь нашлась.

19 февраля 1914 г. Гершензон, с самого начала работы Лемке над собранием сочинений Герцена не печатавший ничего из его рукописей и писем, писал Лемке: «Среди бесчисленных бумаг, которые я передам Вам, есть несколько листов записей Герцена 1860-х годов, на манер латинического дневника — коротенькие записи. В них много горечи и скорби. Прошу у Вас разрешения напечатать их до Вашего издания»⁴⁴³. С такой же просьбой он обратился к Н. А. Герцен. Она отвечала ему 17 мая 1914 г.: «Я в принципе согласна на их печатание, но все-таки хотела бы видеть и прочтаты их еще до набора, чтобы иметь представление, о каких листках идет речь». Лемке же она писала: «Гершензон, по-видимому, Вам сообщил, что он получил бумаги Огаревой и среди них кое-какие листки, писанные папашей. Как же Вы нам не сказали об этом? Гершензон желает напечатать эти листки и говорит, что Вы согласны; он спрашивает у нас разрешения»⁴⁴⁴. Начавшаяся вскоре война прервала переговоры по этому поводу и помешала отправке текста в Лозанну; кончилось тем, что Гершензон не напечатал записи Герцена. Несомненно, однако, что хотя он все время упоминал о «листках», в его руках была именно эта тетрадь — и вот почему: печатавая в I томе «Русских Пропиловых» дневник и письма Натальи Александровны Герцен, он указывал в предисловии: «Как дневник, так и письма печатаются с подлинников, исключая второго и третьего писем к Огареву и последнего письма к Н. А. Тучковой, которые печатаются с копий, писанных рукою А. И. Герцена»⁴⁴⁵. Последнее письмо Н. А. Герцен к Н. А. Тучковой от 2 марта 1852 г. было после смерти жены собственноручно переписано Герценом и именно эта копия отослана адресатке в Россию. Понятно, что она хранила ее до конца жизни. Что же касается до упомянутых писем к Огареву, то дело обстоит сложнее. «Второе» (от января 1847 г.) сохранилось не только в копии в тетради, но и в автографе, который, возможно, не сразу был обнаружен Гершензоном при разборе бумаг (оно на маленьком клочке и имеет помету даты рукою Гершензона⁴⁴⁶). Но «третье» письмо (от 3 августа 1847 г.) вообще в подлиннике неизвестно, и текст его Гершензон мог извлечь только из этой самой тетради, куда оно, как и предыдущее, было переписано Герценом.

Не совсем ясно, почему Лемке не воспользовался все же впоследствии автографами Герцена в тетради, а печатал дневниковые записи по полученным в Лозанне копиям, не исправив даже комментария. Скорее всего Гершензон оставил тетрадь у себя, надеясь на публикацию, а за время войны Лемке попросту об этом забыл. Остается, однако, открытым более существенный вопрос: что же за тексты тех же дневниковых записей оставались в семейном архиве и копировались для него в Лозанне — были ли это подлинные автографические записи Герцена, вырванные из этой же или другой, предшествующей тетради, а потом переписанные Герценом вместе с дневником и письмами жены в интересующую нас тетрадь, или же Лемке, как это бывало и в других случаях, назвал «подлинниками, хранящимся в АСГ», имевшиеся в семейном архиве копии (местонахождение которых теперь неизвестно). Вероятнее все же первое предположение. Трудно поверить, что копии можно описать в комментарии как «вырванные листки». Кроме того, в тетради Пушкинского дома есть записи Герцена на вклеенных листках, вырезанных из другой тетради. Более того: есть случай, когда начало записи (от 27 апреля 1862 г.) рукою Герцена находится на вклеенном листке, а затем в тетради им приписан остальной текст. Если это предположение верно, то переписывание Герценом и объединение в одной тетради своих глубоко интимных записей с дневником и письмами жены под заголовком «Inside» указывает, может быть, на некий замысел, связанный с работой над рассказом о семейной драме⁴⁴⁷.

Путь интересующей нас тетради от собрания М. Б. Гершензон до Пушкинского дома прослеживается лишь частично. Сюда ее передали в 1951 г. из ИМЛИ в составе небольшой группы автографов Герцена, собранных в рукописном отделе института в 1930-е годы из разных источников. Данная тетрадь поступила в ИМЛИ из Союза советских писателей⁴⁴⁸. Сама ли М. Б. Гершензон передала ее в Союз писателей или были промежуточные звенья, выяснить не удалось. После смерти М. Б. Гершензон никаких автографов Герцена или Огарева в архиве ее семьи не осталось.

V

После 1906 г. из зарубежного архива Герцена и Огарева ничто до революции не поступало более в русские хранилища. Огромный труд Лемке по выявлению наследия Герцена для собрания его сочинений подобных последствий, как известно, не имел. Семья Герценов предоставляла ему не подлинники, а копии, лишь в единичных случаях — экземпляры заграничных печатных изданий Герцена, иногда с дарственными надписями — но с непременным условием возврата. О передаче их в какое-либо русское хранилище и речи не было. Так, посылая ему в апреле 1913 г. лондонское издание «Былого и дум», Н. А. Герцен напоминала: «Экземпляр «Былого и Дум» нам особенно дорог, так как он был нам подарен отцом, который сам заказал переплет и сделал надпись. Я не сомневаюсь, что вы позаботитесь об его сохранности, но все же прошу при обратной отправке обратить внимание на ушакровку»⁴⁴⁹. Аналогичные просьбы были и в других случаях: «Книги, по миновании надобности, пришлите мне обратно. Я очень дорожу экземпляром «Полярной звезды», подаренным мне папашей»⁴⁵⁰. Даже находя в России документы Герцена, Лемке не только не передавал их в музеи или библиотеки, но считал себя обязанным добиваться передачи их Герценам. Он писал Н. А. Герцен 20 ноября 1913 г.: «Пошлите, пожалуйста, благодарность (. . .) Василию Ивановичу Яковлеву (СПб., Невский 69) за подаренные им мне для Вас дипломы Герцена»⁴⁵¹.

Воспользоваться подлинниками Лемке смог только во время единственной своей поездки в Швейцарию осенью 1912 г. «Ездил с 8 октября по 28 октября, — записал он в своем дневнике за 1912 г. — Прожил в Лозанне 16 дней и работал там по 12 часов в сутки, чем всех удивлял. Набрал горы и очень доволен»⁴⁵². Но ни один подлинник из этих «гор» он в Россию не привез. Копии для него снимались разными переписчиками, далеко не всегда разбиравшими почерк Герцена (прав был Гершензон, в начале работы Лемке предостерегавший его: «Писем масса, почерк Герцена — один из труднейших, какие я знаю»⁴⁵³). Значительную часть текстов скопировал близкий к семье Герценов Я. А. Зильберштейн, «смирновец», под этим прозвищем постоянно упоминавшийся в переписке Лемке с Лозанной⁴⁵⁴, — его аккуратности Лемке доверял как будто более других. Он, в частности, скопировал все письма Герцена из Рапперсвилльского архива, доставленные, по просьбе Ник. А. Герцена, хранителем архива в Лозанну⁴⁵⁵. Но и в его копиях, при сличении двух списков одного документа, Лемке с ужасом обнаруживал многочисленные разночтения. 16 января 1914 г. он писал Наталье Александровне: «Пришел сейчас в такой страх, что спешу Вам его поведать. Прилагаемая копия у меня в двух экз., оба писаны «смирновцем» и разница между ними громадная: до 20 ошибок, если сравнивать их между собой (. . .). Меня страшит другое: те копии, которые снимались без моей проверки, может быть, также не исправны?»⁴⁵⁶. Но мало этого — в иных случаях Лемке получал копии не с подлинников, а с копий. Так было, в частности, с письмами Герцена к дочери Ольге и к Мальвиге Мейзенбург. Ольга Александровна прислала сестре в 1913 г. копии некоторых писем отца к себе, сделанные сестрой Г. Моно (преобладающая часть писем вообще не была скопирована и оставалась неизвестной до нашего времени, увидев свет только в 1970 г.⁴⁵⁷). Но Н. А. Герцен послала Лемке не эти копии, а новые, снятые Я. А. Зильберштейном⁴⁵⁸. К проявившейся в этом двухэтапной семейной цензуре добавились, несомненно, ошибки двух копиистов.

Все изложенные обстоятельства снимают вопрос о важности материалов, не дошедших к Лемке от Герценов вследствие нарушения почтовых связей в начале первой мировой войны. Судя по тому, что Лемке не ответил на неоднократные вопросы по этому поводу Натальи Александровны (хотя и упомянул об этой пропаже в предисловии к своему изданию), нельзя предполагать потерю многих посылок⁴⁵⁹, а в них — подлинников.

Таковы были условия работы Лемке над материалами, оставшимися за рубежом. Обширнейшие, без сомнения, подготовительные материалы к изданию Лемке практически отсутствуют в его архиве, хранящемся в Пушкинском доме (есть там только библиография Герценовской иконографии⁴⁶⁰). Не упоминает о них и М. Г. Вандальковская, видевшая бумаги, до сих пор остающиеся у дочерей Лемке⁴⁶¹. Можно думать поэтому, что они не сохранились, — а именно они могли бы устранить многие недоумения, возникшие после издания Лемке, главным образом вследствие крайне неудачно избранного Лемке и нанесшего огромный вред последующей ориентировке в материалах архива Герцена условного указания на хранение их в семье (АСГ).

История издания Лемке и его архивных поисков достаточно освещена в науке⁴⁶², и это избавляет нас от необходимости подробно на ней останавливаться. Следует сказать, однако, что как источник для истории архива Герцена и Огарева издание Лемке все еще осмыслено не полностью. Анализ сведений, рассыпанных в обширных комментариях Лемке, в сопоставлении с

данными о наличии рукописей в советских и зарубежных хранилищах, не может, к сожалению, быть сделан и в настоящей работе: это предмет особого исследования. Поэтому мы ограничимся здесь лишь несколькими вопросами, либо прямо связанными с историей архива, либо нуждающимися в уточнениях.

Первый из них — вопрос об инициативе издания и о препятствиях, надолго задержавших его реализацию. В литературе история эта излагается примерно так: инициаторами явились наследники Герцена, от имени которых Николай Герцен обратился к Лемке с предложением принять новое издание сочинений деда и взять на себя редакцию; препятствия возникли вследствие тяжбы с душеприказчиками Павленкова, считавшими, что «им принадлежит монополия на издания Герцена»⁴⁶³ (из самой формулировки вытекает мысль о неправомерности претензий фирмы). Все это, однако, требует корректив.

Рассказывая о начале сношений Лемке по этому поводу с семьей Герценов, М. Г. Вандалковская пишет: «Сын Герцена — Александр Александрович — был солидарен с Лемке в оценке семитомного, далеко не полного и искаженного издания фирмы Павленкова», доказывая это цитатой из письма А. А. Герцена к Лемке от 12 октября 1905 г.: «Первая, главная цель наша была проломить цензурный лед во что бы то ни стало»⁴⁶⁴. Только эти слова цитирует из данного письма и В. И. Кулешов⁴⁶⁵. В действительности оценка А. А. Герценом павленковского издания вовсе не совпадала с мнением Лемке — и это ясно из того же самого письма. Вот что он писал: «К изданию Павленкова Вы относитесь, мне кажется, слишком строго. Первая главная цель наша была *проломить цензурный лед* во что бы то ни стало, рассчитывая на то, что потом дыра станет мало помалу расширяться. Я первоначально желал издать лишь «Былое и Думы» и не смел надеяться, что позволят больше; так что я и этим изданием крайне доволен. Что в нем много недостатков — несомненно; будем надеяться, что следующие будут и лучше и полнее»⁴⁶⁶. Зная трудную цензурную историю павленковского издания, нельзя не признать, что мнение А. А. Герцена объективно было более справедливым — тем более, что Лемке, гневно обрушиваясь на своих предшественников, совершенно не учитывая иные общественно-политические и цензурные условия, в которых они работали, сам вынужден был не раз отклоняться от своего стремления издать «полного» Герцена, отступая и перед цензурой и перед требованиями семьи Герцена. Неднократно вступая в споры с Н. А. Герцен по поводу изъятия из издания тех или иных текстов, он, тем не менее, и сам в иных случаях предлагал такой отбор. 12 мая 1913 г. он писал ей о переписке Герцена и Огарева: «Я думаю, что надо отложить все те письма, в которых сказано больше, чем напечатано в «Вестнике Европы», и если это большее таково, что проливает свет на отношения к Огаревой и пр.»⁴⁶⁷. Узнав о письмах, найденных Натальей Александровной на чердаке, он просил не только скорее прислать их копии (дело происходило в ноябре 1914 г., когда тома уже печатались), но и отметить места, не подлежащие публикации⁴⁶⁸.

В историю возникновения замысла издания и взаимоотношений Лемке с семьей Герцена вносит ясность переписка Лемке и Гершензона. Начав в 1905 г. работать над книгой о Герцене и опираясь при этом почти исключительно на печатные источники, Лемке настолько слабо еще ориентировался в источниках архивных, что задавал Гершензону самые элементарные вопросы о их составе⁴⁶⁹. Несмотря на уверения Гершензона, что у А. А. Герцена более ничего не удастся получить, он все-таки к нему обратился. 5 октября 1905 г. он сообщал Гершензону: «К Герцену решил все-таки написать: а может быть, думал я, он что-нибудь еще разыскал, да и требования наши к материалу различны. Вот его ответ». Посланный при этом письме ответ А. А. Герцена уже приводился в печати: «Вы совершенно ошибаетесь, предполагая, что у меня находится еще богатый материал, относящийся к жизни или деятельности моего отца: *кроме неизданной тетради «Былого и Дум»* (которую мы порешили не выпускать, во всяком случае, прежде 1920 г.), у меня нет ничего, и все, что находилось у меня, находится теперь в Москве в Румянцевском музее»⁴⁷⁰.

Нас, представляющих себе реальный объем материалов, «относящихся к жизни или к деятельности» Герцена и в 1905 г. хранившихся у его сына, письмо это сперва поражает. Но если вдуматься — это пример того взаимного непонимания, которое осложняло выявление материалов, находившихся в семье. Отрицая наличие у себя материалов, А. А. Герцен вовсе не старался ввести Лемке в заблуждение. Просто он понимал его обращение как запрос о *неизданных автографах* Герцена — и в этом смысле отвечал правдиво. Не понимая, например, значения различных редакций писем «К старому товарищу», считая их изданными (ведь он сам их публиковал в «Сборнике посмертных статей»), он и вообразить не мог, что для верного ответа на вопросы Лемке должен был бы упомянуть о них. Подобный характер ответов членов семьи Герцена встре-

чается и в ряде других случаев — приведем, например, письмо Н. А. Герцен к Л. Э. Бухгейму от 13 декабря 1913 г. Благодаря его за финансовую поддержку издания Лемке, она писала: «Я помнила, что Вы обратились ко мне с просьбой дать Вам для печати материал из литературного наследства моего отца. Я тогда отказала Вам и сказала, что таких материалов у меня нет. И это была правда, так как у меня были только письма моего отца, о печатании которых тогда и думать было нельзя»⁴⁷¹. В переписке Лемке с А. А. Герценом вопрос о новом собрании сочинений вообще еще не поднимался, Лемке занимался тогда лишь отдельными публикациями по Герцену⁴⁷². В апреле 1907 г. Лемке впервые упомянул в письме к Гершензону о мысли издать собрание сочинений Герцена: «Знаете, я подумываю, не заняться ли нам здесь с осени редактированием нового собрания сочинений Герцена!... Ведь Вы знакомы с Яковенком, а он теперь достаточно знаком с отношением публики к его изданиям... Надо бы это сделать». «Герцен в кабале у Павленкова,— отвечал Гершензон,— мне кажется, что переиздать его вправе только Яковенко, или у него надо кушнить это право — а куда он денет свое горе-издание?»⁴⁷³ Но Лемке не сдавался: он предложил добиться, чтобы Маркс купил у Яковенко право издания Герцена в приложениях к «Ниве», «а наследников настроить не только в пользу такой комбинации, но и на требование с их стороны, чтобы редакция принадлежала таким-то лицам»⁴⁷⁴. В этом смысле он и изложил свою идею Николаю Герцену. Тот сперва отклонил это предложение, объяснив, что его отец продал Павленкову право публикации трудов Герцена «на шесть лет с момента выхода в свет первого издания» и, следовательно, до 1911 г. он, Н. А. Герцен, обязан возражать против публикации в России всех тех произведений деда, какие уже изданы фирмой Павленкова⁴⁷⁵. Лемке написал Н. А. Герцену еще одно письмо, где продолжал убеждать его в возможности перепродажи этого права Марксу. Ответ Николая Герцена на это письмо до сих пор неправомерно считался его инициативой и исходной точкой всего дела. Вот как излагал Лемке Гершензону свое письмо, на которое он и получил этот ответ: «... я прибавил, что считаю нужным сказать лишь, что как бы они ни продали право издания, они обязаны предъявлять издателям требование вести издание под редакцией лица, вполне для этого подходящего. Иначе издание будет недостойно памяти Герцена. Прилагаемое письмо является ответом на это. Видит бог, что я ни одним словом не намекал на себя, и потому совершенно свободен перед Герценами»⁴⁷⁶.

Переписка Лемке с Герценами отражает всю последовательность их споров с душеприказчиками Павленкова о сроках прав фирмы на издание. Она не оставляет сомнения в законности этих прав. Включившись в это дело и выясняя историю вопроса, Лемке понял, что оспорить эти права в принципе не удастся. Однако он установил, что фирма напечатала двойной, по сравнению с соглашением, тираж и начал «настраивать Герцена поднять скандал»⁴⁷⁷. Но Яковенко предъявил копию письма А. А. Герцена от 6 ноября 1897 г., доказав, что фирме было продано право издания «не на известное число экземпляров, а на известное число лет», а именно — на 10 лет (а не 6, как думал ранее Н. А. Герцен) с момента выхода в свет первого тома. Таким образом, фирма была вправе не допускать других изданий до 22 июля 1915 г.⁴⁷⁸ Попытка судебного иска наследников А. А. Герцена к фирме успеха не имела (дело слушалось в ноябре 1910 г., иск наследников защищал Новиков, фирмы Павленкова — один из известнейших адвокатов того времени Грузенберг), и Лемке вынужден был, как известно, начать работать впрок, ожидая истечения указанного срока.

Собирая понемногу в течение нескольких последующих лет материалы, он реально приступил к работе над собранием сочинений только в начале 1912 г. «Недавно Н. А. Герцен напомнил мне,— писал он Гершензону 29 марта 1912 г.,— о моем согласии редактировать полное собрание сочинений Герцена и просил не отказаться от редактирования отдельно «Былого и Дум», которые он думает издать теперь же, в силу перемирия, заключенного с душеприказчиками Павленкова, сохранившими, однако, за собой право на сочинения до 22 июля 1915 г.» Речь шла об издании «Былого и дум», задуманном «Кружком имени Герцена». Убедив Николая Герцена не соглашаться на это отдельное издание, Лемке здесь же сообщил ему, что немедленно приступает к работе над собранием сочинений. Скажем, кстати, что идея соредакторства с Гершензоном, обсуждавшаяся в 1907 г., к этому времени давно отпала — и вовсе не потому, как объясняет М. Г. Вандалковская, что Лемке не одобрил его «веховские» настроения и связанную с ним оценку русского революционного движения. Перепиской Лемке это вовсе не подтверждается. Следует подчеркнуть прежде всего, что в 1912 г. Лемке был еще далек от своих будущих идейных позиций и никаких серьезных разногласий с Гершензоном у него не было. Больше того — вскоре после выхода «Вех» Лемке выражал полное согласие с заключенными в них идеями. Он писал Гершензону 6 апреля 1909 г.: «Вехи» не только пользуются моей поддержкой и сочувстви-

ем, но и больше: если их сравнить с записями в моем дневнике за 1905—1909 годы, то можно было бы подумать, что он местами просто выписан кем-то у меня, — до того схожи даже самые слова и фразы, не только сущность отдельных мыслей. Наша интеллигенция должна была получить хотя бы такой первый урок, какой дали ей Вы и другие Ваши товарищи по сборнику. Мы слишком преступно самоуверены и слишком плохо понимаем самих себя». Не расходились они в это время и по другим вопросам. Лемке отрицательно относился к деятельности и направлению «Кружка имени А. И. Герцена» и весьма резко высказывался о тех из его членов, кто популяризировал «один бок Герцена, поскольку он отвечает кадетским надеждам»⁴⁷⁹ (отметим, впрочем, что чисто кадетским было руководство кружка, весь же его состав был довольно пестрым: в него входили, например, такие люди вовсе не кадетской ориентации, как Герман Лопатин, В. Г. Короленко, Н. А. Морозов и др.⁴⁸⁰). И Гершензон и Лемке были единодушны в противоположности замысла кружка: к изданию «Былого и дум», опережающему новое собрание сочинений Герцена, и созданию Герценовского музея в Петербурге (по этому последнему поводу Гершензон писал Лемке: «Герценовский музей в Петербурге» — нелепость; материалов найдется уже немного, и им место там, где находится все — т. е. в Комнате людей 40-х годов»⁴⁸¹). Идея соредакторства отпала задолго до 1912 г. из-за различия взглядов на план издания, а, главным образом, в связи с изменением направления научных интересов Гершензона. И в самом начале он брался только за вступительную статью. Когда речь шла еще об издании в приложениях к «Ниве», рассчитанном на несколько лет, он писал Лемке: «Я бы с охотою написал введение — большое, стр. в 120, т. е. так: в первом году Вы даёте биографию, во втором, или, если угодно, тоже в первом, я пишу введение из 4 глав: 1) философское мировоззрение Герцена, 2) русская политическая деятельность Герцена (. . .), 3) Герцен как посредник между Россией и Западн(ой) Европой, 4) Герцен — писатель»⁴⁸². Но как только началась разработка плана, выяснились слишком большие разногласия, чтобы дальше могла идти речь о совместном редакторстве⁴⁸³. После 1907 г. вопрос об этом в переписке уже не поднимался. В 1919 г., благодаря Лемке за присланные ему тома собрания сочинений, Гершензон писал ему: «Кроме расположения материала, с которым я и теперь не согласен, все великолепно»⁴⁸⁴.

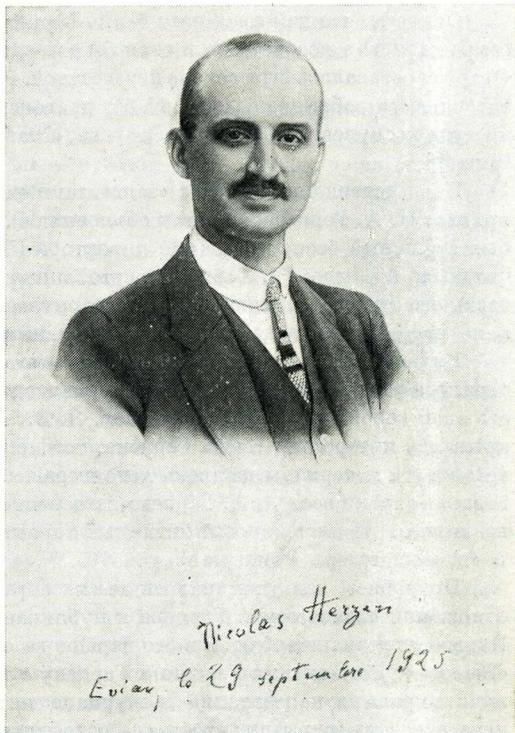
Переписка проливает свет и на объем сведений о документах Герцена и о их местонахождении, которым располагал Лемке, приступая в 1912 г. практически к изданию. Сведения эти были еще крайне ограничены — и быстрота, с которой Лемке за следующие два года овладел гигантской массой материала, приводит в изумление. Напомним, что в конце 1913 г. первые тома были сдааны уже им в набор, а за полтора года до этого он еще не приступил к использованию московского, главного для его работы хранилища. Для представления о реальных условиях использования рукописей, хранившихся в «Комнате людей 40-х годов», приведем их характеристику из письма Гершензона к Лемке: «Когда Вы просите чего-нибудь из «Комнаты», начинается волокита. Помощник берет ключи и отправляется в поход, причем Вам не возбраняется сопутствовать ему; дойдя, он долго ищет в связке ключ, наконец отпирает тяжелую дверь (. . .). Затем опять история с ключами: все вещи в витринах, витрин много, все заперты; он пробует один ключ, другой, наконец отпирает, вынимает нужную Вам папку или папки, и тогда опять все запирается, и Вы идете наверх. Там он посадит Вас за отдельный стол недалеко от себя и даст Вам — без знакомства только одну бумажку, а при знакомстве — целую папку. Через час-два Вы кончили работу над этой папкой, Вам нужна другая, а помощника нет за его столом, Вы ждете, досадуете, проходит полчаса, Вы отправляетесь искать его, теряете бездну времени и, наконец, получаете опять одну папку (. . .) Прибавьте к этому, что помощник и вообще приходит в музей только в 12 час., а то и в первом, а закрывается музей в 3 часа»⁴⁸⁵. Подобные же сведения он сообщал о Щукинском музее: «О Герцене его не спрашивал, а если и спросить, он скажет: «нет», — а это значит, прежде всего, что он не помнит, есть ли, а если скажет: «есть», то, значит, лежит где-нибудь близко, и он принесет, не зная что там, и надо сесть в самой неудобной обстановке смотреть, что есть. Это опять неправдоподобно, как насчет Румянцевского м(узея), а между тем — чистая правда (. . .). Советую Вам сохранить эти письма: когда Вы или Ваш секретарь приедете в Москву искать Герцена, эти письма помогут Вам сохранить самообладание»⁴⁸⁶.

Даже при более благоприятных условиях длительная работа в Москве была невозможна для Лемке в связи с его служебным положением. Поэтому он обратился к наследникам Герцена с просьбой о ходатайстве перед дирекцией Румянцевского музея о высылке ему рукописей в Петербург. 12 мая 1912 г. А. А. Шахматов как директор I отделения Библиотеки Академии наук обратился в музей с письмом, к которому было приложено ходатайство наследников о пересылке в Петербург «решительно всех писем и бумаг, не ограничиваясь лишь теми, которые подлежат

выдаче каждому постороннему, но включив сюда и те, которые такой обыкновенной выдаче не подлежат. В соответствии с этим письмом директор музея князь В. М. Голицын написал 17 мая министру народного просвещения о том, что не имеет препятствий к пересылке и просит «исходатайствовать на этот предмет высочайшее разрешение»⁴⁸⁷. Ответа пришлось ждать несколько месяцев; только 27 сентября музей получил, наконец, разрешение Министерства «на основании высочайшего повеления», и тут же выслал первую партию рукописей⁴⁸⁸. Дела музея сохранили печальную летопись мытарств, которые претерпел и после этого Лемке: между возвращением одной партии и высылкой следующей проходили иной раз месяцы; были и случаи отказов Лемке в связи с тем, что рукописи были заняты другими исследователями. Так, в начале 1913 г. ему отказали в высылке той самой переписки Герцена и Огарева, вокруг которой ранее возник конфликт. Н. А. Герцен вынужден был специально обратиться 'по этому поводу в музей — и тут-то вопрос о запечатанных письмах поднялся с новой силой.

В своем письме от 6 февраля/24 января 1913 г. Ник. А. Герцен просил «отдавать Лемке безусловное преимущество перед всеми лицами, занимающимися бумагами нашего отца и деда, так как он совершает свой усиленный труд исключительно по нашей усиленной просьбе», и также, чтобы «особо запечатанный пакет бумаг был предоставлен для занятий только г. Лемке и больше никому»⁴⁸⁹. Одновременно с запросом по этому поводу Лемке обратился к Георгиевскому. Ответы на оба письма были совершенно идентичными. «О запечатанном пакете пора бросить легенду, — писал Лемке 23 марта 1913 г. Георгиевский, — А. А. Герцен прислал в Музей все в открытом виде и предоставил решительно все в общее пользование. Никаких закрытых пакетов мною не получено; таковых я и сейчас не имею — разумеется, в отделе переписки Герцена»⁴⁹⁰. Голицын сообщал Н. А. Герцену: «...все письма Герцена и Огарева получены были в сентябре 1904 года в открытых пакетах, ни одного запечатанного пакета бумаг в Музей не поступало, и потому все письма хранятся в открытых пакетах и с 1907 г. поступили во всеобщее пользование на общих основаниях по уставу Музея, согласно распоряжению покойного дарителя этих писем, Александра Александровича Герцена»⁴⁹¹.

Крайне взволнованная Н. А. Герцен немедленно выслала и в музей, и Лемке копии прежних писем Цветаева к себе, где он заверял ее, что часть писем запечатана, а также копию своего письма к нему, где говорилось: «Разумеется, эти письма должны быть доступны публике лишь через 50 лет. Я настойчиво прошу Вас проследить, чтобы это условие было соблюдено»⁴⁹². В письме к Лемке она добавляла: «Само собою разумеется, что теперь мы никому ничего давать не будем»⁴⁹³. Директора музея она просила «принять меры для проведения в практику всего обещанного и не исполненного», а для этого снова выслать переписку Герцена и Огарева к Лемке для отбора писем, которые «в общее пользование могут поступить не ранее 50 лет со дня смерти Натальи Александровны Герцен»⁴⁹⁴. В. М. Голицын написал на ее письмо: «Ответить, что никогда и никем письма не были запечатаны, но что теперь, по отобрании Лемке, письма эти будут мною запечатаны и сделана соответствующая надпись». Лемке сперва начал буквально выполнять это поручение. 12 июня 1913 г. он писал Г. П. Георгиевскому: «Следую просьбе Герценов, мне приходится очень многое назначить для запечатания, что не особенно приятно ради истории литературы, но безусловно необходимо для спокойствия его семьи»⁴⁹⁵.

Н. А. ГЕРЦЕН — ВНУК ГЕРЦЕНА
После смерти отца стал распорядителем архива Герцена
Фотография. Лозанна, 1925
Музей Герцена, Москва

Отметим, что намечавшиеся Н. А. Герцен сроки недоступности писем с течением времени не сокращались, а возрастали, и если бы ее воля была точно выполнена, то часть писем Герцена и Огарева оставалась бы и сейчас неизвестной. Но Лемке в конце концов не смог решиться оставить готовящееся собрание сочинений без драгоценных для него писем Герцена к Огареву, и запрет доступа коснулся только писем Огарева, оставаясь в силе до 1940-х годов, когда они были напечатаны ⁴⁹⁶.

Последствия инцидента с «запечатанным пакетом» были пагубны для судьбы заграничного архива. Н. А. Герцен потом так объяснял Г. Н. Вырубову: «Одно время в Румянцевском музее был страшный беспорядок (при директоре Цветаеве), из-за чего мы прекратили посылать туда что бы то ни было» ⁴⁹⁷. Если бы не этот инцидент, то оставшаяся еще у детей и внуков Герцена часть его архива, вполне вероятно, вернулась бы в Россию в ходе подготовки издания Лемке, а не рассеялась по нескольким зарубежным хранилищам.

Изложенная нами подробно история этого инцидента полностью опровергает бытующие в литературе утверждения о причинах ограничения доступа к упомянутой переписке, объясняющие его злой волей администрации музея. Я. З. Черняк писал об этом так: «Замечательно, что прикрываясь интересами семьи Герцена, тогдашняя администрация рукописного отдела наложила veto на эти материалы, вопреки ясно выраженной воле А. А. Герцена» ⁴⁹⁸; ему вторила Н. С. Рогова: «Вопреки воле А. А. Герцена на переписку Герцена с Огаревым было наложено veto якобы из-за того, что письма носят интимный характер» ⁴⁹⁹. Необоснованность всех этих «прикрываясь» и «якобы» теперь очевидна.

Подробнее, чем упоминалось до сих пор в литературе, следует остановиться и на вопросе об отношении членов семьи Герцена к публикации в издании Лемке «Рассказа о семейной драме». Первое упоминание об этом в его переписке с Ник. А. Герценом связано с намерением журнала «Былое» купить письма Гервега к Герцену с тем, «чтоб их никогда не публиковать», а за это получить право на напечатание в журнале пятой части «Былого и дум». Лемке убеждал Герцена отказать журналу, чтобы «не ослаблять интереса к будущему полному собранию сочинений» ⁵⁰⁰. Н. А. Герцен отвечал ему довольно сдержанно: «Что касается неизданных сочинений, то 5-ую часть Былого и Дум мы пока не решаемся издавать. Но ни Вы, ни издатель не должны понимать этого решения как окончательный скрытый отказ, так как оно может измениться в зависимости от обстоятельств» ⁵⁰¹. С Гершензоном Н. А. Герцен был откровеннее. «Есть много причин, — писал он ему тогда же, — по которым мы не можем сейчас публиковать пятую часть Мемуаров моего деда: прежде всего, мой дядя Моно не хочет, чтобы его жена узнала что-либо об этой истории. Вы, несомненно, сами помните, что дедушка высказывал некоторые сомнения о своем отцовстве по отношению к моей тетке Ольге. Затем вы знаете, что Гервег предстает там в крайне неблагоприятном свете. Поэтому мы уверены, что его наследники не остановятся ни перед чем, чтобы защитить его память» ⁵⁰².

Вопрос оставался открытым и к тому времени, когда Лемке вплотную приступил к подготовке томов собрания сочинений. В течение всех этих лет позиция Натальи Александровны Герцен, упорнее всех возражавшей против публикации «V тома», только еще окрепла. Об этом сохранилось несколько свидетельств. В августе 1910 г. ее посетил в Лозанне Е. А. Ляцкий и записал свою беседу с ней и ее племянницей Жермен Рист — настолько характерную, что ее нельзя не привести полностью.

«Наталья Александровна, — сказал я с таким видом, как будто я собирался просить у ней взаймы. — Я очень просил бы вас разрешить мне взглянуть... т. е. прочесть ненапечатанную часть «Былого и Дум». Наталья Александровна как-то съежилась, помолчала несколько секунд.

— Видите ли, я об этом должна была бы спросить у моих родных, — сказала она, вопросительно посмотрев на Жермен. Это очаровательное создание решило, по-видимому, прийти мне на помощь.

— Mais, ma tante, — сказала она, глядя на нее своим добрым и грустным взглядом, — если Мг не возьмет ничего оттуда для печати.

— Конечно, конечно, — продолжала Наталья Ал(ександров)на, — там много есть интимного, неправда ли? Вы ведь не для печати, неправда ли?

Я покорно, но довольно неопределенно наклонил голову.

— Конечно, это можно было бы устроить, но, к сожалению, я завтра должна буду уехать на дачу в Эвиан. На месяц. Вы можете через месяц побывать у меня? Я сказал, что, к великому моему огорчению, через месяц буду уже в России» ⁵⁰³.

Годом позже с вопросом о возможности публикации «V тома» к Н. А. Герцен обратился

Н. П. Андиферов. Ответ ее гласил: «Причины, мешавшие моему отцу печатать тот отрывок «Былого и Дум», о котором вы говорите, существуют еще теперь, и сам отец мой был бы против их издания в настоящее время»⁵⁰⁴.

В 1912 г., накануне своей поездки в Лозанну, Лемке письменно запросил Николая Герцена, сможет ли он там хотя бы ознакомиться с неизданной частью «Былого и дум». «Конечно, с удовольствием дам Вам прочесть 5-ю часть «Былого и Дум», — отвечал тот. — Скажу даже больше я надеюсь добиться от сонаследников согласия на опубликование этой неизданной части ко времени истечения срока прав Павленкова»⁵⁰⁵. На радостное сообщение Лемке об этом Герцензон отозвался скептически: «Насчет 5 тома „Былого и Дум“, думаю, Вы ничего не сможете сделать, пока живы Нат(алья) Александр(овна) и Ольга Ал(ександровна)»⁵⁰⁶. Он, однако ошибался: в Лозанне Лемке удалось, наконец, убедить Герценов и увезти с собой копию текста. Занявшись затем сбором средств на издание путем обращения к ряду состоятельных представителей русской интеллигенции, он, с разрешения Н. А. Герцен, организовал чтение рукописи в доме В. А. Морозовой⁵⁰⁷ (Н. А. Герцен все же оговаривала свое согласие условием, «чтобы это не носило публичного характера и чтоб об этих чтениях не разболтали газеты»⁵⁰⁸).

Но при всех оговорках решение было принято. 3 декабря 1913 г. Н. А. Герцен писала Бухгейму: «Теперь многое переменялось, и является возможность опубликовать почти всю переписку моего отца и многое другое — и, главное, V том «Былого и Дум». Это становится тем более необходимым, что в печати встречаются неточности и искажения, которые очень мешают правильному пониманию личности и деятельности моего отца»⁵⁰⁹. Несколько туманно выраженные здесь мотивы столь нелегко давшегося решения гораздо яснее объяснены в дневниках Н. П. Андиферова. В 1914 г. он встречался за границей с обеими дочерьми Герцена. Вот его записи об этом.

«В Версале я должен был повидать дочь Герцена — Ольгу Александровну, жену историка Габриэля Моно. Она любезно приняла нас. Перед нами была типичная француженка с черными с проседью волосами, тонкими, точеными чертами лица, шумная, суетливая, говорливая. Она приняла нас за учеников ее покойного мужа. Но я сказал ей, что мы скорее ученики ее отца и пришли к ней спросить, когда будет дано разрешение печатать неизданную часть «Освало пох» из «Былого и дум». В глазах Ольги Александровны появился испуг: «О, с этим вопросом Вы обратитесь к моей сестре Nataliel» Она успешно встала и на листе бумаги написала адрес Натальи Александровны»⁵¹⁰. О последовавшем посещении Н. А. Герцен в Лозанне Н. П. Андиферов уже рассказывал в печати⁵¹¹. Но его неизданные дневниковые записи содержат детали, впервые позволяющие до конца понять ее сложное, эмоциональное отношение к «Рассказу о семейной драме».

«Я напомнил ей письмо, которое она писала мне в 1911 году о неизданной части „Былого и дум“, где говорится об уходе ее матери. Нат(алья) Алекс(андровна) всплеснула руками: „Вот и Вы говорите об уходе. Неужели в России все так думают? Ведь никакого ухода не было. Моя мать сумела победить свою страсть“. И Нат(алья) Алекс(андровна) достала „Былое и думы“ и показала мне ее слова: „Я возвращаюсь как корабль в свою гавань, спасенная“. „Ведь она же ездила в Турин встретиться с отцом из дому, из Ниццы, который она никогда не покидала. „Возвращаюсь“ она писала в духовном смысле. Нат(алья) Алекс(андровна) сказала мне, что ее потрясло известие, что в России существует такая точка зрения на семейную драму ее родителей. Она решила опубликовать все до последней строчки, чтобы реабилитировать память матери. Говоря это, она сильно волновалась».

Много позже, прочтя книгу Карра «The Romantic Exiles» (London, 1933), Андиферов «узнал о связи жены Герцена с Гервегом, о ее страсти, не погашенной до конца ее дней, до конца утраченной». «Мне стало известно, — пишет он дальше, — что и Нат(алья) Алекс(андровна) получила книгу Карра и, узнав правду, закрыла ее. Не стала читать дальше: „Лучше б я умерла, не зная этой ужасной книги“»⁵¹².

Последний вопрос, которого необходимо коснуться в связи с изданием Лемке, это вопрос о тех источниках, которые были ему предоставлены потомками Герцена и местонахождение которых в настоящее время неизвестно. Как известно, в комментариях Лемке везде отмечена сверка с подлинниками и указано их местонахождение. Простой перечень ссылок на архив семьи Герцена (АСГ) позволяет выявить те рукописи и письма из его состава, которые были предоставлены Лемке в то время. Это дополняется приводимыми Лемке аргументами в пользу авторства Герцена с ссылками на те или иные документы того же архива. Не имея возможности сопоставить здесь полную роспись этих материалов с теми документами из заграничного архива Герцена и Огарева, современное местонахождение которых известно, продемонстрируем хотя бы на одном

примере заложенные в таком сопоставлении возможности. Наиболее убедительным для этого примером являются, на наш взгляд, статьи Герцена, напечатанные в «Колоколе».

Рассмотрим, прежде всего, какие из них Лемке видел в подлинниках в семейном архиве в Лозанне (или получил копии с несомненно наличествовавших там в то время подлинников). Статьи эти следующие:

1. Сечь или не сечь мужика? («Колокол», л. 6; Л IX, 76—78; XIII, 105—107).
2. Приложение крепостного права к журналистике (л. 20; Л IX, 285—286; XIII, 463—465).
3. *Rappel à la pudeur* (л. 21; Л IX, 304; XIII, 322).
4. А. Дюма (л. 23—24; Л IX, 345; XIII, 349).
5. Усердный раб Бутенев и великий визирь (л. 29; Л IX, 425, под заглавием «Колокол в Турции»); XIII, 407).
6. Пол парке в гимназии и потолок в мозгу Фишера (л. 90; Л XI, 14; XV, 237).
7. Языков — директор правоождения (л. 93; Л XI, 41; XV, 225).
8. Цензурные зуавы (л. 93; Л XI, 42; XV, 42).
9. Лист шпионов и «нордовское» обвинение русских офицеров в кровожадности (л. 96; Л XI, 69—71; XV, 68—70).
10. Полицейская пропаганда и налог (л. 154; Л XVI, 20—21; XVII, 22—23).
11. О якобы офицерском письме в «Теймс» (л. 154; Л XVI, 20; XVII, 21—22).
12. Приговор Трувеллера (л. 190; Л XVII, 346; XVIII, 267).
13. Второе предостережение и второй Годунов (л. 220; Л XVIII, 395—396; XIX, 76—77).
14. Спасибо Муравьеву (л. 220; Л XVIII, 402; XIX, 77).
15. Коли надобно, отчего и не посечь; нашего брата хорошо посечь (л. 224; Л XIX, 14—16; XIX, 115—116).
16. Не стоит (л. 220; Л XVIII, 447; XIX, 78).
17. Ссора между врагами, сепаратизм «Моск. ведомостей» (л. 227; Л XIX, 56—58; XIX, 133—135).

Редакционные заметки и объявления

18. Извещение (л. 140; Л XV, 368; XVI, 277).
19. Общий фонд (л. 189; Л XVII, 341; XVII, 486).
20. Объявление (л. 211; Л XVIII, 305; XIX, 319).

Статьи из французского «Колокол» и «Supplement» к нему

21. *Bonne nouvelle!* (л. 12; Л XXI, 83; XX, 370—371)
22. *Dévoilez-nous donc! Démasquez-nous donc!* (л. 12; Л XXI, 84—85; XX, 374).
23. *Pissareff* (л. 12; Л XXI, 87—88; XX, 376).
24. *Le prince Pierre Dolgoroukoff* (л. 12; Л XXI, 88—89; XX, 378).
25. *À nos ennemis* (л. 14—15; Л XXI, 190—199; XX, 403—412)
26. *Réponse à M. G. Wyruboff* (Suppl.: du Kl.; Л XXI, 287—293; XX, 507—510).

Только четыре из перечисленных подлинников (№ 22—25) обнаружались впоследствии в Пражской коллекции (соответственно: ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 109, 110, 113) и, значит, поступили туда после смерти Н. А. Герцен. Ни в одном из хранилищ, куда попали другие части архива Герцена, рукописи остальных статей и заметок не значатся. Возможно, их следует искать среди материалов, и по сей день находящихся у потомков Герцена и, может быть, ими самими не обнаруженных.

Как очевидно из комментария Лемке, он не смог воспользоваться для своего издания материалами Герцена, к началу его работы хранившимися у дочери Драгоманова Л. М. Шишмановой. Почему так случилось, трудно объяснить. Хотя Наталье и Николаю Герценам не было известно, по-видимому, не только, что конкретно осталось в Софии после смерти Драгоманова, но, возможно, и сам факт передачи Драгоманову крупного массива материалов Герцена (в их переписке, где отразились их поиски в разных странах документов для издания Лемке, о драгомановских бумагах нет ни слова), но сам-то Лемке, казалось бы, не мог не знать об этом: он лично встречался с зятем Драгоманова И. Д. Шишмановым. В его дневнике за 1913 г. за вклеенным туда печатным обращением наследников Герцена к общественности от 27 апреля/10 мая 1913 г.⁵¹³ следует запись: «Это письмо (. . .) имело успех: ко мне обращаются разные люди и письменно и по телефону, и кое-что дают полезное (. . .). Был у меня проф. Ив. Дмитр. Шишманов, когда-то

болгарский министр народного просвещения, знающий ученый (. . .). Он женат на дочери М. П. Драгоманова. Энергичный, милый человек, уже немолодой»⁵¹⁴. Ни смысл, ни результат состоявшейся беседы в записи не отражен, что крайне удивляет, если иметь в виду объем и важность для Лемке хранившихся у Шишмановых материалов. Воспроизводя тексты писем Герцена по публикациям Драгоманова, Лемке со свойственной ему резкостью везде отмечал ясные ему и без сверки с подлинниками дефекты этих изданий, и, казалось бы, должен был добиваться получения из Болгарии подлинников или хотя бы новых, более исправных копий. Но ни единого упоминания о находившихся в Софии материалах нет в его переписке с Герценами, как нет и переписки с Шишмановыми. Все рукописи статей для «Колокола» и французского «Kolokol», находившиеся у Шишмановых, остались ему неизвестными и в издании воспроизводились по печатным текстам. Это следующие статьи: 1. Наше правосудие (XIX, 221—223), 2. В. И. Кельсиев (XX, 80—81), 3. Prolegomena (XX, 22—50), 4. Réponse à l'appel du Centre republicain polonais aux Russes (XX, 83—88), 5. Etudes historiques sur les héros de 1825... (XX, 146—226), 6. Le Schedo-Ferrotty panslaviste (XX, 383—386), 7. Les Russes au Congrès de Berne (XX, 380), 8. Nos grands morts commencent à revenir (XX, 318—319), 9. La femme et le prêtre admis au droit de l'homme (XX, 325—327), 10. Une victoire du comte Chérémetteff (XX, 352), 11. «Un certain monsieur a été condamné» (XX, 351). Все они были обнаружены потом в Пражской и Софийской коллекциях⁵¹⁵, как и еще три заметки, предназначенные для французского «Kolokol», но не напечатанные там и впервые опубликованные в 63-м томе «Литературного наследства». Отметим, что для обоснования авторства Герцена в отношении статей, обозначенных нами № 8—10, Лемке опирался на какую-то записку А. А. Герцена (Л XX, 404; XXI, 584). Для наших рассуждений имеет значение и тот факт, что текст заметки «Наше правосудие», помимо Пражской коллекции, сохранился также в автографе (отрывке), принадлежащем Международному институту социальной истории в Амстердаме⁵¹⁶, но и он не был известен Лемке, он напечатал заметку по тексту «Колокола» (Л XIX, 452). Между тем в то время все документы, впоследствии поступившие в Амстердам, находились еще в семье. Это лишний раз доказывает, что семья предоставила Лемке далеко не все, бывшее в ее распоряжении, — и не из каких-либо особых соображений, а просто потому, что не все было найдено в семейном архиве. Именно поэтому нельзя быть уверенным, что все, обнаруженное потом из этих статей в Пражской коллекции, было в то время у Шишмановых.

До сих пор не обнаружена ни одна из «записок», «пометок», «отметок» Огарева, Чернецкого, Тхоржевского и А. А. Герцена, на которых во многих случаях Лемке основывал свои атрибуции. Мы уже знаем, что экземпляр «Колокола» с разметкой статей, по словам Н. А. Герцен, в период работы Лемке находился у ее племянника Николая. О его дальнейшей судьбе будет сказано далее, но сам он до сих пор остается неизвестным. Отсутствие этого комплекта, как и утрата преобладающей части автографов статей Герцена для «Колокола», делают поиски всех использованных Лемке документальных данных делом первостепенной важности. Попытаемся, поэтому, обобщить все, что можно извлечь об этом из комментария Лемке (опуская, конечно, те невразумительные указания, которые не ведут к каким-либо конкретным документам — типа «по указанию сына» или «по указанию Огарева»).

Авторство шести статей Лемке подтверждал пометами Герцена на экземплярах «Колокола»: 1. Слух (Л XI, 466), 2. Петербургские письма (Л XI, 470). 3. Оскорбление бедности и подлая месть (Л XI, 470), 4. Земля и воля (Л XVI, 569), 5. Царское non possumus (Л XVIII, 437), 6. «Современник» и «Русское слово» (Л XIX, 448). Значительно чаще основанием атрибуции служили «записки» Огарева и его пометки на корректурах и экземплярах (по указаниям Лемке не всегда можно понять, идет ли речь об одной «записке» или — что скорее всего — о многих, возникших всякий раз в связи с какими-то практическими нуждами). По «запискам» Огарева устанавливалось авторство 22 статей Герцена, по его пометам на корректурах — четырех, на экземплярах «Колокола» — десяти. Существовали также записки А. А. Герцена об авторстве статьи «Г-н Будберг» (Л XVI, 570) и двух статей из № 10 французского «Kolokol», его пометки на экземпляре № 14—15 последнего издания об авторстве пяти статей в нем. Но особенно велико число ссылок на «записки» и пометы Чернецкого: по «запискам» атрибутировано 20 статей Герцена, по пометам на корректурах — 20, пометам на экземплярах — 5. «Записками» Тхоржевского подтверждал Лемке авторство 21 статьи, встречаются также указания на «записку» Вырубова (статья «Николай как оратор») и совсем уже загадочную «записку наборщика» («Фрегат «Генерал-адмирал» и швабра» — Л XI, 463). Обилие подобных указаний убеждает в безусловном значении всех названных документов для истории герценовской публицистики в «Колоколе» и в необходимости предпринять дальнейшие их поиски.

VI

Прежде чем перейти к судьбе заграничной части архива Герцена и Огарева после издания Лемке, необходимо вернуться несколько назад и рассмотреть историю тех бумаг, которые в 1880-х годах хранились у Драгоманова и его потомков.

Вначале Драгоманов сразу по использовании рукописей возвращал их А. А. Герцену. Так произошло с письмами И. Аксакова, Кошелева, Ю. Самарина, Чичерина, напечатанными в «Вольном слове», письмами Кавелина и Тургенева, изданными отдельной книгой: все они потом были переданы А. А. Герценом в Румянцевский музей⁵¹⁷. Возвратилась к нему и переписка Герцена и Огарева, напечатанная Драгомановым в «Русской мысли», — как мы уже говорили, она поступила потом в «Комнату людей 40-х годов». О части документов, наоборот, можно со всей определенностью сказать, что она никогда не была возвращена в семейный архив. К ней принадлежат все письма Бакунина к Герцену и Огареву, над подготовкой которых к печати Драгоманов работал до последних дней жизни, и другие документы, вошедшие в это издание⁵¹⁸. Лемке печатал их с книги без обращения к подлинникам. Кроме того, на поступление этих документов в 1932 г. от Л. М. Шишмановой прямо указал в своей записке о фондах Русского исторического архива в Праге, составленной 23 июля 1945 г., заместитель директора архива А. Изюмов⁵¹⁹. Такой определенности нет в отношении ряда других документов — например, писем С. С. Громеки и Н. А. Мельгунова, напечатанных в «Вольном слове» и находящихся в составе Пражской коллекции. Они с равной вероятностью могли принадлежать и к драгомановской части архива и к материалам, переданным в Прагу после смерти Н. А. Герцена. Вероятнее все же второе: вряд ли Драгоманов вернул А. А. Герцену не все напечатанное в «Вольном слове».

Наши сведения о документах, переданных Л. М. Шишмановой в Прагу, этим ограничиваются. Но нет сомнения, что у Драгоманова до конца оставался весь тот комплекс рукописей и документов из архива Герцена и Огарева, который из семьи Шишмановых в 1943 г. поступил на хранение в Болгарскую Академию наук — так называемая Софийская коллекция Герцена и Огарева⁵²⁰, в настоящее время хранящаяся в составе фонда Герцена и Огарева в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина⁵²¹. Состав ее настолько разнообразен, что нелегко представить себе цель, с которой эти материалы были предоставлены А. А. Герценом Драгоманову: здесь и главы «Былого и дум», и статьи для французского «Kolokol», одно письмо Герцена к Огареву, одно письмо А. П. Глинки — к Герцену; обильные материалы Огарева — рукописи ряда статей, черновики и выписки; черновики его писем к Бакунину, С. Г. Волконскому, Павлу Прусскому, Печерину, Цехановскому; письма к нему от Ф. И. Бруннова, Н. И. Жуковского, Комарова (Чаплии), М. П. Лозинского, Павла Прусского, Ф. И. Родичева, Н. И. Утина; материалы из архива «Колокола» и Вольной русской типографии⁵²².

В литературе имеются, однако, упоминания о том, что у Драгоманова были еще некоторые рукописи, помимо перечисленных, — теперь утраченные. Сведения эти, впрочем, не подтверждены документально. Предполагается, например, что какие-то герленовские материалы, находившиеся в его распоряжении, И. Д. Шишманов, ездивший в 1918—1919 гг. на Украину в качестве болгарского «посланника» при Скоропадском, взял туда с собой вместе с украинскими материалами из архива Драгоманова — и судьба их неизвестна⁵²³. Есть сомнения в том, что передавая потом архив отца в Украинский институт в Варшаве (фонды его погибли во время второй мировой войны), Л. М. Шишманова не передала вместе с ним часть документов Герцена и Огарева⁵²⁴. Проскальзывают в литературе и упоминания о передаче Шишмановой бумаг Герцена в Рапперсвильский музей, в 1930-х годах находившийся уже не в Швейцарии, а в Варшаве. Но это очевидное недоразумение. Передача эта могла происходить тогда же, когда другая часть документов была отдана в Прагу, после смерти самого Шишманова, в 1932-м или 1933 г. Между тем в 1934 г. хранившиеся в Рапперсвильском музее материалы Герцена и Огарева при помощи советского посольства в Польше были сфотографированы для Литературного музея. Сохранились списки хранившихся там документов, списки полученных фотокопий и переписка директора Литературного музея В. Д. Бонч-Бруевича с полпредом В. А. Антоновым-Овсеенко⁵²⁵. Все эти источники не оставляют сомнения, что ничего, восходившего к семейному архиву Герцена и Огарева, в Рапперсвиле не было. Находившиеся там материалы Герцена и Огарева принадлежали либо к большому архиву Е. В. Салиас (12 писем Герцена к ней и 26 писем Огарева), либо были присоединены к фондам музея еще в Швейцарии, поступив от адресатов писем (письма Герцена к Тхоржевскому, Крестину Островскому, Герцена и Огарева к швейцарско-польскому комитету в Берне и др.). Вероятнее всего все же, что основной массив документов, находившихся у Драгоманова, сохранился и находится теперь в советских хранилищах.

Н. А. ГЕРЦЕН И О. А. ГЕРЦЕН-МОНО (справа)
 в квартире Н. А. Герцен, где хранилась большая часть архива Герцена
 Фотография. Лозанна, 1930-е гг.
 Собрание Н. П. Герцен, Москва

За вычетом драгомановских бумаг, в семье Герценов ко времени работы Лемке над своим изданием оставался еще весьма большой объем материалов; но о намерениях наследников по отношению к нему в переписке Лемке с ними речи не было. Регулярность этой переписки стала нарушаться в 1916 г. Последний обмен письмами в этом году был связан с кончиной М. К. Рейхель, о которой Н. А. Герцен написала Лемке 20 августа⁵²⁶, сохранился и его отклик на это известие⁵²⁷. Было еще, по крайней мере, одно письмо Лемке, до нас не дошедшее, в котором он должен был просить прислать ему доверенность на заключение договора с Товариществом А. Ф. Маркс. Дело в том, что в начале 1917 г., намереваясь возобновить остановившееся с войной издание собрания сочинений, он договорился об этом с фирмой Маркса, перешедшей к этому времени в собственность И. Д. Сытина. Сохранился договор с ней, заключенный 22 марта 1917 г. о продаже фирме наследниками Герцена за 92 500 р. права издания полного собрания сочинений на период с 1 января 1918 г. по 9 января 1920 г. (9/21 января 1920 г. истек срок авторского права на сочинения Герцена, составлявший по нормам того времени 50 лет). К договору приложена подписанная Натальей и Терезой Герцен и заверенная (как швейцарскими властями, так и русским консулом в Лозанне 27 марта 1917 г.) доверенность на имя Лемке — по ней он не только подписал договор, но и получил первую часть причитавшейся наследникам суммы — 25 тысяч рублей⁵²⁸.

На этом переписка фактически кончилась. Лемке не откликнулся ни на восторженную телеграмму Н. А. Герцен в связи с Февральской революцией, ни на пришедшее вслед за ней письмо⁵²⁹. Можно было бы подумать, что его ответы просто не сохранились, как не сохранилось упомянутое выше письмо по поводу доверенности, и довериться словам в работе В. И. Кулешова: «Лемке неоднократно пытался завязать переписку с Натальей Александровной, но не получал ответа»⁵³⁰, — но сохранился документ, это опровергающий. Это письмо Н. А. Герцен к Лемке

от 6—7 апреля 1918 г., которое доказывает, что именно Наталья Александровна пыталась восстановить утраченную после Октябрьской революции связь и добиться от него хоть строчки в ответ: «Может быть, и Вы вспомнили день рождения отца,— писала она,— и решились написать старшей дочери его хоть несколько строк? Целый год Вы молчали»⁵³¹. Возможно, конечно, что Лемке не решился сообщить наследникам о совершившейся в декабре 1917 г. национализации и наследия классиков и банковских вкладов. Возможно, что письма просто не доходили в Лозанну. Но при всем этом трудно понять, что побуждало Лемке, утратившего связи с семьей Герцена, продолжать высказываться в печати как бы от ее имени. Так, в предисловии «От редакции» к IX тому собрания сочинений, датированному 17 января 1919 г., он писал: «По просьбе бывших издателей, наследников Герцена, замечу, что интересы подписчиков вполне охранены: они получают все издание до конца без какой бы то ни было доплаты». В однодневной газете «Колокол», изданной к пятидесятилетию со дня смерти Герцена 21 января 1920 г., он поместил еще более ответственное свое заявление — может быть, основанное на каких-то давних обещаниях Н. А. Герцен, но игнорирующее изменившиеся исторические условия: «Архив семьи Герцена при первой возможности будет подготовлен Натальей Александровной Герцен при содействии М. К. Лемке к перевозке в Россию»⁵³². В отличие от этих заявлений, в посланной в юбилейные дни в Лозанну приветственной телеграмме за подписью В. И. Ленина и всех членов Совнаркома, об архиве не было сказано ни слова. В ней было выражено только пожелание, «чтобы прах А. И. Герцена и его жены, изгнанных из России волею российских императоров, был возвращен в Москву» и заверялось в том, что национализированный дом, где оба они родились, будет предоставлен потомкам Герцена, если они пожелают посетить его родину⁵³³.

В противоречии с собственными утверждениями Лемке однажды не только сообщил в печати об утрате связей с семьей Герцена, но и преувеличил при этом давность этой утраты: в справке о роде Яковлевых-Герценов, помещенной им в томе, выпущенной в конце 1922 г., написано о потомках Герцена: «За отсутствием всяких почтовых сношений с Нат. Ал. Герцен с 1915 г., я, к сожалению, не могу установить, кто из них жив» (Л ХХI, 576).

Почти в те же дни Лемке, с согласия советского правительства, обратился к Н. А. Герцен с письмом — предложением передать архив в Россию. Оно уже почти полностью приводилось в печати⁵³⁴. Ответ Н. А. Герцен был уже откровенно враждебен: «Вы правы, мы много слышали дурного про большевицкий режим. Опровергнуть это дурное могут только факты. Добейтесь возвращения нам 30 000 рублей золотом, нам принадлежащих и пропавших во время «национализации» банков. Тогда можно будет поговорить. Это условие *sine qua non*»⁵³⁵. В обзоре В. И. Кулешова ошибочно указано, что следов этого ответа в архиве Лемке нет⁵³⁶. В действительности там есть не только сам ответ Н. А. Герцен, но и письмо Лемке в правительство от 20 февраля 1923 г., к которому был приложен этот ответ. Лемке писал там: «... архив, конечно, к нам не попадет. Мое личное мнение — оставить дело без дальнейшего движения»⁵³⁷.

В печальном исходе первой попытки советской стороны вернуть на родину оставшийся за границей архив Герцена, решающую роль сыграла, конечно, та среда буржуазной эмиграции из Советской России, в которой оказалась тогда Н. А. Герцен. Можно думать, что особую роль играл здесь Ф. И. Родичев. Еще в довоенной переписке с дочерью Герцена Лемке предостерегал ее против него. Плохо понимавшая мотивы этого, Наталья Александровна спрашивала его в письме: «Видели Вы Родичева, после того как он был у нас летом? (< . . . > У Вас, кажется, мало доверия к Родичеву — почему это и в каком отношении?»⁵³⁸ Лемке отвечал: «Родичев (< . . . > мне кажется человеком слов, а не дела, не отдающим себе отчета в том, как велик был Герцен и как мало понимает его он, популяризатор одного бока Герцена, поскольку он отвечает «кадетским надеждам»⁵³⁹. Позднее, резко осуждая Кружок имени А. И. Герцена, он снова возвращался к этому: «Родичев в этом отношении особенно грешен: он ценит и отвеняет Герцена как публициста, льбящего воду, якобы, на мельницу кадетов»⁵⁴⁰. Но все это весьма слабо могло убедить Н. А. Герцен, далекую от общественной борьбы в России, изменить отношение к нему. Еще возросшая после революции близость ее к Родичеву длилась до самой его смерти в 1932 г., а дочь его Александра Федоровна просто жила у Н. А. Герцен до конца жизни последней. В архиве редакции «Литературного наследия» сохранилась копия письма внучки Герцена Жермен Рист к ее брату Эдуарду Моно от 13 декабря 1955 г., где о Н. А. Герцен говорится: «В последние годы ее жизни при ней была Александрина Родичева. Александрина была для нее самой верной помощницей, подругой, секретарем». Поэтому, по словам Ж. Рист, по желанию Н. А. Герцен после ее смерти А. Ф. Родичевой были отданы все оставшиеся наличные деньги и внесен залог в департамент кантона Во, чтобы она могла продолжать жить в Лозанне. Как мы увидим далее, у нее же

долго хранились все материалы из архива Герцена, не отправленные в Прагу. Судя по дневнику Н. А. Рубакина, Ж. Рист после смерти тетки приглашала его к себе, чтобы поговорить о «помощи А. Ф. Родичевой, которая остается без средств»⁵⁴¹. Пока же был жив Родичев, он употреблял все свое влияние, чтобы воспрепятствовать передаче архива Герцена и Огарева в Советский Союз.

Новая попытка обратиться к Н. А. Герцен была предпринята в 1931 г. В связи с намерением переиздать «Юлолок» со всеми приложениями и научным аппаратом президент Академии наук СССР А. П. Карпинский написал ей, прося предоставить для использования в этом издании имеющиеся у нее документы. Речь шла только о командировке научного сотрудника в Лозанну и копировании материалов. Часть писем, освещающих этот эпизод, а также следующий — возникшую после смерти Н. А. Герцен переписку Владимира Александровича Герцена с Литературным музеем, опубликована⁵⁴². Однако публикация эта, где отобрана лишь часть относящихся к делу документов и отобрана очень произвольно, создает неточное представление о ходе и результатах переговоров. Кроме того, некоторые документы, напечатанные по черновикам из архива Н. А. Герцен, отличаются от подлинных писем в архиве В. Д. Бонч-Бруевича. Необходимо, поэтому, изложить здесь точно оба эти эпизода.

Ответ Н. А. Герцен на письмо Карпинского был сух, категоричен и просто не соответствовал фактам: «То, что в издании Лемке именуется архивом Герцена, это переписка моего отца с разными лицами, больше всего с Огаревым и семьей. Все письма, за исключением двух-трех писем, касающихся семейных дел, напечатаны в издании Лемке. Предоставить эти бумаги лицу, для этого специально командированному в Лозанну, я не могу по причинам даже физическим. Я не могу подниматься в помещение, где они хранятся. И не могу никому доверить эти бумаги. Поэтому на Ваше письмо ответ мой отрицательный»⁵⁴³.

Затем в переговоры с Н. А. Герцен вступил В. Д. Бонч-Бруевич. Напомнив ей об отзывчивости, с какой она еще в начале века откликнулась на просьбу Библиотеки и архива РСДРП в Женеве, прислав некоторые издания Герцена, он писал ей 20 октября 1931 г.: «Если Вы пожелаете и разрешите сфотографировать нам письма, рукописи, дневники, фотографии и пр., что имеется в Вашем архиве, или разрешите организовать переписку всего этого, или, наконец, если Вы пожелаете все эти архивы передать на вечное хранение в Пушкинский дом в Ленинграде или Румянцевский музей в Москве — мы на все готовы идти навстречу»⁵⁴⁴. Ответ был еще суше и короче: «Архив — подлинники писем моего отца. Все они напечатаны в издании Лемке. Не напечатаны лишь немногие, совершенно интимные письма моего отца по семейным делам. Их всего два или три. Они никому не интересны»⁵⁴⁵. Но Бонч-Бруевич не отступил. Не согласившись, конечно, с оценкой неизданных писем Герцена как «никому не интересных»⁵⁴⁶, он предлагал Наталье Александровне «снять с них фотографии, прислать нам их в запечатанном конверте с надписью, когда Вы сами назначите возможный срок их опубликования» и просил помочь в разыскании писем разных лиц к Герцену, указывая, в частности, на отсутствие писем М. К. Рейхель и малое число писем Огарева. Черновик ответа на это письмо написан рукой Родичева; это было последнее письмо, полученное от Н. А. Герцен в Москве. В нем даны краткие ответы на вопросы Бонч-Бруевича. По поводу неизданных писем Герцена она писала: «Те письма моего отца, которые не напечатаны у Лемке, касаются романтических приключений моего брата и поэтому не подлежат обнародованию ни теперь, ни позже. После смерти моего брата Александра письма эти хранились у его вдовы. Я их никогда не касалась, никогда они у меня не были, и что с ними сделала покойная m-me Herzen, я не знаю. Считаю, что этот вопрос исчерпан»⁵⁴⁷. Ответ был правдив — как будет видно из дальнейшего, писем Герцена к сыну у Н. А. Герцен действительно не было. Но в то же время она совершенно умалчивала о находившихся у нее других многочисленных документах. Она, в частности, ни словом не упоминала о том, что после смерти племянника Николая получила от его вдовы Иды Герцен «рукопись V части Мемуаров Александра Герцена (Искандера), моего отца, для включения в собрание рукописей писем и реликвий Александра Герцена» (цитируем расписку, данную Н. А. Герцен Иде Герцен 20 декабря 1929 г. и хранящуюся в Женевской библиотеке). Вопрос, поднятый советской стороной, был, казалось, исчерпан. Был, однако, человек, в этом не вполне уверенный — Ф. И. Родичев. Он и принял свои меры. Скорее всего, именно он побудил своего давнего знакомого А. А. Кизеветтера — тогда председателя Совета Русского исторического архива в Праге, обратиться к Н. А. Герцен: письмо Кизеветтера было прислано Родичеву для передачи адресатке. В ее архиве сохранилось письмо Родичева, очевидно, от начала января 1932 г. (с пожеланиями на Новый год), где сказано: «Посылаю Вам письмо Кизеветтера. Приду сам для обсуждения этого письма»⁵⁴⁸. К нему было приложено письмо Кизеветтера на бланке архива от 30 декабря 1931 г. Формулировку в нем задач руководимо-

го им архива теперь трудно читать без улыбки: «Архив имеет свою целью собирать материалы, относящиеся к истории русского общественного движения и имеющиеся у лиц, живущих вне России — с тем, чтобы хранить в целости эти материалы до того времени, когда в России прекратится власть большевиков и установится правильный государственный порядок». Убедая Н. А. Герцен, что бумаги Герцена должны быть охранены «от случайных превратностей за рубежом России», но ни в коем случае не отправлены в Советский Союз, Кизевоттер предлагал ей передать архив в Прагу. Ответа Н. А. Герцен мы не знаем. Ясно, однако, что и на этот вариант она сразу не решилась и до самой смерти его обдумывала.

Собирательное название АСГ, которым Лемке обозначил всю документацию, находившуюся перед первой мировой войной у разных членов семьи Герцена, покрывало собою, как теперь выясняется, по крайней мере четыре крупные части, на которые к тому времени распался когда-то единый архив: 1. Бумаги, принадлежавшие Н. А. Герцен, 2. Бумаги, по тем или иным причинам не переданные ей после смерти брата и оставшиеся у его вдовы Терезы Герцен, а после смерти последней в 1927 г. перешедшие к ее старшему сыну Владимиру, 3. Бумаги, принадлежавшие с момента смерти А. А. Герцена его сыну Николаю, и, наконец, 4. Сравнительно небольшая часть бумаг, принадлежавшая Ольге Моно. Судьба каждой из названных частей складывалась по-своему и должна быть прослежена отдельно.

Н. А. Герцен скончался в Лозанне в сентябре 1936 г. О ее последних распоряжениях, касающихся хранившихся у нее бумаг, свидетельствует письмо ее племянницы Жермен Рист к брату Эдуарду Моно: «Тетя Тата перед смертью много говорила со своей подругой Родичевой о бумагах, документах и книгах, относящихся к ее отцу; она надеялась передать их в музей в Лозанне. Когда музей заявил, что у него нет места, она решила отослать все в Пражский музей. (. . .) Она очень точно указала все, что должно было составить этот дар Пражскому музею, и вскоре после ее смерти при нас (Александрине, Нелле, Магне и мне ⁵⁴⁹) были упакованы три ящика и отправлены в Прагу. У меня есть письмо от 16 марта 1937 г. от г. Фелькнера, швейцарского представителя Русского исторического архива в Праге, где он извещает меня о «благополучном прибытии в Прагу отправленных из Лозанны трех ящиков с документами, реликвиями, портретами и книгами из литературного наследия Вашего знаменитого деда Александра Ивановича Герцена». При этом этот господин послал мне подробный список содержавшегося в ящиках. Список был на 13 стр. машинописи, по-русски, и его почти невозможно было прочесть; в нем было 80 номеров, из которых под № 79 — вся портретная галерея, а под № 80 — коллекция из 62 книг и брошюр» ⁵⁵⁰. Список этот, хранившийся либо у покойного Леонарда Риста среди бумаг его матери, либо в Национальной библиотеке, пока, к сожалению, неизвестен; он полностью разрешил бы все неясные вопросы, касающиеся составных частей Пражской коллекции. Официально наследницей Н. А. Герцен была ее сестра О. Моно, и передача в Прагу совершалась от ее имени ⁵⁵¹.

Обратим внимание на то, что бумаги были отправлены в Прагу только через полгода после смерти Н. А. Герцен, — и это не случайно. Прежде чем выполнить волю покойной, Владимир Герцен, как старший теперь по мужской линии в роде, принял иное решение и попытался поступить с архивом иначе. Мотивы его нам неизвестны, но не исключено, что какую-то роль в этом решении сыграл его младший брат, крупный советский ученый-медик Петр Александрович Герцен. Сохранилось письмо, с которым к П. А. Герцену еще при жизни Н. А. Герцен обратился В. Д. Бонч-Бруевич. «Мне стало известно, — писал он, — что Вы в скором времени поедете за границу и (. . .) если Вы будете в Лозанне, то, пожалуйста, позвоните там почтой, нельзя ли нам получить в наш архив Государственного литературного музея все то, что найдется у родственников Герцена. Мы охотно бы все купили» ⁵⁵².

В октябре 1936 г. Владимир Герцен обратился в советское посольство в Париже, предлагая купить весь архив. Как явствует из его писем, речь шла именно о передаче всего, остававшегося в семье. Очевидно В. Герцену удалось убедить свою тетку О. Моно, кузину Ж. Рист и сестру Н. Корназ отказаться от намерения отправить материалы в Прагу. Сказалось здесь и еще одно влияние. Н. А. Рубакин записал в своем дневнике беседу с Жермен Рист, состоявшуюся 1 октября 1936 г.: «Она советовалась с нами о судьбе герценовского архива. Я отсоветовал отдавать его в Прагу, но одобрил отдать его в Москву, когда наше смутное время сойдет на нет и не будет грозить войной» ⁵⁵³.

Получив через Наркоминдел известие о предложении В. Герцена, Бонч-Бруевич сразу отвегил ему. Подробнейшим образом рассказав ему, какие материалы о Герцене и Огареве уже собраны Литературным музеем, он писал: «Я сообщаю Вам все это, чтобы Вы были уверены, что до-

кументы, которые Вы нам предлагаете приобрести, попадут в место, где их любят, почитают и тщательно собирают все, что можно найти о Герцене, его семье и окружении (. . .). Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы сообщили денежные условия, на которых Вы передаете Ваше собрание, и убедительно прошу Вас не пренебрегать ни одной мельчайшей запиской или самыми незначительными почтовыми открытками, ибо для подробного изучения Герцена и его эпохи драгоценна каждая деталь». Не сомневаясь в этот момент в успехе начавшихся переговоров, Бонч-Бруевич советовал переслать архив через советское посольство⁵⁵⁴. Одновременно Бонч-Бруевич написал послу во Франции В. П. Потемкину, прося его «напрямь все силы и принять все меры к тому, чтобы это изумительное наследство Герцена и его окружения никуда бы от нас не ушло, а обязательно было бы приобретено нами (. . .). Лично Вам скажу, что этот материал поистине драгоценен, и какую бы цену они ни запросили, конечно, все будет хорошо. Но из этого не следует, что нам не нужно эту цену уменьшить елико возможно и деликатно»⁵⁵⁵. Представления Бонч-Бруевича о требуемых суммах, как выяснилось потом, были далеки от их истинного масштаба: в том же письме к Потемкину он с удовлетворением напоминал, что частью средств Потемкин располагает, в его распоряжении в Париже находятся 10 000 франков на покупки для Литературного музея. Сумма же, которую запросили наследники, составляла 250 000 франков, что соответствовало, как сообщил Бонч-Бруевичу сотрудник посольства, почти 59 тысячам рублей⁵⁵⁶.

В. Герцен торопил с ответом. В письме от 20 ноября 1936 г. он сообщал, что квартира Н. А. Герцен должна быть очищена в кратчайший срок⁵⁵⁷, а 26 декабря напоминал: «Квартира должна быть очищена в течение 15 дней»⁵⁵⁸. В письмах кратко перечислялось и содержание предложенного архива: «Многочисленные и важные документы Герцена, годичный комплект французского «Колокола» (который теперь нельзя найти), 250 писем, адресованных ему выдающимися людьми, русскими и иностранными за время с 1840 по 1860 г., включая сюда письмо Александра I 1812 года, копию письма А. Герцена-сына Николаю II, рукопись 5-й части его мемуаров и т. д.»⁵⁵⁹. В письме выражалось единодушное решение всех членов семьи Герценов вернуть архив отца и деда на родину, где «все эти памятники и документы попадут в единственное истинное их место, которым является его родина и где чтут его память».

Бонч-Бруевич был сперва полон надежд на успех дела. 22 декабря он писал В. Герцену: «Вчера я имел случай говорить с наркомом просвещения по Вашему делу и встретил у него полное сочувствие и желание хлопотать о покупке этих материалов, и он деятельно за это принялся. (. . .) Ответа жду очень скоро»⁵⁶⁰. Тогда же он писал Потемкину: «Сумма большая. Как Вы думаете, нельзя ли ее понизить? Владельцы говорят, что нам есть конкурент, но это, может быть, слова. Я лично сейчас же, немедленно, иду хлопотать во все высшие инстанции; не знаю, как мне удастся, но упустить эти материалы просто невозможно»⁵⁶¹. Однако добиться приобретения оказалось не так просто. 21 января 1937 г. Бонч-Бруевич писал В. Герцену, что вопрос рассматривается и будет решен на днях⁵⁶². Между тем, долгое ожидание нарушило единодушное наследников: вынужденная освободить квартиру Н. А. Герцен, Жермен Рист отправила все же указанную Натальей Александровной часть архива в Прагу. Оставшиеся бумаги были перевезены к Родичевой. Но Владимир Герцен продолжал ждать ответа из Москвы. 29 апреля он телеграфировал Бонч-Бруевичу: «Действительно ли вы покупаете. Ответьте. Герцен»⁵⁶³.

Положение Бонч-Бруевича было крайне трудным. Только что изменилось руководство Наркомпросом. Получение столь крупных валютных ассигнований в этот момент было нереальным. Но даже в июне 1937 г., с опозданием на два месяца отвечая на телеграмму Герцена и ссылаясь при этом на длительную свою болезнь, Бонч-Бруевич пытался получить некоторую отсрочку⁵⁶⁴. 2 октября 1937 г. В. Герцен потребовал категорического ответа: «Ничего не получив после трех месяцев ожидания, семья Герцен уведомляет вас, что если к 15 октября, самое позднее, вы не заключите сделку и не вышлете просимую сумму 250.000 французских франков, она иначе распорядится наследством Герцена»⁵⁶⁵. Ответ Бонч-Бруевича не сохранился ни в делах Литературного музея, ни в его личном архиве — его, вероятно, и не было. После этого Владимир Герцен продал принадлежавшие лично ему материалы из архива деда Международному институту социальной истории в Амстердаме. В их число на этом этапе входила и рукопись «V тома» «Былого и дум» — как видим, и отбирая документы, предназначенные для Праги, Н. А. Герцен не решилась выпустить эту рукопись из семьи.

Переписка, хранящаяся в архиве Международного института социальной истории (ксерокопии были любезно присланы нам из Амстердама), полностью раскрывает историю и условия этой продажи. Не получив ответа из Москвы и правильно поняв это как окончательный отказ,

Владимир Герцен начал искать других покупателей. 17 декабря 1937 г. Б. Н. Николаевский, парижский представитель института, писал в Амстердам директору проф. Н. В. Постумусу «Внук известного Герцена, др. В. Герцен, 5, улица Жюлья Ферри, Кламар (департамент Сены), предложил мне остаток архива своего деда. Речь идет о большом пакете, список содержимого которого я Вам при сем посылаю. Это в высшей степени интересные вещи, частично уже опубликованные. Кроме перечисленного в списке, у него находится еще большой пакет писем А. Герцена к его сыну Александру (отцу владельца архива), около 100 писем, по-видимому неопубликованных (я выборочно проверил). Архив этот интересен в первую очередь как русский архив, однако его ни в коем случае не следует рассматривать как чисто русский. В нем находятся, например, 135 писем к Герцену известнейших представителей западноевропейской демократии за 1850—1860-е годы, среди них письма Маццини, Л. Блана, Гарибальди, Мишле, В. Гюго и т. д.

За все эти вещи владелец архива просит 6000 франк. франков. Это, кажется, его крайняя цена. По моему мнению, это недорого. Если институт купит этот архив, то с его герценовским собранием сможет конкурировать только московское. Я очень рекомендую купить этот архив. Я договорился с владельцем, что он даст нам время до 1 января; хотелось бы, однако, дать ему ответ скорее. Я убежден, что с уплатой подождут до января.

Кроме архива, его владелец обладает также оригинальным портретом Герцена, написанным знаменитым художником Ге (это тот Ге, что писал Толстого и др.). Портрет этот весьма известен, считается лучшим и много раз печатался. Он очень велик (высотой полтора метра) и в раме. Владелец просит за него 20 000 французских франков, но не исключено, что уступит за 15—16 000. Конечно, было бы хорошо, если бы институт мог купить этот портрет, но это уже роскошь».

Бросается в глаза прежде всего огромная разница между суммой, на которой настаивал Владимир Герцен в переговорах с московским Литературным музеем, и весьма скромной ценой, названной амстердамскому институту. Очевидно на Западе оказалось не так много охотников уплатить крупную сумму за переписку Герцена — хотя, как покажет дальнейшее, В. Герцен просто не знал, к кому ему следовало обратиться.

Уже 21 декабря из Амстердама было отправлено письмо Николаевскому с согласием приобрести архив на предложенных владельцем условиях, и Николаевский, по-видимому, тут же съездил за ним в Швейцарию. 24 декабря он сообщал в институт из Парижа: «Архив Герцена я уже получил. Кроме вещей, перечисленных в списке, владелец передал нам некоторое количество других бумаг и документов, касающихся его деда, целый пакет семейных портретов и т. д.

Теперь, когда я просмотрел все это, я пришел к убеждению, что это очень дешево. Когда я вчера получал альбом Герцена с выставки 1812 г. (владелец предоставил его в распоряжение выставки), я узнал, что выставочный комитет получил предложение о покупке этого альбома. Покупатель, известный артист и собиратель документов по истории русской литературы, готов заплатить за этот альбом больше, чем мы заплатили за весь архив. Я думаю, было бы правильно перевести владельцу деньги как можно скорее». Написав директору института далее, что не будет отправлять архив, ожидая его приезда в Париж, Николаевский добавлял: «Владелец архива обратился ко мне с следующей просьбой: в альбоме находится письмо известного итальянского революционера (1848) Медичи, чей правнук женился на племяннице владельца архива. Этот правнук умолил его передать ему письмо прадеда как семейную реликвию. Я сказал, что сплшусь с Вами по этому поводу. Лично я считаю, что мы не должны отдавать оригинал, но можно сделать фотокопию и послать ее владельцу архива, чтобы он отправил ее Медичи. Так и было сделано, письмо осталось в альбоме ⁵⁶⁶.

«Известный артист и собиратель документов», желавший купить альбом Герцена, это, несомненно, Сергей Лифарь. Альбом, как мы уже знаем, ему не достался. Остается неясным, купил ли институт предлагавшийся В. Герценом портрет Герцена работы Ге. Портрет этот (авторское повторение находящегося в Третьяковской галерее в Москве) после смерти Герцена принадлежал его сыну (он хорошо виден на фотографии 1890-х годов, где А. А. Герцен снят с женой и дочерью в своем доме в Лозанне ⁵⁶⁷), потом, следовательно, старшему сыну А. А. Герцена Владимиру; в настоящее время у потомков В. А. Герцена этого портрета нет. Реальная передача приобретенных Николаевским материалов из архива Герцена в амстердамский институт состоялась, как следует из приведенного выше письма, только в начале 1938 г.

Выясненная по этим документам роль Николаевского в приобретении Международным институтом социальной истории архива Герцена позволяет разрешить еще одну загадку, уже несколько десятилетий бытующую в устной традиции герценоведов. Существует версия о том, что часть архива Герцена накануне второй мировой войны стала каким-то образом собственностью

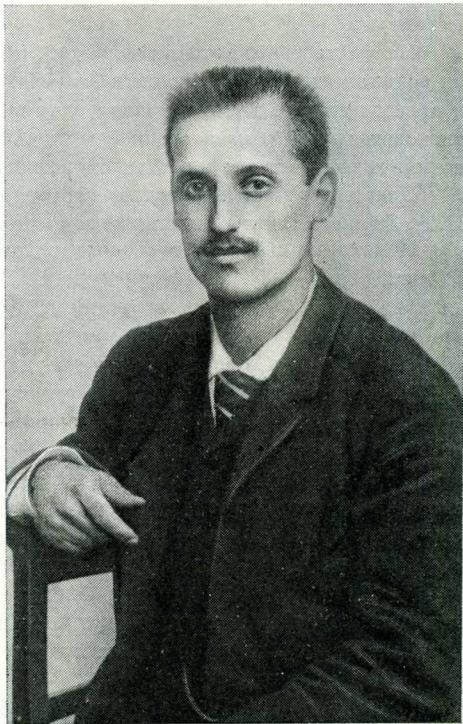
жившего в Париже Б. Н. Николаевского, и дальнейшая судьба этой части неизвестна. Николаевский впоследствии переехал в США, увезя, естественно, с собой все свои бумаги, после его смерти поступившие в Станфордский университет. Однако сведения о составе архива Николаевского, довольно давно уже появившиеся в американских архивных справочниках, на какие-либо материалы Герцена не указывали. Все попытки проверить эту версию, предпринятые С. А. Макашиным (писавшим и в Станфордский университет и вдове Николаевского) и автором этих строк, обращавшейся в университет и непосредственно и через советских представителей в США, успеха не имели: оказалось, что часть бумаг Николаевского запечатана по его воле на длительный срок и состав ее неизвестен. Теперь становится ясно то недоразумение, которому эта версия обязана своим возникновением. Вот что рассказывал нам об этом С. А. Макашин: «Незадолго до начала второй мировой войны в Европе, по-видимому в 1938 году, престарелая мать Б. Н. Николаевского, жившая в Москве, с которой он вел интенсивную переписку, передала Б. П. Козьмину адресованное ей письмо сына из Парижа. А Б(орис) П(авлович) познакомил с этим письмом меня. Вот что в нем содержалось: Б. Н. Николаевский очень взволнованно сообщал матери, что он только что приехал из Швейцарии в Париж и привез с собой драгоценные архивные материалы. Оценивая их, он писал матери, что они вносят много нового в историю общественной мысли и революционного движения России прошлого века. При этом он добавлял, что документов так много, что они могли бы составить несколько томов „Литературного наследия“»⁵⁶⁸. Речь, конечно, шла именно о части архива Герцена, которую Николаевский привез не для себя, а для амстердамского института. Но это оставалось непонятным вплоть до нынешнего времени.

Как выясняется теперь, недоразумение могло бы разъясниться раньше. Еще в 1971 г., отвечая в письме от 18 января С. А. Макашину на ряд его вопросов, Леонард Рист писал ему, в частности:

«Международный институт социальной истории в Амстердаме купил архивы Герцена у Владимира Александровича Герцена в 1938 году через их парижского сотрудника Б. Н. Николаевского»⁵⁶⁹.

К сожалению, это замечание Л. Риста, раскрывающее роль Николаевского в продаже архива, не было тогда замечено и по достоинству оценено. «Лишь теперь, — писал нам С. А. Макашин еще до получения ксерокопий из Амстердама, — обратившись к забытому мною письму Л. Риста, я прихожу к заключению, что Николаевский привез из Швейцарии (. . .) ту часть архива Герцена, которая была у Владимира Герцена и была продана при посредстве Николаевского в Международный институт в Амстердаме».

Таким образом, этот вопрос может в настоящее время считаться окончательно разрешенным.

В. А. ГЕРЦЕН — ВНУК ГЕРЦЕНА

После смерти брата стал одним из распорядителей архива Герцена

Фотография, 1888

Музей Герцена, Москва

VII

Нам остается осветить последний, очень существенный для истории архива этап собирания на родине материалов Герцена и Огарева, начавшийся сразу по окончании второй мировой войны и охватывающий, таким образом, уже более трех десятилетий. Этап этот связан с архивно-исследовательской и издательской деятельностью редакции «Литературного наследства», а в последние годы — и с активностью открывшегося в Москве в 1976 г. Музея Герцена.

Исходные данные о судьбе зарубежной части архива, как она сложилась после смерти Н. А. Герцен, были туманными и неопределенными. Лишь постепенно кое-что начало проясняться.

Некоторые сведения восходили к довоенному времени. Еще в 1936 г. И. С. Зильберштейн от жившего в Праге литературоведа В. Н. Тукалевского узнал, что в составе фондов Русского заграничного исторического архива в Праге хранятся переданные дочерью Драгоманова материалы Герцена и Огарева. Полученные оттуда с помощью Тукалевского фотокопии трех писем Л. Н. Толстого к Герцену были потом напечатаны в «Литературном наследстве» (т. 41-42, 1941). Перед самой войной В. Д. Бонч-Бруевичу стало известно, что архив получил документы, хранившиеся у Н. А. Герцен, и он сообщил об этом С. А. Макашину. Во время Великой Отечественной войны судьба солдата привела Макашина в Прагу, где и после окончания военных действий он пробыл еще семь месяцев. Тут он лично познакомился с одним из руководителей русского заграничного исторического архива проф. А. Ф. Изюмовым, но ознакомиться с хранящимися там бумагами из архива Герцена ему тогда не удалось. 4 мая 1945 г., когда советские войска подходили к Праге, И. С. Зильберштейн обратился к президенту АН СССР С. И. Вавилову с докладной запиской о необходимости перевезти в СССР фонды *РЗИА*. Записка была немедленно передана правительству; Тосканский дворец сразу же после освобождения Праги был взят под охрану, а в июне 1945 г. правительство Чехословакии приняло решение о передаче архива в дар Советскому Союзу⁵⁷⁰.

Доставленная в июне же в Москву со всеми материалами *РЗИА* «пражская коллекция» бумаг из архива Герцена и Огарева первоначально поступила в ЦГАОР СССР (впоследствии она была передана в ЦГАЛИ, где образовала фонд № 2197). Здесь работниками архива М. И. Рыбинским, Н. Р. Прокопченко, Ю. П. Дзагуровой и др. был сразу же начат разбор бумаг «коллекции», а вскоре, совместно с редакцией «Литературного наследства», и подготовка их к печати в томах этого издания. Руководил последней работой С. А. Макашин. Осуществлялась она коллективом известных литературоведов и историков: Н. П. Анциферовым, Б. П. Козьминим, Л. Р. Ланским, М. В. Нечкиной, В. А. Путинцевым, Е. Л. Рудницкой, Я. З. Черняком, Н. Д. Эфрос и др.

Сразу по выходе первого из томов (т. 61 появившегося в свет весною 1953 г.), где в предисловии «От редакции» указывалось, что в «пражской коллекции» отсутствуют некоторые материалы, в свое время переданные А. А. Герценом Драгоманову, в софийской газете «Вечерни новини» появился отклик заместителя директора Архивного института Болгарской академии наук доктора Петра Миятева, разъяснявшего судьбу искомых материалов, переданных наследниками Драгоманова в 1943 г. в руководимый автором институт в Софии⁵⁷¹. По-видимому, речь уже шла не о дочери Драгоманова, скончавшейся до войны, а о его внучке. Статья Миятева была замечена Л. Р. Ланским, сообщившим о ней С. А. Макашину, и вскоре в результате возникшей переписки с Болгарской академией наук Софийская коллекция была принесена в дар Советскому Союзу. Первоначально она поступила непосредственно в редакцию «Литературного наследства», а затем была передана — в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина — ф. 69. Материалы ее вошли в герцено-огаревские тома «Литературного наследства»⁵⁷².

Очевидно, было, однако, что этими двумя крупнейшими пополнениями собранного в Москве архива Герцена и Огарева дело не исчерпывается. Но сколько-нибудь достоверной информации о материалах, оставшихся еще у потомков Герцена или в европейских хранилищах, по-прежнему не было. Поэтому усилия, предпринятые тогда редакцией «Литературного наследства» с целью их обнаружения, велись сразу в двух направлениях: во-первых, разыскивали письма Герцена и Огарева к деятелям западной культуры и международной демократии, которые могли оказаться в любом зарубежном хранилище или частном собрании (в этих разысканиях участвовал весь тогдашний коллектив редакции — И. С. Зильберштейн, Л. Р. Ланский, С. А. Макашин, Н. Д. Эфрос и др., и результатом их явился не только специальный том «Герцен в заграничных коллекциях» — т. 64, но и значительное пополнение источниковой базы тридцатитомного собрания сочинений), во-вторых (и это нас, по предмету данной работы, интересует в первую очередь), стремились выяснить судьбу тех документов из герценовского архива, которые не попали ни в Прагу, ни в Софию, и по возможности получить к ним доступ. Это последнее направление поисков связано было преимущественно с именем С. А. Макашина.

Прежде всего необходимо было установить связи с потомками Герцена. Начало этому было положено в 1950 г., когда по случаю 100-летия со дня рождения Ольги Моно «Литературное наследство» направило ей поздравительную телеграмму. Ответа, понятно, не последовало, но как рассказывал впоследствии Леонард Рист, телеграмма была получена и сыграла свою роль в той благожелательности, с которой потом отнеслась к запросам Макашина дочь Ольги Александровны Жермен Рист.

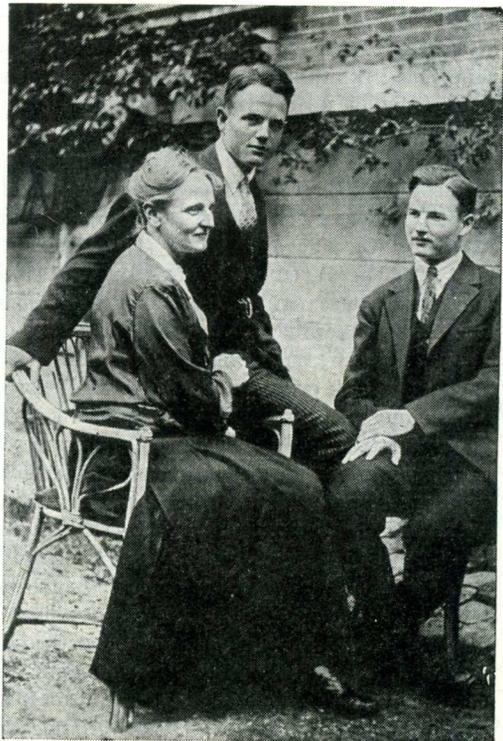
О действиях друг друга после смерти Н. А. Герцен, как вскоре выяснилось, наследники были осведомлены недостаточно. Это обнаружилось с самого начала переписки С. А. Макашина с Жермен Рист. Она так отвечала 11 ноября 1955 г. на его запрос о части архива, оказавшейся в Амстердаме: «Мне говорили, что документы и, в частности, пятая часть мемуаров Александра Герцена находится в Институте социальной истории в Нидерландах. Эти бумаги принадлежали моему кузену Владимиру Герцену, скончавшемуся много лет назад. Я предполагаю, что он передал их в Институт социальной истории»⁵⁷³. Если на

чатые Макашиным поиски, как мы покажем далее, далеко не сразу достигли полного успеха, то одной из главных причин этого была неизученность истории распада архива Герцена, противоречивость и неточность имеющихся сведений. На приведенное письмо Ж. Рист он отвечал так: «Мы давно уже находимся в переписке с Международным институтом социальной истории в Амстердаме. Мы получили фотокопии

с хранящихся у них писем Герцена и Огарева, но они ничего не сообщали нам о рукописи пятой части «Былого и дум», которую мы упорно ищем по всему свету. Мы предполагали, что материалы, найденные в Амстердамском институте, поступили туда от Николая Герцена или от его вдовы. Но Вы пишете о Вашем кузене Владимире Герцене. Это дает нам надежду, что существует, возможно, еще одно место хранения герценовских рукописей, в том числе и упомянутой пятой части «Былого и дум»⁵⁷⁴. Как видим, шли ощупью. А между тем, приведенная нами выше переписка В. Герцена с В. Д. Бонч-Бруевичем уже хранилась в ЦГАЛИ СССР и ясно показывала, что искомая рукопись в те годы принадлежала этому внуку Герцена.

Любопытно, что Жермен Рист была настолько не уверена в своих сведениях, что в следующем письме, 9 декабря 1955 г., писала Макашину: «Мне никогда не было известно, где находится рукопись 5 части мемуаров, как и рукописи первых четырех частей», а о Владимире Герцене высказывалась уже в вопросительной форме: «...он ли передал, как мне говорили, разные бумаги и письма, касающиеся Герцена, в Амстердам?» В присланном ею вскоре собственном письме к брату Эдуарду, сохранившемся в архиве редакции «Литературного наследства» (от 13 декабря 1955 г.), она высказывалась еще определеннее: «Я не знаю также, кто из детей дяди Александра передал в Амстердамский музей документы, относящиеся к Александру Герцену, и какие документы». Вскоре ей все же удалось кое-что уточнить, и 21 февраля 1956 г. она сообщала Макашину: «Одна дама, моя приятельница, пишет мне, что, как ей сказали, 5-я часть мемуаров Герцена находится в Институте социальной истории в Нидерландах. Я думаю, в Амстердаме — или в Гааге? Рукопись, по ее словам, принадлежала Владимиру Герцену, внуку Александра Герцена, и была продана».

Переписка С. А. Макашина с самим институтом в Амстердаме, хранящаяся в архиве редакции «Литературного наследства», отчасти объясняет причины, по которым получаемые отсюда све-

ЖЕРМЕН РИСТ (ВНУЧКА ГЕРЦЕНА)
С СЫНОВЬЯМИ НОЭЛЕМ И ЛЕОНАРДОМ
в саду дома Ристов (Версаль), где хранилась часть
архива Герцена

Фотография. Версаль, 1930-е гг.

Собрание Н. П. Герцен, Москва

дения столь долго были неполными: как между А. А. Герценом и запрашивавшими его русскими исследователями возникало некогда взаимное непонимание, вытекавшее из узко поставленных вопросов, так и теперь ответы Макашину не выходили за рамки его вопросов. Так, задав вопрос о хранящихся в Институте социальной истории письмах Герцена, он получил соответствующий ответ директора института проф. А. Рютера от 9 декабря 1954 г., где перечислялись имевшиеся там письма Герцена — к жене (10), сыну (233 напечатанных Лемке и 34 неопубликованных⁵⁷⁵), Огареву (59), Н. А. Тучковой-Огаревой (2), а также напечатанные у Лемке письма к Долгорукову (12), Кавелину (1), Кельсиевым (5), Орсини (1), Рейхелю (9), Сазонову (1), Тхоржевскому (67), К. Фогту (3), Чарторыйскому (1). Указаны там были и письма Огарева к А. А. Герцену (98), Н. А. Герцен (4), О. А. Герцен-Моно (6), Нечаеву (1). Но ничего больше. И только после получения новых указаний от Жермен Рист Макашин повторил свой запрос в более общей форме — и вот тогда ответ института содержал уже указание на «Рукопись V части «Былого и дум», около 119 страниц, нумерованных от 9 до 125» и на многочисленные письма разных лиц к Герцену⁵⁷⁶. Но и при этом оставалась известная недоговоренность: ни во втором письме проф. Рютера от 18 октября 1956 г., ни в приложенном к нему перечне ни словом не было разъяснено, что часть упомянутых в перечне писем к Герцену находится в хранящемся также в институте альбоме писем, документов и изобразительных материалов «выдающихся современников» Герцена — том самом альбоме, который считался давно пропавшим⁵⁷⁷. Недоразумение это разъяснилось только тогда, когда фотокопии материалов из Амстердама были получены «Литературным наследством» (в порядке обмена на фотокопии из фондов Института марксизма-ленинизма и Библиотеки имени В. И. Ленина) и переданы в Отдел рукописей библиотеки⁵⁷⁸. Надо подчеркнуть, что полученные в 1970 г. фотокопии и на этот раз не исчерпали хранящуюся в Международном институте социальной истории часть архива Герцена и Огарева. Судя по списку, присланному С. А. Макашину проф. Лео Ван-Россумом, там хранятся еще следующие материалы Герцена: 1. Из альбома: а) письмо 24 польских эмигрантов к Герцену от 29 ноября 1854 г., б) письмо В. Неголевского к Герцену от 24 июля 1855 г., в) письмо неустановленного лица из Люцерна к Н. А. Герцен от 15 декабря 1850 г., г) автограф неустановленного лица, 5 строк с датой 1858; 2. Письма к Герцену: Гервега (21, 1850 г.), Ж. Мишле (30, 1851—1869 гг.), Н. А. Тучковой-Огаревой (3); 3. Письмо А. Х. Бенкендорфа П. М. Волконскому от 16 ноября 1834 г. о высылке Герцена; 4. Письмо И. А. Яковлева к А. А. Яковлеву 1838 г.; 5. Письмо Д. В. Голицына к И. А. Яковлеву от 3 апреля 1835 г.; 6. Метрическое свидетельство Н. А. Захарьиной, выданное 5 мая 1838 г.; 7. Официальные документы о жизни Герцена за границей: а) о натурализации его в кантоне Фрибург, б) предписание ему покинуть Францию, апрель 1850 г., в) разрешение ему остаться в Ницце от Министерства внутренних дел Италии, Турин, 12 мая 1851 г., г) отказ французского консула в Ницце Герцену во французской визе, 22 апреля 1852 г., д) отношение министерства полиции к барону Ротшильду 9 января 1853 г., е) отказ кантонального совета кантона Фрибург Герцену во французской визе, 24 сентября 1859 г.; 8. Материалы, связанные с погребением Герцена (9 док.); 9. Материалы, связанные с завещанием и наследством Герцена, 1870—1872 (9 док.); материалы Огарева: 1. Рукопись «Бедлам или день из нашей жизни (эскиз комедии)» 2. Письма к Огареву — А. А. Герцена (1), О. А. Герцен (1), Н. А. Тучковой-Огаревой (50); 3. Письма Огарева — Ольге Герцен (1), Н. А. Тучковой-Огаревой (1); письма Н. А. Тучковой-Огаревой к В. Кельсиевой (1), мадам Мишель (1), Н. А. Герцен (1), неустановленному лицу (1); статья А. А. Герцена об отце (для «Сборника посмертных статей»); письмо его к Николаю II 1899 г.; переписка его с Сатинными 1880-х годов, с Т. П. Пассек 1887 г.; переписка Н. А. Герцен с разными лицами 1919—1920 гг.; письма М. К. Рейхель к А. А. Герцену; некролог Герцену, написанный Мишле; печатные статьи о Герцене; фотографии (36). Как видно из этого достаточно обширного перечня, весьма ценные материалы еще неизвестны в науке и не опубликованы (хотя многое, например письма Гервега и Мишле к Герцену, напечатаны давно⁵⁷⁹, но не всегда исправно).

Вернемся теперь к 1937 г., когда три ящика с документами, принадлежавшими Н. А. Герцен, уехали в Прагу, а все оставшееся от этой части архива Герцена продолжало храниться у Родичевой в Лозанне. Наталья Александровна до конца своих дней оставалась при убеждении, что не только некоторые документы ее личного архива (скажем, все, касающееся «нечаевской истории» — см. наст. том), но и часть бумаг отца еще долго, а может быть, и всегда, должны быть ограждены от гласности. Поэтому оставшиеся на попечение Родичевой документы еще почти двадцать лет никому не были доступны. О том, что они в конце концов поступили в парижскую Национальную библиотеку, С. А. Макашин узнал впервые из упоминавшегося письма Жермен Рист от 11 ноября 1955 г. Откликнувшись этим письмом на посланный ей том «Литературного

наследства» (т. 61) и отвечая на вопросы, содержащиеся в приложенном к нему письме редакции, она, в частности, сообщила, что передала бумаги, доставшиеся ей от Н. А. Герцен, в Национальную библиотеку и обещала свое содействие в получении микрофильма с них. Здесь же было указано, что часть их закрыта для пользования до 1970 г. Более подробные сведения об истории этой части герценовских бумаг С. А. Макашин получил из писем к нему Т. А. Осоргиной, работавшей в те годы в Национальной библиотеке в Париже и прямо причастной к этой истории. «Мое участие в этом деле началось в конце лета 1954 г., — писала она, отвечая на его вопросы, — с того дня, когда я получила письмо от Родичевой, извещавшей меня о том, что семья Рист собирается передать оставшиеся бумаги Герцена в какой-то американский университет. По-моему, дело шло о Колумбийском университете, но я не уверена. Родичева спрашивала меня, не захочу ли я снять копии с бумаг, касавшихся Мих. Бакунина. На это я ответила, что меня лично эти бумаги не интересуют, но что я не понимаю, почему отправлять архивы в Америку, раз вся семья Рист живет во Франции и раз сам Герцен умер в Париже. Написала на ветер, никогда не думая, что мое мнение будет принято во внимание. Однако оказалось обратное»⁵⁸⁰.

Надо разъяснить, что к этому времени, а именно — в 1952 г., некоторые ценные материалы из этой части архива были уже проданы от имени престарелой Ольги Моно ее детьми Колумбийскому университету в США. Это были письма Герцена и его жены к Н. И. и Т. А. Астраковым, некогда присланные последней его старшей дочери⁵⁸¹. Понятно, что после смерти О. Моно в 1953 г. Колумбийский университет пожелал приобрести и остальное, вступив в переговоры с ее дочерью и наследницей. Но после письма Т. А. Осоргиной семья Рист приняла иное решение. Осенью 1954 г. Жермен Рист перевезла весь оставшийся архив от Родичевой из Лозанны к себе в Версаль и обратилась к Осоргиной с просьбой помочь в разборе бумаг и передаче их Национальной библиотеке. «Вы, должно быть, удивлены моим молчанием, — писала она ей 8 ноября 1954 г. — Когда я видела г. Маклакова в начале октября, он мне сказал, что Вы еще в Женеве. А потом я была больна и прикована к дому. Г. Маклаков совершенно согласен с тем, чтобы бумаги моего деда Александра Герцена, которые еще находятся у меня, были бы переданы господину Порше в Национальную библиотеку (. . .) Я хочу Вас просить, если это не очень трудно для Вас, приехать в удобный для Вас день в Версаль, чтобы самой разобрать бумаги, некоторые из них, быть может, взять с собой (. . .) и составить список всему, что может быть передано в Национальную библиотеку»⁵⁸². Таким образом, во-первых, не все предполагалось передавать, а во-вторых, при решении вопроса о судьбе бумаг семья Рист советовалась с Маклаковым. Однако предоставим снова слово Т. А. Осоргиной: «В ноябре или самом начале декабря я была у нее в Версале (ее муж был еще жив; если не ошибаюсь, он умер в январе 1955 г.), и в тот же самый день она мне отдала все пакеты с бумагами с просьбой разобрать их окончательно и выделить пакет 1852 г., который она хотела оставить запечатанным. Официальная передача в Национальную библиотеку задержалась в связи со смертью Шарля Риста и состоялась 24 апреля 1955 г. В этот момент не был передан только пакет писем Герцена к Тате, который, как я думаю, хранился где-то особо (. . .). Это все легко объяснить: этот пакет был в Версале уже раньше и г-жа Рист о нем забыла».

В Национальную библиотеку поступил тогда последний крупный комплекс бумаг, находившихся у Н. А. Герцен, и часть принадлежавшего О. А. Моно (в их числе были переданы два автографа Герцена: перевод на французский язык отрывка «Братьям на Руси» из главы XXV 5-й части «Былого и дум» с посвящением Мальвиге Мейзенбург — см. XXX, 518—522, и «Vues alpêtres» — см. XX, 648—659, а также письма Герцена к М. Мейзенбург). Все это составило там три номера — Slave 108, 109, 110. Запечатанный пакет тогда еще номера не имел.

Письма Герцена и некоторые другие материалы (как оказалось — только хранившиеся под номером Slave 108) с разрешения Ж. Рист были фотокопированы главным хранителем департамента рукописей Национальной библиотеки Ж. Порше для «Литературного наследства» в 1956 г., и незаданная их часть вошла в 64-й том этого издания (письма Герцена к дочери Тате и к Огареву). Сами же фотокопии редакция передала в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина, где они влились все в тот же фонд Герцена и Огарева.

Однако появившиеся в 1960-х годах во Франции публикации герценовских материалов из Национальной библиотеки показали, что копии, полученные в 1956 г., отражали далеко не все, полученное в Париже из семьи Ристов (даже если учитывать, что один пакет был еще запечатан). Предположив, что часть архива поступила в Национальную библиотеку позже, С. А. Макашин обратился за разъяснениями к Т. А. Осоргиной и снова вступил в переписку с Национальной библиотекой, где к этому времени департамент рукописей возглавлял уже Марсель Тома. Т. А. Осоргина писала ему 13 апреля 1969 г.: «Повторяю Вам еще раз: все то, что Вы видели и что

зарегистрировано под номерами Slave 108, 109, 110, было передано одновременно, при моем посредстве. В первый день нашего знакомства, осенью 1954 г., г-жа Рист передала мне все пакеты и просила их разобрать, отделив то, что касается 1852 года». Напоминая далее, что сам Макашина настаивал на микрофильмировании именно писем Герцена к Тате и Огареву, что и было сделано, она продолжала: «Должна добавить, что в тот момент весь архив находился в довольно хаотическом состоянии и точно нельзя было сказать, что в нем находится. После того как были сделаны микрофильмы с писем Герцена Тате и Огареву (. . .) заведующий Архивом Жан Порше просил меня разобрать этот архив и подготовить его для переплета (. . .) Именно в момент разборки этого архива я и обнаружила письма Нечаева. Вероятно, кроме самой Таты никто и не знал раньше, что они там находятся»⁵⁸³.

Дала свои плоды и начата Макашиным переписка с М. Тома: летом 1970 г. из Национальной библиотеки в обмен на микрофильмы французских рукописей из Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина были получены микрофильмы всего, что хранилось под номерами 108—110. Сделанные с них фотокопии тоже вошли в фонд Герцена и Огарева Ленинской библиотеки. Но запечатанный пакет в число этих копий не вошел: во время микрофильмирования он еще не был вскрыт. Приглашенному присутствовать на церемонии вскрытия С. А. Макашину (он был приглашен правнуками Герцена Леонардом и Ноэлем Ристами и, со своей стороны, Марселем Тома) не удалось это осуществить. Оказавшись в Париже только в конце 1970 г., он нашел пакет уже распечатанным и получил возможность тут же заказать, в счет будущей компенсации микрофильмами из советских архивов, копии всего его содержимого (пакет получил уже номер Slave 111). В обмен на этот раз участвовал ЦГАЛИ СССР⁵⁸⁴. В 1977 г. фотокопии материалов пакета поступили в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина и еще дополнили фонд № 69⁵⁸⁵. Все не публиковавшиеся до сих пор в русской печати материалы Герцена и Огарева, поступившие от Ристов в Национальную библиотеку, увидят свет в настоящем и следующем герценовском томах «Литературного наследства».

Следует сказать, что и при почти исчерпывающей передаче из семейного архива письма Герцена к дочери Ольге все-таки переданы не были. Сохранившиеся 28 писем к ней (частично обработанные к другим детям и к Мальвике Мейзенбург) разделились между тремя ее потомками: 21 письмо хранилось у дочери Ольги Александровны, Жанны Моно-Анфу, а после ее смерти в 1978 г. они перешли к сыну последней Андре Анфу (два из них были подарены публикатору этих писем А. Звигильскому), 5 писем хранятся у сына Жермен Рист Марио Риста в Версале, еще 2 письма у другого ее сына Ноэля в Париже⁵⁸⁶.

При содействии внуков Герцена редакции «Литературного наследства» удалось получить микрофильм и с оказавшейся в Америке переписки А. И. и Н. А. Герценов с Астраковыми (по просьбе С. А. Макашина Жермен Рист обращалась по этому поводу в Колумбийский университет⁵⁸⁷), и с переписки Натальи Александровны Герцен с Гервегом, которую потомки последнего передали в Британский музей (в этом деле заслуга принадлежит Эдуарду Моно-Герцену, добившемуся согласия на это музей; копии были получены и составили предмет обширного обзорно-публикации Л. Р. Ланского⁵⁸⁸).

Перейдем, наконец, к последней, четвертой части архива, принадлежавшей внуку Герцена Николаю, жившему в Швейцарии. Последний его брак с Идой Вилле был заключен за два года до его смерти (в 1929 г.). Детей от этого брака не было, и принадлежавшие Николаю Герцену материалы из архива деда остались у вдовы. Когда именно разделили между собою архив Натальи и Николай Герцены, установить не удается. Перечень документов, сохранившийся в записной книжке Николая Александровича и составленный, по-видимому, вскоре после смерти его отца, еще объединяет документы, впоследствии оказавшиеся в разных частях расколовшегося архива, да и сама-то записная книжка попала потом в Прагу⁵⁸⁹. Ида Герцен скончалась в 1949 г., а местонахождение и состав унаследованных ею от мужа герценовских бумаг другим потомкам Герцена не были известны. В неоднократно уже цитированном письме от 11 ноября 1955 г. Жермен Рист писала Макашину: «Часть оригинальных изданий книг Александра Герцена и комплект газеты «Колокол» были пожизненно предоставлены моему кузену Николаю Герцену, а в случае его смерти должны были возвратиться к моей тетке г-же Натали Герцен. Я не знаю, было ли это сделано, но г-жа Николай Герцен (т. е. Ида Герцен) после смерти своего мужа подарила моему брату Эдуарду Моно-Герцен комплект газеты „Колокол“»⁵⁹⁰. Здесь как будто снова всплывает так и не найденный Лемке комплект «Колокола» с разметкой принадлежавших Герцену статей, о котором мы уже говорили. Однако здесь речь, по-видимому, идет не о нем, а всего лишь о полугодовом

Н. П. ГЕРЦЕН И ЛЕОНАРД РИСТ — ПРАВНУКИ ГЕРЦЕНА

Фотография. Москва, 1976

Музей Герцена, Москва

комплекте французского «Колокол», принесенном позднее в дар музею Герцена в Москве. Архивные же материалы Герцена и книги из его библиотеки (теперь ясно, что вдова Николая Герцена не возвратила их Наталье Александровне) после смерти Иды Герцен достались ее другу и душеприказчице Этель Нагель, хранившей их у себя, еще 18 лет. Только в июне 1967 г. все это приобрела у нее Публичная и университетская библиотека в Женеве.

С. А. Макашин узнал об этом, находясь в конце 1970 г. в Париже, и, возвратившись в Москву, немедленно обратился в Женеву к профессору университета Свену Стеллингу-Мишо и к хранителю отдела рукописей Ф. Монье. В тот момент большая часть купленных библиотекой материалов готовилась к изданию отдельной книгой⁵⁹¹, что препятствовало немедленному микрофильмированию. Но настойчивость «Литературного наследства» и благожелательное участие ЦГАОР СССР, предоставившего нужные для обмена микрофильмы, привели вскоре к успеху. Копии были получены, и это дало возможность осуществить в настоящем томе первую публикацию хранящихся в Женевской библиотеке материалов с текстологической редакцией по фотокопиям.

Помимо документов и книг, библиотека в Женеве приобрела у Э. Нагель фотографии, портреты Герцена и его невестки Терезины кисти Н. А. Герцен, некоторые вещественные реликвии: принадлежавшие Герцену часы, портфель, булавку для галстука. Большая часть полученных книг принадлежала к собраниям сына и внука Герцена. К библиотеке же его самого, судя по списку, полученному из Женевы, восходят очень немногие книги: неполный комплект «Полярной звезды» (кн. 1—6), три комплекта «La Cloche» (два из них неполные), изданные при жизни Герцена сочинения русских писателей: Некрасова (изд. Солдатенкова и Щенкина, М., 1856), Гоголя (М., 1865; только т. 1—4), Кольцова (М., 1856), Грибоедова (Берлин, 1860), «Записки из Мертвого дома» Достоевского (оттиск из журнала «Время» с дарственной надписью автора Герцену⁵⁹²), анненковское издание Пушкина (т. 1—3, 5—7), стихотворения Полежаева (М., 1859), «Записки охотника» Тургенева (М., 1852, ч. 2), «Кобзарь» Шевченко⁵⁹³. Помимо названного — подаренные Герцену книги В. Лугинина («Густав Вернер и основанная им в Рейтлингене брат-

ская община»), Гржималы Любанского («La vérité sur les lettres de M. J. Proudhon». Turin, 1862) и, вероятно принадлежавшие ему следующие: мемуары П. В. Долгорукова (Женева, 1867, т. 1), «La cour de Russie il y a cent ans» (Берлин, 1858), «Артели в древней и нынешней России» Н. Калачова (СПб., 1861), три книги Прудона, «La liberté» Стюарта Милля (Париж, 1864), «Auguste Comte et la philosophie positive» Литтре (Париж, 1863), наконец, изданные самим Герценом «Записки Екатерины II». Обращает на себя внимание и наличие в этой группе книг еще одного комплекта «Колокола». Хотя в нем не хватает номеров, неполны и приложения «Общее вече» и «Под суд!», но комплект этот явно мемориален: на нем есть пометы Герцена и одна из них адресована Тате.

Таким образом, итогом многолетних разысканий всех частей распавшегося архива Герцена и Огарева, которые велись редакцией «Литературного наследства», явились не только ставшие их следствием шесть герцено-огаревских томов (т. 61—64 и два тома, издающиеся теперь), но и воссоединение в Москве — отчасти в подлинниках (Пражская коллекция и Софийская коллекция), отчасти в фотокопиях (материалы парижской Национальной библиотеки — «парижская коллекция», Международного института социальной истории в Амстердаме — «амстердамская коллекция»; Университетской и Публичной библиотеки в Женеве — «женевская коллекция», Колумбийского университета в США — «ню-йоркская коллекция») — всех документов архива, которые дети и внуки Герцена постепенно передали в зарубежные хранилища.

Наш обзор всех деталей этой истории был бы, однако, неполон, если бы мы не упомянули о реликвиях, оставшихся и после этого у потомков Герцена и только в последние годы то в подлинниках, то в копиях принесенных ими в дар московскому Музею Герцена. Среди них были и письма (17 писем Огарева дочерям Герцена и Мальвиде Мейзенбург — они будут напечатаны в следующем томе «Литературного наследства», а также ранее известные письма Герцена к Мишле и Мейзенбург), и мемориальные вещи уникального значения, картины, портреты, рисунки — и в том числе рисунки жены и дочери Герцена, непосредственная часть его архива.

Сведения о многом из перечисленного начали выявляться еще в ходе рассмотренной нами выше переписки С. А. Макашина с внуками Герцена. Уже в первом из своих писем Жермен Рист сообщила ему, что ее дядя Александр и тетка Натали раздали часть памятных вещей детям и племянникам, и называла многие хранящиеся у последних портреты. Ряд уточнений, а затем и даров — сперва «Литературному наследству», позднее, в период организации музея Герцена, открывшегося в Москве в 1976 г. как филиал Государственного литературного музея, — этому музею, последовал в результате переписки с правнуками Герцена Леонардом и Нозлем Ристами и Сержем Герценом. Последний в ответ на обращение к нему С. А. Макашина прислал в дар будущему музею картину А. П. Боголюбова «Апофеоз «Полярной звезды» и «Колокола», в 1860 г. преподнесенную Герцену колонией русских художников в Париже и высоко ценившуюся Герценом. От него же потом поступил в музей, как уже упоминалось, тот самый бюст Герцена работы Грасса, розыск которого так упорно добивалась в свое время Н. А. Тучкова-Огарева⁵⁹⁴. Нозль Рист подарил музею цветную репродукцию принадлежащего ему портрета Герцена работы его старшей дочери. Особенно большой вклад в музей внес Леонард Рист. Встречавшийся с ним в конце 1960-х — начале 1970-х годов С. А. Макашин так вспоминает о нем и об этих встречах: «Это был удивительно милый, приятный, отзывчивый человек, сохранивший интерес к своему великому прадеду и ради этого взявшийся, уже в зрелые годы, за изучение русского языка. Он жил в Версале, в том самом доме — 18 bis, rue du Parc-de Clagny, где раньше жила его бабушка Ольга Александровна Моно-Герцен и его мать Жермена Шарль Рист. Его большой кабинет напоминал залы бывшего музея сороковых годов на Собачьей площадке в Москве. Так много было в этой комнате старинных предметов, фотографий, книг, мемориальных предметов, относящихся к Герцену, его семье и окружению. Я постарался убедить Леонарда Риста в необходимости передать все это в Москву, в будущий музей Герцена, решение о создании которого тогда только что было принято»⁵⁹⁵.

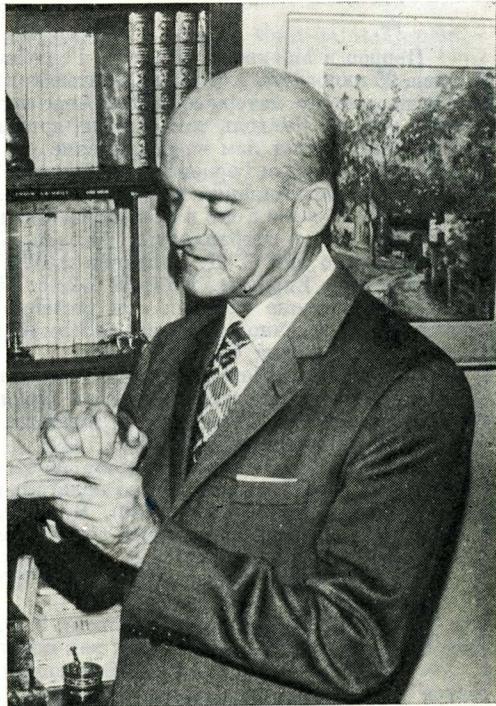
Впоследствии беседы на эти темы были с большим успехом продолжены жившей в Москве (ныне покойной) правнучкой Герцена Н. П. Герцен, роль которой в передаче последних реликвий на родину трудно переоценить. Из каждой своей поездки во Францию — и при жизни ее кузена Леонарда Риста, и в 1982 г., уже после его кончины — она привозила, а затем передавала в Музей Герцена драгоценные материалы. Надо надеяться, что постепенно и все еще остающиеся за рубежом реликвии окажутся в доме Герцена на Сивцевом Вражке.

Скажем в заключение несколько слов о сделанной нами попытке обнаружить в составе хранящейся в фондах Государственной библиотеки имени В. И. Ленина библиотеки Н. А. Рубакина,

завещанной им Советскому Союзу, книги, некогда принадлежавшие Герцену. Версия о том, что дети Герцена передали Рубакину находившиеся у них книги из библиотеки отца, давно встречалась в литературе⁵⁹⁶. Достоверность ее, однако, никем не проверялась. Переписка Рубакина с дочерьми Герцена, хранящаяся в его архиве, а в особенности записи в его дневнике подтверждали, на первый взгляд, указанную версию. Дневник Рубакина за последние дни жизни Н. А. Герцена в сентябре 1936 г. и за следующий месяц, когда О. Моно, Ж. Рист и А. Родичева разбирали оставшееся имущество, показывает, что он получил для своей библиотеки «несколько сот» книг, принадлежавших Наталье Александровне⁵⁹⁷. Среди них могли, конечно, быть книги, доставшиеся ей от отца (хотя, если судить по свидетельствам Ж. Рист и по книгам, поступившим в жевневскую библиотеку, они были особо выделены гораздо раньше).

Проверить это было нелегко, так как книги, поступившие от наследников Н. А. Герцен, растворились в обширной библиотеке Рубакина, насчитывающей десятки тысяч книг. Проверка производилась несколькими путями. Так как библиотека Рубакина хранится в том же порядке, в каком существовала в Швейцарии, и с составленным там систематическим каталогом, то оказалось возможным выявить все книги, изданные до 1870 г., в тех разделах, где литература скорее всего могла соответствовать предполагаемому и выясняющемуся из переписки Герцена составу его небольшой, как мы уже знаем, библиотеки (история, философия, социология, публицистика, художественная литература). Кроме того, проверялись книги всех авторов из окружения Герцена, чьи труды, скорее всего, у него были (близкие русские и иностранные друзья, деятели европейского революционного движения и общественной мысли). В результате удалось выявить около ста книг, происходящих из семьи Герцена: с владельческими надписями его детей и внуков, с их дарственными надписями друг другу, с дарственными им от авторов книг. В ходе проверки обнаружился и третий путь выявления: оказалось, что многие книги, принадлежавшие членам семьи Герцена, имеют характерные идентичные переплеты. Сплошной просмотр всей библиотеки Рубакина для отбора книг с такими переплетами еще пополнил выявленный ранее круг изданий. Но в результате стало ясно, что в библиотеке Рубакина нет ни одной книги, чья принадлежность Герцену, а не его потомкам, может быть доказана документально. Сам Рубакин считал принадлежавшей Герцену одну книгу — итальянско-немецкий и немецко-итальянский словарь Ф. Феллера (Лейпциг, 1868), на обресе которого была сделана надпись: «А. Н. Florenz». Вообразив, что это инициалы А. И. Герцена, Рубакин надписал на словаре: «Книга эта принадлежала А. И. Герцену. См. буквы А. Н. на обресе. Редк(ая)». Но он ошибался: на защитном листе книги есть дарственная надпись: «Ricordo dello zio Guglielmo. Bortino, 23 ottobre 1868» *, сделанная, конечно, кем-то из родственников жены Александра Александровича Герцена, и книга, несомненно, была подарена ему. Таким образом, версия о книгах Герцена в составе библиотеки Рубакина не подтвердилась. Книги из библиотеки Герцена, которые не были в свое время отданы его внуку Николаю, остались в семье, так же как и книги, которые он сам дарил детям. Часть их поступила теперь в московский Музей Герцена.

Окончен наш рассказ о судьбе архива Герцена и Огарева. Но сложная и запутанная его история все еще не окончена. Не все опубликовано, многое не понято, многое не найдено. Поиски продолжаются.

СЕРЖ ГЕРЦЕН — ПРАВНУК ГЕРЦЕНА

Фотография. Блоне (Швейцария), 1974

Музей Герцена, Москва

* На память от дяди Гульельмо. Бортино, 23 октября 1868 (итал.).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Первое в Москве: при аресте Герцена 21 июля 1834 г. Два в Париже: обыск в квартире Герцена 25 июня 1848 г. (бумаги, взятые полицейским офицером, впоследствии были возвращены); обыск на даче его матери в Виль-д'Авре под Парижем 23 июня 1849 г. после отъезда Герцена в Женеву. М. К. Рейхель так описала тогдашнюю ситуацию: «...были только бумаги Герцена, которые он оставил нам на сохранение <...> Я скоро нашла бумаги и привязала их себе под пальто <...> Бумаги Герцена мы с Луизой Ивановной долго носили на себе» (М. К. Р е й х е л ь. Орывки из воспоминаний и письма к ней А. И. Герцена. М., 1909, с. 65).

² И. А. Ж е л в а к о в а. Дом на Сивцевом Вражке. М., 1982, с. 137.

³ Записка не сохранилась. См.: А. Г о л ь д е н в е й з е р. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 234 (указано нам С. Д. Лицинер и И. Г. Птушкиной).

⁴ «Вестник Европы», 1913, № 1-2, с. 55.

⁵ В подлиннике сказано: «Un portefeuille avec des papiers assez graves» (XXV, 34). Слово «portefeuille» неудачно переведено словом «бумажник»: бумажник не мог вместить целый комплекс важных для Герцена бумаг.

⁶ Составители «Летописи жизни и творчества А. И. Герцена» предполагают, что среди привезенных Редигером материалов была рукопись «Долг прежде всего» (т. 2, с. 155).

⁷ «Мешки еще в Берне, — прибавлял он. — Мать моя боится, как бы содержимое их не попортилось...» (см. наст. том, с. 113).

⁸ «Летопись жизни и творчества А. И. Герцена», т. 2, с. 218.

⁹ Н. П. Андиферов ошибочно полагал, что Булич привез Герцену его письма к Астраковым («Лит. наследство», т. 63, с. 436). В действительности Т. А. Астракова прислала эти письма после смерти Герцена его старшей дочери (см. ее письмо к Н. А. Тучковой-Огаревой 1885 года. — *ГБЛ*, ф. 69, 9.23, л. 20).

¹⁰ См. «Лит. наследство», т. 62, с. 755—757.

¹¹ Там же, т. 63, с. 602.

¹² *ГБЛ*, ф. 196 (Е. С. Некрасовой), 7.18, л. 24 об. Речь идет, конечно, лишь о какой-то части писем Герцена к М. Ф. Корш, так как немало его писем к ней известно.

¹³ Там же, 7.20, л. 5—5 об. Екатерина Александровна Захарьина, в замужестве Селина, — сестра Натальи Александровны Герцен. И. А. Линниченко (1857—1926) — историк, проф. Московского и Новороссийского университетов.

¹⁴ «Русские Прописки», т. IV. М., 1917, с. 253.

¹⁵ Архив Н. А. и Н. П. Огаревых. М., 1930 (далее: *АО*), с. 61.

¹⁶ Там же, с. 62.

¹⁷ «Лит. наследство», т. 63, с. 514.

¹⁸ Письмо от 1 мая 1875 г. — Там же.

¹⁹ Описание рукописей Ф. М. Достоевского. М., 1957; «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог», вып. 1. М., 1975; вып. 2. М., 1979.

²⁰ Н. М. Мендельсон. Судьба литературного наследства А. И. Герцена («Лит. наследство», т. 7-8); С. А. Макашин. Софийская коллекция рукописей из архива Герцена и Огарева («Известия АН СССР», отд. литературы и языка, т. XIII, вып. 5. М., 1954); Б. П. Козьмин. Софийская коллекция Герцена и Огарева («Вопросы истории», 1954, № 11).

²¹ М. И. Гиллельсон, Е. Н. Дрыжакова, М. К. Перкаль. А. И. Герцен. Семинарий. М., 1965, глава «Судьба рукописного наследия»; Н. С. Рогова. Из истории переписки А. И. Герцена 1859—1861 гг. (Судьба документальных материалов). — «Труды Моск. гос. историко-архивного института», т. 16. М., 1961. Н. С. Роговой удалось несколько расширить накопленные сведения, но небольшой объем статьи и избранные ею узкие хронологические рамки помешали полной реализации ее замысла.

²² С. А. Макашин. Указ. соч., с. 456; Н. С. Рогова. Указ. соч., с. 320.

²³ Л. Р. Ланский, В. А. Путицев. Рукописи произведений Герцена в Пражской и Софийской коллекциях («Лит. наследство», т. 63); Н. П. Андиферов. Иконографические и мемориальные материалы Пражской коллекции (там же); Л. Р. Ланский. Газетные и журнальные вырезки в архиве Герцена (там же); Я. З. Черняк. Фонд Н. П. Огарева («Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина» (далее: *Зп. ГБЛ*), вып. 12. М., 1951).

²⁴ В. И. Кулешов. Переписка М. К. Лемке с наследниками Герцена («Лит. наследство», т. 63); А. Н. Дубовиков. Воспоминания Т. П. Пассек «Из дальних лет» как источник для изучения биографии Герцена и Огарева (там же); М. Г. Вандальковская. М. К. Лемке — историк русского революционного движения. М., 1972, глава «М. К. Лемке — герценовед»; С. В. Житомирская. Первый в России музей освободительного движения («Федоровские чтения за 1974 год». М., 1976).

²⁵ По родословной Герценов, составленной недавно скончавшимся правнуком Герцена Леонардом Ристом, в настоящее время в европейских странах и США проживает не менее 75 прямых потомков Герцена (*ГБЛ*, ф. 69, 26.72).

²⁶ *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 623—681.

²⁷ Там же, ед. хр. 602—618.

²⁸ См. в наст. томе с. 421.

²⁹ Первое письмо его по приезде домой датировано 26 февраля (см.: *АО*, с. 77).

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 80.

- ³² ГБЛ, ф. 69, 11.85, л. 2.
- ³³ M. Merivaud. Lettres de Nicolas Ogarev à Alexandre Herzen-fils. Mont-Saint-Aignan — Paris, 1978, p. 164, 166.
- ³⁴ АО, с. 80.
- ³⁵ Там же, с. 82.
- ³⁶ М. Мервао. Указ. соч., с. 164.
- ³⁷ АО, с. 78.
- ³⁸ «Лит. наследство», т. 41-42, с. 163.
- ³⁹ Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., 1958, с. 302.
- ⁴⁰ АО, с. 80.
- ⁴¹ АО, с. 81 (с ошибочной датировкой февралем).
- ⁴² Там же, с. 78.
- ⁴³ М. Мервао. Указ. соч., с. 166.
- ⁴⁴ АО, с. 79.
- ⁴⁵ ГБЛ, ф. 69, 24.14, л. 5.
- ⁴⁶ Там же, л. 21.
- ⁴⁷ См. письмо Н. А. Герцен к М. К. Рейхель от 8 октября (там же, л. 23).
- ⁴⁸ Печатаемая «Полярной звезде» главу «Осеано пох», Герцен писал: «Этот отрывок (никогда еще не печатавшийся) принадлежит к той части «Былого и дум», которая будет издана гораздо позже и для которой я писал все остальное» (X, 271). Тем же почти предварял он публикацию V части «Былого и дум»: «Многое, не вошедшее в «Полярную звезду», вошло в это издание, но всего я не могу еще передать читателям по разным общим и личным причинам. Не за горами и то время, когда напечатаны не только выпущенные странички, но и целый том, самый дорогой для меня...» (X, 10).
- ⁴⁹ См.: «Описание рукописей А. И. Герцена». М., 1950, с. 8—10, № 7—14.
- ⁵⁰ ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 118, 122—125.
- ⁵¹ АО, с. 92.
- ⁵² С. А. Макашин. Указ. соч., с. 456; Н. С. Рогова. Указ. соч., с. 320; «Лит. наследство», т. 64, с. 319.
- ⁵³ М. О. Гершензон. Образы прошлого. М., 1912, с. 277.
- ⁵⁴ Фотокопии: ГБЛ, ф. 69, 21.51.
- ⁵⁵ Фотокопии: там же, ф. 69, 20.51—52.
- ⁵⁶ ОПИ ГИМ, ф. 342.
- ⁵⁷ «Лит. наследство», т. 39-40, с. 282—285.
- ⁵⁸ «Herzen et Proudhon». Paris, 1928.
- ⁵⁹ «Correspondance de P.-J. Proudhon». Paris, 1875.
- ⁶⁰ «Былое», 1907, № 5, с. 208.
- ⁶¹ М. Мервао в своей публикации «Herzen et Proudhon» ошибочно указывает, будто Лемке ссылался на подлинник приписки, находящийся в Москве. См.: «Cahiers du Monde Russe et Soviétique», v. XII, N 1-2, p. 146.
- ⁶² «Лит. наследство», т. 39-40, с. 269, 272.
- ⁶³ Ранее оно было напечатано Н. М. Менделеевым по копии в его работе «Герцен, Прудон и Толстой» («Лит. наследство», т. 15).
- ⁶⁴ «Лит. наследство», т. 62, с. 497—498.
- ⁶⁵ Фотокопия: ГБЛ, 21.48. Приписка вклеена Герценом в альбом автографов. Тот факт, что Н. А. Герцен не нашла ее для Лабри, говорит о том, что уже тогда альбома у нее не было (см. ниже, с. 557).
- ⁶⁶ ГБЛ, ф. 69, 9.23, л. 8об. Письма хранятся с 1952 г. в Колумбийском университете (США), фотокопии: ГБЛ, ф. 69, 17.9—17, 22.3—27. Часть их напечатана впервые: «Неизданные письма А. И. Герцена к Н. И. и Т. А. Астраковым». Нью-Йорк, 1957 (письма Герцена и письма Н. А. Герцена, где были его приписки); впоследствии более исправно (письма Герцена): «Лит. наследство», т. 64. Оказалось потом, что сгорело далеко не все: в августе 1885 г. Астракова радостно извещала Наталью Алексеенку: «Нашлись записочки Наташи Герц(ен) (московские), ваши письма и Огар(ева) из Петербурга и заграничные» (9.23, л. 12). Как показало недавнее приобретение Литературным музеем архива Астраковой, у нее уцелело немало писем, и в их числе — 16 писем или приписок Герцена и 21 письмо (или приписка) Огарева (см. об этом: И. А. Желвакова. Указ. соч., с. 155—186). Но, вероятнее всего, часть писем все же погибла.
- ⁶⁷ «Лит. наследство», т. 61, с. 300—301.
- ⁶⁸ ГБЛ, ф. 69, 24.14, л. 5.
- ⁶⁹ АО, с. 83.
- ⁷⁰ ГБЛ, ф. 69, 24.14, л. 19, 25.
- ⁷¹ Там же, 24.15, л. 1.
- ⁷² Там же, 24.26, л. 7—8.
- ⁷³ Там же, 24.15, л. 1.
- ⁷⁴ Н. П. Андциферов. Письма к М. К. Рейхель («Лит. наследство», т. 61, с. 292).
- ⁷⁵ М. К. Рейхель. Указ. соч., с. 73—74.
- ⁷⁶ Н. П. Андциферов. Указ. соч., с. 303.
- ⁷⁷ Там же, с. 307—314.
- ⁷⁸ ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 768—805.
- ⁷⁹ В списке, присланном редакции «Литературного наследства» проф. Ван-Россуумом, значится 14 писем М. К. Рейхель к А. А. Герцену за 1859, 1871—1875 гг.

⁸⁰ Ср.: Н. С. Рогова. Указ. соч., с. 319, где сказано, что письма прислала Г. Моно, вдова Мишле. Статья Герцена «Michel Bakounine» (VII, 340—350), вторая статья — «Pétrachevsky» (Л VI, 487—502).

⁸¹ ГБЛ, ф. 69, 24.15, л. 3.

⁸² ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп. III Отделения, 1871, д. 35, л. 2.

⁸³ См. его письмо к ней от 24 июля 1869 г. («Лит. наследство», т. 63, с. 424—425).

⁸⁴ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп. III Отделения, 1871, д. 35, л. 7об.

⁸⁵ Там же, л. 4—4об.

⁸⁶ Там же, л. 11.

⁸⁷ ГБЛ, ф. 69, 24.15, л. 16—17.

⁸⁸ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп. III Отделения, 1871, д. 35, л. 14.

⁸⁹ Там же, л. 10.

⁹⁰ ГБЛ, ф. 69, 24.16, л. 2.

⁹¹ Там же, л. 3.

⁹² ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп. III Отделения, 1871, д. 35, л. 15.

⁹³ ГБЛ, ф. 69, 24.16, л. 6.

⁹⁴ «Лит. наследство», т. 63, с. 517.

⁹⁵ Там же, с. 590.

⁹⁶ М. Мерво. Указ. соч., с. 235.

⁹⁷ «Лит. наследство», т. 61, с. 594.

⁹⁸ М. Мерво. Указ. соч., с. 237.

⁹⁹ «Лит. наследство», т. 63, с. 603, 604, 606.

¹⁰⁰ Там же, с. 612.

¹⁰¹ ГБЛ, ф. 69, 10.88, л. 1; об обещании А. А. Герцена прислать взамен ответные письма Огарева см.: «Лит. наследство», т. 63, с. 609.

¹⁰² ГБЛ, ф. 69, 10.88, л. 4—5.

¹⁰³ «Лит. наследство», т. 63, с. 610.

¹⁰⁴ Там же, т. 61, с. 379—454.

¹⁰⁵ М. Мерво. Указ. соч., с. 239.

¹⁰⁶ «Лит. наследство», т. 63, с. 595.

¹⁰⁷ Там же, с. 718—719.

¹⁰⁸ Подробнее всего осветил ее М. К. Перкаль (в кн.: «А. И. Герцен. Семинарий», с. 21—22), но и в его изложении вкрались некоторые неточности.

¹⁰⁹ Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., 1958, с. 302—303.

¹¹⁰ ГБЛ, ф. 196, 18.18, л. 3об.—4 (письмо от 30 июня 1892 г.).

¹¹¹ АО, с. 289.

¹¹² Там же, с. 295.

¹¹³ Письма А. А. и Н. А. Герценов — в кн.: «Архив Н. А. и Н. П. Огаревых, письма Н. А. Тучковой-Огаревой» (ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 675—676) — частично приведены в обзоре Н. А. Роскиной «Из переписки Н. А. Тучковой-Огаревой» («Лит. наследство», т. 63, с. 517—520).

¹¹⁴ ГБЛ, ф. 196, 12.9, л. 37об.

¹¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 675, л. 12, 15об.

¹¹⁶ АО, с. 91—92.

¹¹⁷ Подлинник на франц. яз. в сб.: «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, с. 514.

¹¹⁸ «Лит. наследство», т. 63, с. 517; сокращенное в подлиннике слово «Герц.» (в первом случае) при публикации неверно прочитано как «Герцена», что противоречит контексту. Подлинник см.: ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 676, л. 28об.

¹¹⁹ Там же, л. 33об. В публикации («Лит. наследство», т. 63, с. 518) пропущено слово «если», что меняет смысл фразы.

¹²⁰ «А. И. Герцен. Семинарий», с. 20—21.

¹²¹ «Лит. наследство», т. 63, с. 518.

¹²² ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 676, л. 11—11об. Речь идет о французском переводе «Былого и дум».

¹²³ Там же, л. 14.

¹²⁴ «Лит. наследство», т. 63, с. 518.

¹²⁵ АО, с. 137 (письмо от 9 ноября 1874 г.).

¹²⁶ Там же, с. 140.

¹²⁷ ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 676, л. 20 (письмо от 23 ноября 1874 г.).

¹²⁸ Там же, л. 22.

¹²⁹ Там же, л. 27об. В обзоре Н. А. Роскиной цитата приведена с рядом ошибок (см. с. 517).

¹³⁰ Там же, л. 32.

¹³¹ «Лит. наследство», т. 63, с. 518.

¹³² Там же, с. 517.

¹³³ АО, с. 162.

¹³⁴ «Лит. наследство», т. 63, с. 518. Слово «Дневнику» в этой цитате ошибочно прочитано публикатором как слово «Давыдову», а вслед за этим сделана неудачная попытка объяснить появление в тексте непонятно откуда возникшего имени.

¹³⁵ ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 676, л. 25 об., 31 об.

¹³⁶ АО, с. 147.

¹³⁷ Письмо от 23 апреля 1875 г. (АО, с. 169).

¹³⁸ «Лит. наследство», т. 63, с. 519.

- ¹³⁹ Там же, с. 519—520
- ¹⁴⁰ Письмо от 15 мая 1875 г. (АО, с. 176).
- ¹⁴¹ «Лит. наследство», т. 63, с. 520.
- ¹⁴² И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем, т. 11. М.—Л., 1966, с. 203. Почти дословно Тургенев повторил этот отзыв в тот же день в письме к М. Е. Салтыкову-Щедрину, в конце которого он прибавлял: «Жаль, что напечатать это невозможно» (с. 205).
- ¹⁴³ Там же, с. 206—207.
- ¹⁴⁴ ПД, ф. 7, № 11, л. 11—12.
- ¹⁴⁵ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем, т. 11, с. 211.
- ¹⁴⁶ См. его письма к ней от 6, 25 июня и 9 августа 1875 г. (там же, с. 100, 107, 112, 123).
- ¹⁴⁷ АО, с. 239.
- ¹⁴⁸ «Лит. наследство», т. 63, с. 521.
- ¹⁴⁹ АО, с. 243.
- ¹⁵⁰ АО, с. 244—245.
- ¹⁵¹ Там же, с. 215, 229, 230, 244.
- ¹⁵² В составе архива Вырубова все это попало в Библиотеку Академии наук в Петербурге, теперь этот архив в ПД, ф. 78.
- ¹⁵³ Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., 1958, с. 275; АО, с. 281.
- ¹⁵⁴ ГБЛ, ф. 196, 18.14, л. 1 об. Это утверждение неверно: книга осталась во Флоренции у Герценов и только в 1982 г. была подарена вдовой Леонарда Риста Наталье Петровне Герцен, подарившей ее Музею Герцена в Москве.
- ¹⁵⁵ АО, с. 283.
- ¹⁵⁶ ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп. III Отделения, 1871, д. 35.
- ¹⁵⁷ Там же, л. 27.
- ¹⁵⁸ Там же, л. 18.
- ¹⁵⁹ Там же, л. 34.
- ¹⁶⁰ Там же, л. 35, 41.
- ¹⁶¹ Там же, л. 43
- ¹⁶² Там же, л. 45—45 об.
- ¹⁶³ Местонахождение их сейчас неизвестно. Указания пензенским властям о повторном просмотре бумаг не последовало.
- ¹⁶⁴ Н. А. Тучкова-Огарева. Указ. соч., с. 223.
- ¹⁶⁵ В тот же день он писал Тате и Мейзенбург: «Вот вам мой первый рапорт об Огареве» — пишу почти слово в слово то, что написал сейчас в Ниццу» (XXIX, 281). Письмо «в Ниццу» (т. е. к Тучковой-Огаревой), как указано в комментарии (там же, с. 677), неизвестно.
- ¹⁶⁶ «Лит. наследство», т. 63, с. 517. Подчеркнем здесь слово могла.
- ¹⁶⁷ «А. И. Герцен. Семинарий», с. 8.
- ¹⁶⁸ Н. С. Рогова. Указ. соч., с. 320.
- ¹⁶⁹ АО, с. 131.
- ¹⁷⁰ Там же, с. 143—144.
- ¹⁷¹ Там же, с. 228—229.
- ¹⁷² Там же, с. 230.
- ¹⁷³ ГБЛ, ф. 196, 18.19, л. 11 об. (письмо от 25 октября 1894 г.).
- ¹⁷⁴ АО, с. 229. В ответном письме А. А. Герцен заверял ее, что никто не собирается печатать этот дневник (там же, с. 230).
- ¹⁷⁵ ГБЛ, ф. 196, 18.19, л. 10 об.
- ¹⁷⁶ Там же, 18.26, л. 33.
- ¹⁷⁷ Там же, 12.11, л. 41.
- ¹⁷⁸ Там же, 18.26, л. 3 об.
- ¹⁷⁹ Там же, 18.27, л. 23.
- ¹⁸⁰ Е. С. Некрасова. О последних годах жизни Н. П. Огарева («Русская мысль», 1902, № 5, с. 206).
- ¹⁸¹ Письмо к Н. А. Тучковой-Огаревой от 20 ноября 1875 г. (АО, с. 212).
- ¹⁸² ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 232, л. 28 об.
- ¹⁸³ Обращает на себя внимание упоминание здесь имени Тхоржевского как одного из владельцев бумаг Герцена и Огарева. Архив его неизвестен, но не исключено, что в нем находились какие-то рукописи и письма, относящиеся к изданиям Вольной русской типографии.
- ¹⁸⁴ ЦГАЛИ, ф. 1065.
- ¹⁸⁵ А. Н. Дубовиков. Указ. соч. («Лит. наследство», т. 63, с. 565—646).
- ¹⁸⁶ Письмо от 14 марта 1886 г. (ГБЛ, ф. 69, 24.23, л. 1).
- ¹⁸⁷ Письмо от 27 марта 1886 г. (там же, л. 6).
- ¹⁸⁸ «Лит. наследство», т. 63, с. 606—609.
- ¹⁸⁹ ЦГАЛИ, ф. 514, оп. 2, ед. хр. 1 (подлинник на франц. яз.).
- ¹⁹⁰ ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 647.
- ¹⁹¹ Там же, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 613.
- ¹⁹² Ошибка эта, к сожалению, повторена и автором этих строк, включившим публикацию «Из переписки недавних деятелей» в библиографическую справку о работах Некрасовой (см.: «Федоровские чтения за 1974 год», с. 31).
- ¹⁹³ Н. М. Мендельсон. Указ. соч., с. 289.
- ¹⁹⁴ Зап. ГБЛ, вып. 12, с. 46.
- ¹⁹⁵ Там же, с. 46—47.

- 196 ЦГАЛИ, ф. 1065, оп. 4, ед. хр. 6, л. 2.
- 197 ГБЛ, ф. 77, 2.32, л. 1—106.
- 198 ЦГАЛИ, ф. 1065, оп. 4, ед. хр. 6, л. 3.
- 199 ГБЛ, ф. 77, 2.32, л. 5.
- 200 «Русская мысль», 1888, № 7, с. 1.
- 201 См., например, его письма от 13 августа и 28 сентября 1888 г. (ГБЛ, ф. 77, 2.32, л. 3, 5).
- 202 «Русская мысль», 1888, № 7, с. 2, 4.
- 203 ЦГАЛИ, ф. 1065, оп. 4, ед. хр. 6, л. 9—10. Текст от слов «Основные фазы» до «опубликованной в России» в подлиннике на франц. яз.
- 204 Там же, л. 11. Хотя в письме А. А. Герцена шла речь о статье для «литературного лексикона», в действительности имелось в виду издание «Grande encyclopédie», подзаголовком которой, как известно, гласит: «Inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts» («Толковый словарь наук, литературы и искусств»). Статья Драгоманова о Герцене, напечатанная в т. 20 энциклопедии (р. 27—28), отвечала по существу на все заданные редакцией вопросы. Статья подписана буквами Д. Н. М., легко расшифровываемыми как Драгоманов — Герцен — Моно. Таким образом, она оказывается единственной биографической справкой о Герцене, исходящей от его детей и коллективно ими подписанной, хотя и принадлежит перу Драгоманова.
- 205 Произведения Герцена из его записной тетради 1835—1838 гг.: «Русская мысль», 1881, № 12; 1882, № 1 и 12; переписка Герцена с невестой: «Русская мысль», 1893, № 1; о переписке Герцена с Тургеневым: «Русская мысль», 1895, № 2.
- 206 «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова». Женева, 1892; «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова». Женева, 1896.
- 207 «Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 3. СПб., 1913, с. 705.
- 208 «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена (1857—1869). Женева, 1887.
- 209 «Лит. наследство», т. 63, с. 845.
- 210 Там же, письмо от 16 июня 1914 г.
- 211 Там же.
- 212 См. замечания по этому поводу А. Н. Дубовикова: «Лит. наследство», т. 63, с. 566.
- 213 Зап. ГБЛ, вып. 12, с. 58.
- 214 ГБЛ, ф. 196, 7.22, л. 77—78.
- 215 Там же, 8.1, л. 57 об.—58.
- 216 Работа эта описана в той же статье Я. З. Червяка: Зап. ГБЛ, вып. 12, с. 59—67.
- 217 «Русская мысль», 1881, № 12, с. 47.
- 218 Хранится теперь под шифром: ГБЛ, ф. 69, 2.32; см. также: «Описание рукописей А. И. Герцена». М., 1950, с. 16—17.
- 219 ГБЛ, ф. 196, 7.18, л. 25.
- 220 И. И. Срезневский. Несколько припоминаний о научной деятельности А. Е. Викторовой («Сборник ОРЯС», т. 21, № 8. СПб., 1881); А. Ф. Бычков. Воспоминания («Известия Академии наук», т. 33. СПб., 1883); Р. П. Маторина. Архив А. Е. Викторовой (Зап. ГБЛ, вып. 16. М., 1954).
- 221 С. В. Житомирская. К истории писем Н. Н. Пушкиной («Прометей», вып. 8. М., 1972).
- 222 К. А. Майкова. Первые декабристские рукописи в Румянцевском музее. (Зап. ГБЛ, вып. 36. М., 1975).
- 223 «Он принес мне ее в рукописное отделение, положил ее передо мной на стол, сделав вокруг или, вернее, с 3 сторон изгородь из книг, чтобы никто не мог увидеть, что передо мной лежат „Былое и думы“» (ЛБ, ф. 196, 23.49, л. 80б.). О поддержке им начинаний Некрасовой говорит и написанный ею некролог ему: Е. С. Некрасова. Алексей Егорович Виктор. Очерк по письмам и личным воспоминаниям («Русская старина», 1884, № 9, с. 425—448).
- 224 Архив Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (далее: Архив ГБЛ), оп. 1, д. 602, л. 145.
- 225 Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев (далее: Отчет МП и РМ) за 1892—1894 гг. М., 1895, с. 55—56.
- 226 Письмо к А. И. Калишевскому от 11 ноября 1904 г. (ГБЛ, ф. 196, 9.22, л. 1 об.).
- 227 Среди них следует назвать прежде всего статью П. В. Анненкова «Идеалисты 30-х годов» («Вестник Европы», 1888, № 3-4) и воспоминания А. П. Милокова «Русский вестник», 1888, № 12).
- 228 «А. И. Герцен. Его заметки и наброски» («Русская старина», 1889, № 1); «Письма Герцена и Огарева к В. Кельсиеву» (там же); «Переписка Н. А. Герцен с А. Г. Клиентовой» (там же, 1892, № 3); «А. И. Герцен и Н. А. Захарьина» («Русская мысль», 1893, № 1); «Связка писем Герцена» («Северный вестник», 1894, № 7-8); «Юношеские литературные труды Герцена» (там же, 1895, № 9); «Н. П. Огарев» (Сб. «Почин», вып. 1. М., 1895); «Герцен в Вятке» (там же); «Герцен, его хлопоты о заграничном паспорте» («Русская мысль», 1904, № 9, 11).
- 229 Я. З. Червяк. Указ. соч., с. 48.
- 230 См. ниже. Подробнее: М. К. Перкаль. Из истории издания произведений А. И. Герцена (Сб. «Книга. Исследования и материалы», вып. 6. М., 1962); «А. И. Герцен. Семиварий», с. 26—31.
- 231 «Смерть Н. А. Герцен. Из дневника А. И. Герцена» (Сб. «Памяти Белинского». М., 1899); «Из заграничной жизни Герцена» («Русские ведомости», 1903, № 119); «Похороны Герцена» (там же, 1903, № 9).

- 232 ГБЛ, ф. 196, 23.50, л. 6. ✓
- 233 ГБЛ, ф. 196, 12.8, л. 1.
- 234 Там же, л. 3—3 об.
- 235 Письмо от 16 июня 1890 г. (Сб. «Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 3. СПб., 1912, с. 703).
- 236 Там же, с. 704.
- 237 Письмо от 22 марта 1892 г. (ГБЛ, ф. 196, 12.8, л. 5).
- 238 Там же, л. 5 об.
- 239 Там же, л. 11 об.
- 240 ГБЛ, ф. 196, 18.18, л. 9 об.
- 241 Там же, 18.17, л. 31—31 об.
- 242 Она писала, например, почти незнакомой ей О. А. Голохвастовой: «Говорят, что Вы обладаете многими семейными портретами и мишьяками семейства Яковлевых. Я очень понимаю, может быть, более кого бы то ни было, как дороги семейные портреты и воспоминания, и потому согласна, что при жизни расстаться с ними невымыслимо, но оставлять их на произвол судьбы тоже очень жаль, особенно когда дело идет о личности, которая со временем будет так оценена в русской истории, как Герцен: все, что до него касается, будет драгоценно; вот почему я Вам смею предложить завещать все эти семейные портреты в Румянцевский музей, где они будут тщательно сбережены; то же сделаю и я с теми немногими драгоценностями, которые имею» (ГБЛ, ф. 196, 18.15).
- 243 Письмо 1892 г. (датируется по письму Н. А. Тучковой-Огаревой к Некрасовой от 29 июля 1892 г.) — ГБЛ, ф. 196, 18.14.
- 244 Там же, 18.18, л. 25.
- 245 Там же, 18.11, л. 27 об., 31 об. Портрет Герцена, о котором идет речь, сохранился, но поступил в Отдел рукописей ГБЛ только в 1969 г. от внука и тезки Е. Ф. Корша (хранится в фонде семьи Коршей — ф. 465).
- 246 Отчет МП и РМ за 1886—1888 гг. М., 1889, с. 107.
- 247 Отчет МП и РМ за 1889—1891 гг. М., 1892, с. 76.
- 248 ГБЛ, ф. 196, 8. 11, л. 33. Некрасова видела у М. Е. Корш медальонный дагерротип Н. А. Герцен 1847 г., портрет Герцена работы Леона Ноэля, с дарственной надписью Герцена М. Ф. Корш от 24 ноября 1847 г., портреты Саши и Таты детьми, М. К. Эри с Колей, фотографии Таты, альбом, где есть «портрет Огарева с собственноручной надписью, данный в 1857 г.» (л. 34), альбом итальянских картин с дарственной надписью Герцена М. Ф. Корш.
- 249 Там же, л. 35 об.
- 250 Там же, л. 47.
- 251 Архив Астраковой, сохранившийся в семье сына В. В. Антушева, лишь в 1978 г. поступил в Государственный литературный музей (см. об этом: И. А. Желвакова. Указ. соч., с. 152—186). Материалы из этого архива публикуются в следующем томе «Лит. наследства».
- 252 ГБЛ, ф. 196, 8.11, л. 40.
- 253 Там же, 22.44.
- 254 Там же, 20.32.
- 255 Там же, 8.11, л. 40 об.
- 256 Там же, 18.17, л. 32 об.
- 257 Письма от 9 апреля, 18 июня, 31 октября 1892 г. (там же, 12.8, л. 8—8 об., 14 об, 19 об.).
- 258 Там же, 12.8, л. 14—14 об.
- 259 Письмо от 9 апреля 1892 г. (там же, 12.8, л. 8).
- 260 Там же, 12.8, л. 16.
- 261 Там же, 7.18, л. 28—28 об., 65.
- 262 Именно эти списки картин и мемориальных предметов, виденных Некрасовой в Лозанне, до сих пор служат для учета неизвестных еще материалов и атрибуции вновь найденных. См., например, обзор Н. П. Анциферова «Иконографические и мемориальные материалы Пражской коллекции», статью А. Ф. Коростина «Портрет Герцена 1836 г. работы А. Л. Витберга» («Лит. наследство», т. 63, с. 753—792, 649—654). Приведем одну из ее записей, чтобы показать их характер: «Портрет А. И., как он сидит облокотясь на стол <...> Очень хороший экземпляр портрета, сделанного в 1847 г. в Париже Леон Ноэль, — чистый, ясный, прекрасный. Большой портрет масляными красками Натальи Александровны, неизвестного художника. Портрет нехорош: она вышла с толстыми щеками, с выдающимся вперед подбородком, с карими глазами. А известно, что она всегда была худенькая, подбородок не выдавался, глаза не карие, а серые...» (ГБЛ, ф. 196, 7.18, л. 26 об.—27).
- 263 Там же, л. 51 об.
- 264 Там же, 18.17, л. 30 об.
- 265 Там же, л. 29 об.
- 266 Там же, 7.18, л. 51 об.
- 267 Там же, 7.19, л. 26 об.
- 268 Там же, 12.8, л. 39 об.
- 269 Письмо от 11 декабря 1896 г. (там же, 12.9, л. 24).
- 270 «...То Ольга изображена в профиль будучи годовалым ребенком, то ее головка в ночном чепчике, то Ольга делает первый шаг. Также несколько набросков Наташи в разных положениях крошечной девочкой <...> Тут же несколько карандашных силуэтов Александра Ивановича, карикатуры на Кетчера, Щепкина, Корша» (там же, 7.19, л. 18—19).
- 271 Там же, л. 19 об.—20.

- ²⁷² Там же, л. 10 об. — 12.
- ²⁷³ Там же, л. 17—17 об.
- ²⁷⁴ «Современник», 1913, кн. 6—9. Хранятся в фонде А. Н. Пыпина (ИД, ф. 250).
- ²⁷⁵ «Русская мысль», 1893, № 3, 4, 6—8, 11; 1894, № 1, 4, 8; «Новое слово», 1896, № 1, 4, 5, 7, 9, 10; 1897, № 4—6, 8.
- ²⁷⁶ ГБЛ, ф. 196, 18.19, л. 4, 6 об.
- ²⁷⁷ См. письмо А. А. Герцена от 22 апреля 1895 г. (там же, 12.9, л. 15).
- ²⁷⁸ Там же, 18.18, л. 55—57.
- ²⁷⁹ Там же, 18.19, л. 33.
- ²⁸⁰ Там же, 18.21, л. 7—7 об.
- ²⁸¹ Там же, 18.20, л. 9.
- ²⁸² Там же, 18.17, л. 13. Местонахождение бюста (у Н. А. Герцен) было впервые установлено М. К. Лемке. В наше время он хранился у правнука Герцена Сержа Герцена в Швейцарии и им подарен московскому Музею Герцена (И. А. Ж е л в а к о в а. Указ. соч., с. 142—143).
- ²⁸³ ГБЛ, ф. 196, 12.9, л. 21 об.
- ²⁸⁴ Там же, 18.20, л. 39.
- ²⁸⁵ Осуществленное им издание «Хождения Даниила игумена», по мнению современных исследователей, «остаётся лучшим и в наше время» (Н. И. П р о к о ф ь е в. Русские хождения XII—XV вв.— «Уч. зап. Мос. гос. пед. ин-та имени В. И. Ленина», № 363. М., 1970, с. 31).
- ²⁸⁶ Михаил Алексеевич Веневитинов (некролог).— Отчет МП и РМ за 1900 год. М., 1901, с. 5.
- ²⁸⁷ Отчет МП и РМ за 1901 год. М., 1902, с. 8.
- ²⁸⁸ ГБЛ, ф. 196, 17.27.
- ²⁸⁹ О декабристе В. Ивашеве: «Роман декабриста» («Русская мысль», 1885, № 10); см. также его неопубликованные воспоминания о знакомстве с дочерью декабриста М. В. Трубиной: ГБЛ, ф. 48, 21.3. По поводу объявления А. И. Герцена см.: «Русская старина», 1888, № 6, с. 702. О юмористическом сочинении «Истинная и последняя эмансипация рода человеческого...» см. II, 128—131.
- ²⁹⁰ ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 625, л. 3.
- ²⁹¹ Так, авторы коллективного труда «История Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина за 100 лет» (М., 1962) видели значение «Комнаты людей 40-х годов» только в собирании материалов, использованных впоследствии советской наукой, и утверждали, что «составители и хранители этого собрания замалчивали революционное значение «людей 40-х годов» (с. 21).
- ²⁹² Протокол заседания Совета музея от 5 марта 1897 г. (Архив ГБЛ, оп. 1, д. 588, л. 7 об.).
- ²⁹³ Письмо от 16 мая 1897 г. (там же, д. 520, л. 58).
- ²⁹⁴ ГБЛ, ф. 196, 17.27.
- ²⁹⁵ Там же, 7.20, л. 31—34.
- ²⁹⁶ Там же, 9.41.
- ²⁹⁷ Там же, 12.11. Подлинник на франц. яз.
- ²⁹⁸ Там же, 10.62; 9.27.
- ²⁹⁹ В нем значатся: портреты Герцена (фотография Л. Нозля, литография с портрета Горбунова, Герцен в гробу), рисунок карандашом — с акварельного портрета Н. А. Герцен, сделанного в Италии в 1848 г., две фотографии Огарева и литография с его портрета, фотографии Анненкова, Астраковых, Кетчера, Сатина, Тхоржевского, Чернецкого, детей Герцена, снимок могилы Герцена, фотокопия портрета И. А. Яковлева, портреты маслом Огарева и М. Л. Огаревой работы крепостного художника, дагерротип Н. А. Герцен с ребенком, бюст матери Огарева (Архив ГБЛ, оп. 1, д. 596, л. 84—85). Позднее, к маю 1904 г., от нее же поступили: рисунок Таты Герцен на обороте адресованного Тучковой-Огаревой письма, кабинетный портрет самой Натальи Алексеевны и «голубая косыночка Н. А. Герцен» (там же, л. 618, л. 23—24).
- ³⁰⁰ Отчет МП и РМ за 1899 год. М., 1900, с. 48.
- ³⁰¹ Отчет МП и РМ за 1900 год. М., 1901, с. 30, 38—39; Отчет за 1902 год. М., 1903, с. 40—42; Отчет за 1903 год. М., 1904, с. 50—51.
- ³⁰² См. письмо Н. А. Герцен к Некрасовой от 21 января 1898 г. о том, что книги (вероятно, женеваское издание — «oeuvres complètes») высланы в октябре (ГБЛ, ф. 196, 12.11, л. 15).
- ³⁰³ Письма Н. А. Герцен от 17 февраля и 21 марта 1895 г. и А. А. Герцена (весна 1895 г.) еще раньше сообщали о намерении прислать их с оказиями (там же, 12.8, л. 15).
- ³⁰⁴ См.: М. К. П е р к а л ь. Указ. соч., с. 179—180; П а н т е л е е в Л. Ф. Воспоминания. М., 1958, с. 639—644; О н ж е. К материалам об издании сочинений А. Герцена («Голос минувшего», 1917, № 11-12, с. 292, 295).
- ³⁰⁵ «А. И. Герцен. Семинарий», с. 27.
- ³⁰⁶ ГБЛ, ф. 196, 12.9, л. 6—6 об.
- ³⁰⁷ Там же, 8.1, л. 54—55.
- ³⁰⁸ Там же, л. 54 об.
- ³⁰⁹ Она, в частности, отдала Некрасовой несколько фотографий Герцена: с надписью «С подлинным верно. 9 дек. 1868. А. Г. Лондон» (там же, 8.3) и Герцен, сидящий, облокотившись, с двумя дочерьми, с Огаревым, «в двух лицах: один сидит верхом на стуле < . . . > другой стоит перед ним скрестивши руки», с надписью: «Один вам, другой Рейхелю. 22 дек. 1865» (там же, 7.22, л. 33 об.—34). По поводу последней карточки Некрасова записала тут же: «Я слышала от Алексея Ник(олаевича) Веселовского, что такую карточку он видел у кн. Мещерского, только на той внизу был подписан рукою А. И. Герцена тот разговор, который происходит между Гер-

ценом, который сидит, и Герценом, который стоит». 3 июня 1901 г. М. К. Рейхель писала Некрасовой: «Есть у меня еще кабинет-формат Герцен» с скрещенными руками, но этот уж оставлю, пока жива, у себя, он подписан: от неизменного друга М. К. Рейхель» (там же, 19.37, л. 6).

³¹⁰ Там же, 18.24, л. 18—18 об.

³¹¹ Письмо от 3 сентября 1901 г. (там же, 17.36).

³¹² Резкий протест Некрасовой на имя министра народного просвещения позволил музею добиться запрещения таможене осматривать заграничные посылки для него иначе, как в здании музея (Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 585, л. 148 об., 150—150 об.; д. 587, л. 69—69 об.).

³¹³ Там же, д. 596, л. 30; Отчет *МП* и *РМ* за 1902 год, с. 40—42.

³¹⁴ *ГБЛ*, ф. 196, 12.11, л. 34. Подлинник на франц. яз.

³¹⁵ Там же, 12.9, л. 43.

³¹⁶ Письмо от 1 марта 1902 г. (там же, 18.25, л. 10).

³¹⁷ Там же, 2.14, л. 21.

³¹⁸ По «Описанию рукописей Огарева» (М., 1950) они соответствуют номерам: 10, 97, 124, 194, 216, 259, 260, 264, 428.

³¹⁹ № 2, 3, 6, 7, 9, 10—14, 16—20, 23, 31, 32, 36, 38 по тому же «Описанию».

³²⁰ Часть их соответствует № 2, 4, 18, 411 «Описания», другие при обработке архива разошлись по разным единицам хранения и соответственно номерам «Описания».

³²¹ № 3, 4, 7, 13—16, 22—25, 27—29, 31, 34—35 по «Описанию рукописей А. И. Герцена».

³²² № 37, 40, 47, 58—60, 81, 96 по тому же «Описанию».

³²³ «1-я серия» (1833—1841) писем Огарева к Герцену, «2-я серия» их (1841—1846), обмен письмами Герцена и Ю. Самарина, письма к Герцену И. Аксакова, Кавелина, Кошелева, Чичерина.

³²⁴ *ГБЛ*, ф. 196, 2.14, л. 39.

³²⁵ Письмо от 21 января 1903 г. (Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 596, л. 86).

³²⁶ Письмо А. И. и Н. А. Герценов 1849 г. к Н. А. Огаревой, рисунок Таты Герцен с ее письмом к ней же, портреты Н. А. Огаревой, Сатина, Щепкина, заграничный паспорт Герцена, мемориальные вещи его жены и др. (там же, д. 618, л. 23—24; Отчет *МП* и *РМ* за 1904 год. М., 1905, с. 56).

³²⁷ *ГБЛ*, ф. 196, 19.38—39.

³²⁸ *ГБЛ*, ф. 196, 18.27; *АО*, с. 261—267.

³²⁹ Там же, 18.25—26.

³³⁰ Там же, 8.1, л. 75. Сведений об этой «комнате» нет.

³³¹ Там же, 19.1, л. 13.

³³² Зап. *ГБЛ*, вып. 32. М., 1971, с. 193—197.

³³³ Письмо от 5 мая 1902 г. (*ГБЛ*, ф. 196, 14.38).

³³⁴ Письмо от 8 октября 1901 г. (там же, 21.10).

³³⁵ Протокол Совета музея от 5 ноября 1905 г. (Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 588, л. 70—70 об.).

³³⁶ Личный архив М. О. Гершензона хранится частично в *ЦГАЛИ* (ф. 130), большая же его часть поступила в 1978 г. в Отдел рукописей *ГБЛ* (ф. 746), но обработана еще не полностью. Здесь и далее отсутствие ссылок с шифрами на материалы из архива Гершензона означает их принадлежность к ф. 746 *ГБЛ*.

³³⁷ Речь идет об очерках Герцена «Скуки ради», напечатанных под псевдонимом И. Нионский в трех номерах газ. «Неделя» (1868, № 48, 1869, № 10, 16). «Я очень рад,— писал Гершензон о своей находке матери 7 февраля 1900 г.,— это мне облегчит доступ к материалам о Герцене, которые находятся у сына».

³³⁸ Небольшая часть писем Гершензона к брату опубликована в кн.: М. О. Гершензон. Письма к брату. Избранные места. Вступительная статья и примечания М. Цявловского. М., 1927 (далее: *Письма к брату*). Цитируемое письмо см.: Письма к брату, с. 120—121.

³³⁹ Письмо к брату от 7 февраля 1900 г.

³⁴⁰ Подлинник на франц. яз.

³⁴¹ Письмо к брату от 13 января 1900 г.

³⁴² *Письма к брату*, с. 122.

³⁴³ Там же, с. 125.

³⁴⁴ Там же, с. 126—134.

³⁴⁵ «Вестник Европы», 1900, № 8; дневник и некоторые другие материалы Тучкова оставались у Гершензона до 1906 г., когда от имени Н. А. Тучковой-Огаревой были переданы им в рукописное отделение Румянцевского музея. См.: Отчет *МП* и *РМ* за 1906 год. М., 1907, с. 38; теперь хранятся в *ГБЛ* (ф. 69, 15.36—40).

³⁴⁶ Письмо к брату от 18 января 1901 г.

³⁴⁷ Письмо к брату от 6 октября 1900 г.

³⁴⁸ Ему же от 13 октября, а также: *Письма к брату*, с. 144.

³⁴⁹ См.: *Письма к брату*, с. 150; план Огарева см.: «Избранные социально-политические и философские произведения Н. П. Огарева», т. 2. М., 1956, с. 7—15; рукопись см.: *ГБЛ*, ф. 69, 7.112.

³⁵⁰ Письма к брату от 4 февраля и 4 марта 1901 г.

³⁵¹ *ПД*, ф. 658 (Переселенкова), ед. хр. 18, л. 3 об.

³⁵² Там же, ед. хр. 37, л. 4.

³⁵³ Письмо от 23 марта 1902 г. (*ГБЛ*, ф. 196, 19.1, л. 5 об.).

³⁵⁴ Там же, л. 7 об.—8 об.

³⁵⁵ *ПД*, ф. 658, ед. хр. 37, л. 15.

- ³⁵⁶ ЦГАЛИ, ф. 129, оп. 1, ед. хр. 130.
- ³⁵⁷ См. об этом: М. К. Перкаль. Указ. соч.; «А. И. Герцен. Семинарий», с. 28—31; С. А. Переселенков. Как разрешено было первое у нас издание сочинений и писем А. И. Герцена («Дела и дни», 1920, № 1).
- ³⁵⁸ Письмо к брату от 13 ноября 1901 г.
- ³⁵⁹ Письмо от 24 октября 1901 г. (ЦГАЛИ, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 5, л. 7).
- ³⁶⁰ Там же, ед. хр. 8, л. 59 об.—60.
- ³⁶¹ Письма к брату, с. 159—160.
- ³⁶² Имеется в виду Николай Александрович Герцен.
- ³⁶³ Архив ГБЛ, оп. 1, д. 596, л. 82.
- ³⁶⁴ Там же, л. 83. См. указ. статью о них Л. Р. Ланского («Лит. наследство», т. 63).
- ³⁶⁵ ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 619—747.
- ³⁶⁶ ГБЛ, ф. 196, 12.11, л. 42.
- ³⁶⁷ Письмо от 10 ноября 1904 г. (ГБЛ, ф. 69, 24.26, л. 36—37).
- ³⁶⁸ ПД, ф. 661 (М. К. Лемке), ед. хр. 311, л. 10—10 об.
- ³⁶⁹ ЦГАЛИ, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 5, л. 4 об.
- ³⁷⁰ Архив ГБЛ, оп. 1, д. 618, л. 28.
- ³⁷¹ Там же, л. 29—30.
- ³⁷² Письмо от 12 июля 1907 г. (ПД, ф. 661, ед. хр. 311, л. 38—39).
- ³⁷³ «Лит. наследство», т. 63, с. 834—835. Предположения по этому поводу В. И. Кулешова (с. 840) уточняются всем сказанным ранее.
- ³⁷⁴ Там же, с. 840.
- ³⁷⁵ Письмо от 26 декабря 1914 г. (ПД, ф. 661, ед. хр. 301, л. 43).
- ³⁷⁶ Там же, ед. хр. 302, л. 1.
- ³⁷⁷ «Лит. наследство», т. 61, с. 379—454.
- ³⁷⁸ 33 письма 1846—1851 гг. в Прагу — ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 425; 2 письма в Амстердам, фотокопии — ГБЛ, ф. 69, 21.42; одно в Париж, фотокопии — там же, 21.43.
- ³⁷⁹ ГБЛ, ф. 196, 13.46, л. 60б.
- ³⁸⁰ «Русские Пропилеи». М., 1917, с. 1.
- ³⁸¹ «Лирика Н. П. Огарева» («Вестник Европы», № 9); «Н. П. Огарев и его крепостные» («Научное слово», № 4); «История одной дружбы» (там же, № 8, 9).
- ³⁸² ГБЛ, ф. 196, 19.1, л. 9.
- ³⁸³ Письмо к брату от 8 января 1903 г.
- ³⁸⁴ В отдельном издании текст этот не был опущен.
- ³⁸⁵ «Русская старина», 1890, № 10, с. 57.
- ³⁸⁶ Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., 1903, с. 50.
- ³⁸⁷ «А. И. Герцен. Семинарий», с. 31.
- ³⁸⁸ ГБЛ, ф. 196, 18.26, л. 23об.—25об.
- ³⁸⁹ «Спутник» («Русская мысль», 1903, № 8).
- ³⁹⁰ «Русские Пропилеи», т. 2. М., 1916, с. 148—149.
- ³⁹¹ Письмо к Гершензону от 27 октября 1904 г.
- ³⁹² Письмо от 26 декабря 1905 г.
- ³⁹³ «Русские Пропилеи», т. 2, с. 149.
- ³⁹⁴ ЦГАЛИ, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 5, л. 13.
- ³⁹⁵ Впрочем, на возвращении в Швейцарию тех документов, которые уже были высланы в Россию, А. А. Герцен не настаивал. Еще при его жизни, в июле 1906 г., В. Яковенко сообщил в Румянцевский музей, что должен передать туда, по воле владельца, подлинную переписку Герцена с невестой, которая была напечатана в последнем томе павленковского издания (см. его письмо: ГБЛ, ф. 217, 17.77). Фактически передача состоялась в 1907 г. См.: Отчет МП и РМ за 1907 г. М., 1908, с. 42—43.
- ³⁹⁶ ЦГАЛИ, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 6, л. 5.
- ³⁹⁷ См. наст. том, с. 92—175.
- ³⁹⁸ ПД, ф. 661, ед. хр. 310, л. 14 об.
- ³⁹⁹ Архив ГБЛ, оп. 1, д. 659, л. 1—1об.
- ⁴⁰⁰ Там же, л. 69.
- ⁴⁰¹ Там же, л. 14. Подлинник на франц. яз.
- ⁴⁰² Там же, л. 69 об.
- ⁴⁰³ Отчет МП и РМ за 1906 год. М., 1907, с. 48.
- ⁴⁰⁴ «Биржевые ведомости», 1907, 8 апреля, № 9838, с. 4.
- ⁴⁰⁵ «Вестник Европы», 1907, № 5, с. 273—276.
- ⁴⁰⁶ ПД, ф. 661, ед. хр. 306, л. 9—10, письмо от 7 августа 1907 г.
- ⁴⁰⁷ В письме к Лемке от 29 июня 1907 г. Гершензон писал: «Этот Георгиевский читает у Герцена о Писареве: «Маколей русского нигилизма», а у Герцена сказано: „Маккавей!“ И прочее в таком же роде» (ПД, ф. 661, ед. хр. 311, л. 42).
- ⁴⁰⁸ Письмо от 13 сентября 1907 г. Цитата из письма Н. А. Герцена в подлиннике на франц. яз.
- ⁴⁰⁹ Архив ГБЛ, оп. 1, д. 659, л. 2—3 об., 6—7.
- ⁴¹⁰ Там же, л. 4—5. Копия рукою Георгиевского.
- ⁴¹¹ Там же, л. 8—9.
- ⁴¹² Письмо Н. А. Герцена к Гершензону от 9 октября 1907 г. (ЦГАЛИ, ф. 130, оп. 2, ед. хр.

6, л. 11) и Гершензона к Стасюлевичу от того же числа (русского стиля, чем и объясняется совпадение дат).

⁴¹³ Архив ГБЛ, оп. 1, д. 659, л. 5.

⁴¹⁴ ГБЛ, ф. 217 (Г. П. Георгиевского), 15.26.

⁴¹⁵ ГМИИ, ф. 6 (И. В. Цветаева), оп. 1, д. 526 (оба, указанные в этой и предыдущей сносках документа, сообщены нам Г. И. Довгалло).

⁴¹⁶ Письмо от 12 июля 1907 г. (ПД, ф. 611, ед. хр. 311, л. 38).

⁴¹⁷ Письмо от 29 июля 1907 г. (там же, л. 42—42 об.).

⁴¹⁸ Письмо от 1 августа 1907 г. (там же, л. 44 об.).

⁴¹⁹ Письмо от 8 октября 1901 г. (ГБЛ, ф. 196, 21.10).

⁴²⁰ Письма к брату, с. 161.

⁴²¹ «Научное слово», 1903, № 8-9.

⁴²² О составе хранившихся у Станкевича материалов см.: А. И. Герцен. Новые материалы. К печати приготовил Н. М. Мендельсон. М., 1927, с. 7—10.

⁴²³ См.: письмо к Гершензону от 21 ноября 1912 г. ходатайствовавшего за него Р. В. Иванова-Разумника; письмо Гершензона к Лемке от 12 декабря 1912 г. (ПД, ф. 661, ед. хр. 313, л. 36).

⁴²⁴ ЦГАЛИ, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 9, л. 7 об.

⁴²⁵ Об этом свидании см. письмо Н. А. Герцен к Лемке от 31 октября 1912 г. (ПД, ф. 661, ед. хр. 297, л. 4).

⁴²⁶ Письмо от 14 ноября 1913 г. (там же, ед. хр. 299, л. 25).

⁴²⁷ Письмо от 29 января 1914 г. (там же, ед. хр. 300, л. 15 об.).

⁴²⁸ Там же, л. 27 об.

⁴²⁹ Письма к брату, с. 176.

⁴³⁰ ПД, ф. 661, ед. хр. 313, л. 47.

⁴³¹ Отчет МП и РМ за 1914 год. М., 1916, с. 12.

⁴³² В автографе сохранились только первые шесть глав журнального варианта «Воспоминаний», оставшиеся в редакции «Русской старины» (ПД, ф. 265, оп. 1, № 42). После смерти М. И. Семевского Н. А. Тучкова-Огарева долго добивалась от его вдовы возвращения своей рукописи и все-таки получила ее (по-видимому, неполную — письмо к Некрасовой от 17 января 1893 г., ГБЛ, ф. 196, 18.18, л. 46). Гершензон, однако, не привез эту рукопись после ее смерти.

⁴³³ Впоследствии перепечатан Гершензоном в АО, с. 287—294.

⁴³⁴ АО, с. 294.

⁴³⁵ См. его письмо к брату от 22 февраля 1924 г.

⁴³⁶ ГБЛ, ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевича), 257.38.

⁴³⁷ Бюллетени Государственного литературного музея. Герцен, Огарев и их окружение. Рукописи, переписка и документы. М., 1940.

⁴³⁸ Ф. 129 А. И. Герцена; ф. 359 Н. П. Огарева (печатные описи их см.: «А. И. Герцен. Опись документальных материалов фонда». М., 1951; «Н. П. Огарев. Опись документальных материалов фонда». М., 1951); ф. 372. В. С. Печерина; ф. 426 Г. А. Римского-Корсакова; ф. 476 Н. М. Сатина; ф. 498 А. А. Тучкова; ф. 546 П. Я. Чаадаева; дневники Киреевских хранятся в их семейном фонде, № 236.

⁴³⁹ См.: «Описание рукописей А. И. Герцена», № 44, 58, 83, 1026, 1314.

⁴⁴⁰ ПД, Р III, оп. 1, № 826; текст записей Герцена: XX, 601—612.

⁴⁴¹ ГБЛ, ф. 196, 18.19, л. 11 об.

⁴⁴² «Лит. наследство», т. 61, с. 116.

⁴⁴³ ПД, ф. 661, ед. хр. 313, л. 49.

⁴⁴⁴ Там же, ед. хр. 301, л. 11.

⁴⁴⁵ «Русские Прошлеи», т. I, М., 1915, с. 232.

⁴⁴⁶ ГБЛ, ф. 69, 9.254.

⁴⁴⁷ Заголовок «Inside», как заглавие всей этой части «Былого и дум», впервые был осмыслен И. Г. Птушкиной, сообщившей об этом в докладе на герценовской конференции в апреле 1982 г. Ее исследование публикуется в следующем герценовском томе «Лит. наследства».

⁴⁴⁸ См. акт передачи от 9 июля 1951 г., хранящийся в рукописном отделе ИМЛИ.

⁴⁴⁹ ПД, ф. 661, ед. хр. 299, л. 18—18 об.

⁴⁵⁰ Там же, ед. хр. 300, л. 39 об.—40.

⁴⁵¹ ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 661, л. 65 об.

⁴⁵² ПД, ф. 661, ед. хр. 14, л. 207.

⁴⁵³ Письмо от 9 сентября 1905 г. (там же, ед. хр. 310, л. 16 об.).

⁴⁵⁴ Провище это объясняется просто пристрастием Я. А. Зильберштейна к «смирновской» водке (см. его приписку к письму Н. А. Герцен к Лемке: «Увы — и вино кончилось и смирновка приказала долго жить» — и слова в ее письме: «Сейчас идем ужинать, и Як. Арк. выпьет рюмку смирновки» (там же, ед. хр. 297, л. 13, 17 об.).

⁴⁵⁵ «Лит. наследство», т. 63, с. 834.

⁴⁵⁶ ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 662, л. 4.

⁴⁵⁷ A. H e r z e n. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970.

⁴⁵⁸ См. ее письмо от 19 мая 1913 г. («Лит. наследство», т. 63, с. 844).

⁴⁵⁹ Ср. у В. И. Кулешова: «Немало писем и посылок с материалами пропало» (там же, с. 836—837).

⁴⁶⁰ ПД, ф. 661, ед. хр. 21.

⁴⁶¹ М. Г. В а н д а л к о в с к а я. Указ. соч., с. 9.

⁴⁶² В указанной работе М. Г. Вандалковской, ее же обзоре дневника М. К. Лемке («Архео-

графический ежегодник за 1969 год». М., 1971) и особенно в указанной работе В. И. Кулешова, подробно проанализировавшего такой важный источник, как переписка Лемке с наследниками Герцена.

⁴⁶³ «Лит. наследство», т. 63, с. 832, ср.: М. Г. В а н д а л к о в с к а я. М. К. Лемке — историк русского революционного движения, с. 69—70.

⁴⁶⁴ Там же, с. 68.

⁴⁶⁵ «Лит. наследство», т. 63, с. 831.

⁴⁶⁶ *ПД*, ф. 661, ед. хр. 295, л. 1 об.

⁴⁶⁷ «Лит. наследство», т. 63, с. 841.

⁴⁶⁸ *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 661, л. 70.

⁴⁶⁹ См. его письма от 1 и 23 сентября 1905 г.

⁴⁷⁰ «Лит. наследство», т. 63, с. 839.

⁴⁷¹ *ПД*, ф. 611 (Бухгейма), ед. хр. 7, л. 23—23 об.

⁴⁷² «Былое», 1906, № 2; «Мир Божий», 1906, № 1.

⁴⁷³ *ПД*, ф. 661, ед. хр. 311, л. 24.

⁴⁷⁴ Письмо от 27 апреля 1907 г.

⁴⁷⁵ *ПД*, ф. 661, ед. хр. 306, л. 3 об.—4 (письмо от 20 июня 1907 г.).

⁴⁷⁶ Письмо от 30 июля 1907 г.

⁴⁷⁷ Письмо Лемке к Гершензону от 19 октября 1907 г.

⁴⁷⁸ *ПД*, ф. 661, ед. хр. 306, л. 30—45.

⁴⁷⁹ «Лит. наследство», т. 63, с. 832.

⁴⁸⁰ См.: «Отчет кружка имени А. И. Герцена за 1913 год». СПб., 1914, с. 2.

⁴⁸¹ Письмо от 6 декабря 1907 г. (*ПД*, ф. 661, ед. хр. 311, л. 79).

⁴⁸² Письмо от 16 июля 1907 г. (там же, л. 57—58).

⁴⁸³ Письмо от 5 сентября 1907 г. (там же, л. 72 об.).

⁴⁸⁴ Там же, ед. хр. 313, л. 63.

⁴⁸⁵ Там же, ед. хр. 313, л. 20—21 (письмо от 31 марта 1912 г.).

⁴⁸⁶ Там же, л. 22 (письмо от 6 апреля 1912 г.).

⁴⁸⁷ Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 659, л. 19—19 об.

⁴⁸⁸ Там же, л. 24, 26.

⁴⁸⁹ Там же, л. 47—47 об.

⁴⁹⁰ *ПД*, ф. 661, ед. хр. 292, л. 1.

⁴⁹¹ Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 659, л. 56.

⁴⁹² *ПД*, ф. 661, ед. хр. 298, л. 28 об. Подлинник на франц. яз.

⁴⁹³ Там же, л. 22.

⁴⁹⁴ Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 659, л. 70.

⁴⁹⁵ *ГБЛ*, ф. 217, 12.50, л. 10.

⁴⁹⁶ «Лит. наследство», т. 39-40. М., 1941, с. 376—573.

⁴⁹⁷ *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 625, л. 2.

⁴⁹⁸ Зап. *ГБЛ*, вып. 12, с. 56.

⁴⁹⁹ Н. С. Р о г о в а. Указ. соч., с. 323.

⁵⁰⁰ «Лит. наследство», т. 63, с. 840—841. Письма Гервега, о которых идет речь, см.: Л XIV, с. 34—89.

⁵⁰¹ Письмо от 9 октября 1907 г. (*ПД*, ф. 661, ед. хр. 306, л. 17—17 об.)

⁵⁰² *ЦГАЛИ*, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 6, л. 12. Насколько нам известно, Герцен никогда не сомневался в своем отцовстве.

⁵⁰³ *ГБЛ*, ф. 69, 13.14, л. 19—20.

⁵⁰⁴ «Лит. наследство», т. 63, с. 503.

⁵⁰⁵ *ПД*, ф. 661, ед. хр. 307, л. 8 об.

⁵⁰⁶ *ПД*, ф. 661, ед. хр. 313, л. 30 об.

⁵⁰⁷ См. об этом: М. Г. В а н д а л к о в с к а я. Указ. соч., с. 79.

⁵⁰⁸ *ПД*, ф. 661, ед. хр. 299, л. 19. Принятое Натальей Александровной решение издать «У том» не только не было поколеблено потом, но в мае 1914 г., получив от Лемке проект объявления о подписке на издание, она спрашивала его: «Почему Вы не упоминаете о 5-й части «Былого и дум»? Ведь это „гвоздь“ нашего издания» (там же, ед. хр. 301, л. 16 об.).

⁵⁰⁹ *ПД*, ф. 611, ед. хр. 7, л. 23 об.—24.

⁵¹⁰ *ГПБ*, ф. 27 (Н. П. Анциферова), дневники, т. II, л. 24 (дневники эти указаны нам Ю. П. Благоволиной).

⁵¹¹ «Лит. наследство», т. 63, с. 504.

⁵¹² *ГПБ*, ф. 27, дневники, т. III, л. 36.

⁵¹³ См. о нем: «Лит. наследство», т. 63, с. 835.

⁵¹⁴ *ПД*, ф. 661, ед. хр. 14, л. 226.

⁵¹⁵ 1, 2, 3 (автограф и копия Н. А. Тучковой-Огаревой с авторской правкой — *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 95, 102, 100—101; другая копия этой же статьи — *ГБЛ*, ф. 69, 14.18; 4 — *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 103; 5 — *ГБЛ*, ф. 69, 14.15—16; автограф отрывка — *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 105; 6 — там же, ед. хр. 112; 7 — там же, ед. хр. 111; 8 — *ГБЛ*, ф. 69, 14.17; 9 — там же, 14.19; 10 — *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 107; 11 — там же, ед. хр. 106.

⁵¹⁶ Фотокопия *ГБЛ*, ф. 69, 17.4.

⁵¹⁷ «Описание рукописей А. И. Герцена», с. 120, 141—142, 149.

⁵¹⁸ До нас дошли не все письма Бакунина, напечатанные Драгомановым: неизвестно место-

нахождение двух писем, от 15 января 1873 г. и без даты, относящегося к 1861 г. См. обзор Н. А. Роскиной «Письма М. А. Бакуннина». («Лит. наследство», т. 62, с. 771).

⁵¹⁹ ЦГАОР, ф. 7030, д. 95, л. 8 об.

⁵²⁰ С. А. Макашин. Указ. соч., с. 458, где он ссылается на заметку заместителя директора Архивного института Болгарской академии наук, писавшего, что «попавшие к Шишмановым документы Герцена (. . .) десять лет тому назад были переданы на сохранение в Болгарскую академию наук» (см. ниже прим. 572).

⁵²¹ ГБЛ, ф. 69, 14.6—58, 15.1—28.

⁵²² Состав коллекции подробно освещен в т. 63 «Лит. наследства», где материалы были впервые опубликованы.

⁵²³ С. А. Макашин. Указ. соч., с. 457.

⁵²⁴ Такое предположение высказал в своей записке об Русском заграничном историческом архиве в Праге А. Изюмов.

⁵²⁵ ЦГАЛИ, ф. 612 (Гос. лит. музея), ед. хр. 3433.

⁵²⁶ ПД, ф. 661, ед. хр. 303, л. 4.

⁵²⁷ ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 663, л. 38.

⁵²⁸ ЦГАЛИ, ф. 129, оп. 2, ед. хр. 27.

⁵²⁹ 3 и 15 апреля 1917 г. (ПД, ф. 661, ед. хр. 304, л. 4—6).

⁵³⁰ «Лит. наследство», т. 63, с. 837.

⁵³¹ ПД, ф. 661, ед. хр. 304, л. 7.

⁵³² «Лит. наследство», т. 63, с. 838.

⁵³³ «Лит. наследство», т. 80, с. 140.

⁵³⁴ «Лит. наследство», т. 63, с. 837—839.

⁵³⁵ ПД, ф. 661, ед. хр. 304, л. 14.

⁵³⁶ «Лит. наследство», т. 63, с. 839.

⁵³⁷ ПД, ф. 661, ед. хр. 304, л. 15.

⁵³⁸ Там же, ед. хр. 299, л. 10 об.—11.

⁵³⁹ ЦГАЛИ, ф. 2197, ед. хр. 661, л. 46 об.

⁵⁴⁰ Там же, ед. хр. 662, л. 38—38 об.

⁵⁴¹ ГБЛ, ф. 358 (Н. А. Рубакина), 343.9, л. 29.

⁵⁴² «Исторический архив», 1962, № 1, с. 94—104.

⁵⁴³ Там же, с. 95.

⁵⁴⁴ Там же, с. 97. Государственный литературный музей не был еще создан в это время, с мая 1931 г. действовала только комиссия по его созданию (В. А. Черных. В. Д. Бонч-Бруевич и получение из-за границы рукописных материалов по истории русской культуры.— «Археографический ежегодник на 1973 год». М., 1974, с. 136).

⁵⁴⁵ ГБЛ, ф. 369, 257.35.

⁵⁴⁶ В опубликованном Н. С. Роговой черновом тексте письма этих слов не было, и возражения против них Бонч-Бруевича в опубликованном далее его письме оставались непонятными. См.: «Исторический архив», 1962, № 1, с. 98.

⁵⁴⁷ Там же, с. 100.

⁵⁴⁸ ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 659, л. 1.

⁵⁴⁹ Т. е. А. Ф. Родичевой, Нелле Корназ (дочери А. А. Герцена) и О. А. Моно (Магна — ее домашнее имя; см. разъяснение Эдуарда Моно на полях хранившегося в архиве «Литературного наследства» письма к нему Жермен Рист от 13 декабря 1955 г.).

⁵⁵⁰ Архив редакции «Литературного наследства». «Портретная галерея» — см.: ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 853—979.

⁵⁵¹ См. указ. записку А. Изюмова (ЦГАОР, ф. 7030, д. 95, л. 8 об.).

⁵⁵² ГБЛ, ф. 369, 139.60. В 1936—1937 гг. Бонч-Бруевич активно разыскивал материалы Герцена и в других странах. Так, в Бельгии через депутата Пьерара ему удалось получить для музея подлинное письмо Герцена из архива брюссельской полиции (см. письмо к Бонч-Бруевичу советского постпредства в Бельгии от 16 июля 1937 г.— ЦГАЛИ, ф. 612, оп. 1, ед. хр. 3414). Получив сведения о поступлении в Британский музей архива Гервега и в его составе «300 писем Н. А. Герцен за 1848—1852 гг.», он сразу попросил советского посла И. М. Майского добиться получения фотокопий (там же, л. 17). Но Британский музей отказал: «Доступ к интересующим Вас материалам возможен лишь после 1952 г.», — сообщило Бонч-Бруевичу посольство (там же, л. 22). Позднее фотокопии были получены «Литературным наследством» и использованы в обзоре-публикации Л. Р. Ланского (т. 64), фотокопии см.: ГБЛ, ф. 69. 17.25—34, 22.35—39, 23.1—27.

⁵⁵³ ГБЛ, ф. 358, 343.9, л. 29.

⁵⁵⁴ ГБЛ, ф. 369, 139.59, л. 1 об.—2.

⁵⁵⁵ «Исторический архив», 1962, № 1, с. 100.

⁵⁵⁶ Там же, с. 101, 104.

⁵⁵⁷ Там же, с. 101.

⁵⁵⁸ ЦГАЛИ, ф. 612, оп. 1, ед. хр. 841, л. 13. Подлинник на франц. яз.

⁵⁵⁹ Там же, л. 1. Подлинник на франц. яз. 5-я часть ошибочно названа в тексте 3-й.

⁵⁶⁰ Там же, л. 9. Подлинник на франц. яз.

⁵⁶¹ «Исторический архив», 1962, № 1, с. 102.

⁵⁶² ЦГАЛИ, ф. 612, оп. 1, ед. хр. 841, л. 15.

⁵⁶³ Там же, л. 17.

⁵⁶⁴ Там же, л. 18.

- ⁵⁶⁵ Там же, л. 21.
- ⁵⁶⁶ Фотокопия *ГБЛ*, ф. 69, 21.38.
- ⁵⁶⁷ «Лит. наследство», т. 63, с. 759.
- ⁵⁶⁸ Цитируется письмо к нам С. А. Макашина от 16—20 июня 1982 г., присланное в ответ на ряд заданных нами ему письменно же вопросов. На сведениях, почерпнутых из этого письма, основаны все те факты, которые сообщаются далее без ссылки на источник.
- ⁵⁶⁹ Архив редакции «Литературного наследства».
- ⁵⁷⁰ И. С. Зильберштейн. Золотой юбилей «Литературного наследства», — «Ого нек», 1982, № 32, с. 24; его же. Культурные ценности возвращаются. — «Сов. культура», 1980, № 3, 13 мая.
- ⁵⁷¹ С. А. Макашин. Указ. соч., с. 457.
- ⁵⁷² «Вечерни новини», № 172 от 23 июля 1953 г.
- ⁵⁷³ Архив редакции «Литературного наследства».
- ⁵⁷⁴ Там же. Часть писем редакции «Литературного наследства» отправлялась за подписью главного редактора В. В. Виноградова, но фактически эту переписку вел С. А. Макашин. Ему самому пришлось это однажды объяснить. Он писал Т. А. Осоргиной 25 апреля 1969 г.: «Переписка 1950-х гг. с г-жой Рист и с г. Порше академика В. В. Виноградова и моя — это одна и та же переписка, по одному и тому же вопросу. В то время академик В. В. Виноградов был главным редактором «Литературного наследства», и некоторые, наиболее важные письма я давал на подпись ему» (Архив редакции «Литературного наследства»).
- ⁵⁷⁵ Л. И. Матюшенко потом опубликовала их в томе 64 «Литературного наследства» (письма № 1—24, 27, 29—37).
- ⁵⁷⁶ О составе фотокопий, полученных в 1970 г. по этому списку, см.: Зап. *ГБЛ*, вып. 34, М., 1973, с. 151—154.
- ⁵⁷⁷ С. А. Макашин. Указ. соч., с. 456.
- ⁵⁷⁸ Зап. *ГБЛ*, вып. 34, с. 153.
- ⁵⁷⁹ Письма Гервега — Л XIV; письма Мишле — Л VI—IX. Те и другие напечатаны Лемке и Л. Р. Ланским в наст. томе. В русском переводе. В подлиннике письма Мишле опубликованы: «Revue», 1907, № 10-11.
- ⁵⁸⁰ Письмо от 15 мая 1969 г. (Архив редакции «Литературного наследства»)
- ⁵⁸¹ «Неизданные письма А. И. Герцена к Н. И. и Т. А. Астраковым». Нью-Йорк, 1957. Фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 17.9—17, 22.3—27. Письма Герцена вошли в Собрание сочинений в 30-ти томах, письмо Н. А. Герцен публикуются в одном из томов «Литературного наследства».
- ⁵⁸² Копия ее письма к Т. А. Осоргиной была приложена последней к своему письму и хранится в архиве редакции «Литературного наследства».
- ⁵⁸³ Архив редакции «Литературного наследства».
- ⁵⁸⁴ Микрофильм был заказан за счет французских коллег, получивших потом из Москвы микрофильмы нужных им материалов.
- ⁵⁸⁵ О составе фотокопий, полученных в 1977 г., см.: Зап. *ГБЛ*, вып. 41. М., 1980, с. 124—126.
- ⁵⁸⁶ Опубликованы А. Звигильским в кн.: Alexandre Herzen. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970 — и будут напечатаны «Литературном наследстве».
- ⁵⁸⁷ См. ее письмо об этом от 12 января 1956 г. в архиве редакции «Литературного наследства».
- ⁵⁸⁸ «Лит. наследство», т. 64.
- ⁵⁸⁹ *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 749.
- ⁵⁹⁰ Архив редакции «Литературного наследства».
- ⁵⁹¹ «Autour d'Alexandre Herzen». Genève, 1973.
- ⁵⁹² «Александр Ивановичу Герцену в знак глубочайшего уважения от автора».
- ⁵⁹³ «Кобзарь» привез Герцену от Шевченко неустановленный общий знакомый. Записку Шевченко к этому лицу («Посылаю Вам экземпляр «Кобзаря», на всякий случай без надписи. Передайте его Александру Ивановичу с моим благоговейным поклоном») Герцен вклеил в свой альбом автографов выдающихся современников (фотокопия *ГБЛ*, ф. 69, 26.66.).
- ⁵⁹⁴ Подробнее см.: И. А. Желвакова. Указ. соч.
- ⁵⁹⁵ Цитируется указанное выше письмо С. А. Макашина от 16—20 июня 1982 г.
- ⁵⁹⁶ См., в частности, статью Е. П. Арефьевой «Н. А. Рубакин как книгособиратель и его библиотека в Советском Союзе» (Сб. «Книга. Исследования и материалы», кн. 8. М., 1963).
- ⁵⁹⁷ *ГБЛ*, ф. 358, 343.9, л. 27—30.